

Духовное управление мусульман Российской Федерации
Московский исламский институт
Нижегородский исламский институт им. Хусаина Фаизханова

Дамир Мухетдинов
Сергей Бородай

Ислам в Европе

Учебное пособие

ИД «Медина»
Москва
2016 г.

УДК 297 (07)

ББК 86.39

М 92

Учебное пособие было подготовлено в рамках программы обеспечения разработки и издания учебных пособий и хрестоматий по основным исламским наукам в рамках реализации Плана мероприятий по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2014–2016 годах для Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

М 92 Мухетдинов Д., Бородай С.

Ислам в Европе: учеб. пособ. / Дамир Мухетдинов, Сергей Бородай. — Москва: ИД «Медина», 2016. — 240 с.

ISBN 978-5-9756-0124-7

Работа является первым учебным пособием по исламу в Европе на русском языке. Она подготовлена на основе актуальных источников 2010–2015 гг. Авторами проанализированы демографическая ситуация, общая стратегия интеграции иммигрантов, рынок труда, жилищные условия, средства массовой информации и пр. Отдельные главы посвящены положению мусульман в Великобритании, Германии, Литве, Боснии и Герцеговине, а также в странах Центральной и Восточной Европы. Анализ современной ситуации дополнен прогнозами на ближайшие десятилетия, что позволяет составить представление о перспективах ислама в Европе, а также выявить точки сближения между российским мусульманством и формирующимся европейским мусульманством

Для студентов, аспирантов, преподавателей, представителей различных специальностей — социологов, политологов, журналистов, а также широкого круга заинтересованных читателей — всех тех, кто занимается изучением проблем Европы и ислама.

ISBN 978-5-9756-0124-7

УДК 297 (07)

ББК 86.39

© Д. Мухетдинов, 2016

© С. Бородай, 2016

© ИД «Медина», 2016

Оглавление

РАЗДЕЛ 1. ИСЛАМ В ЕВРОПЕ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Глава 1. Краткая история ислама в Европе	13
Глава 2. Демография	18
2.1. Материалы исследовательского центра «Пью»	18
2.2. Выводы	27
Глава 3. Проблема интеграции	28
3.1. Основная модель и механизмы реализации	31
3.2. Концепция интеграции	32
3.3. Локальные стратегии	39
Глава 4. Образование	42
4.1. Общие тенденции	43
4.2. Дошкольное образование и языковая компетенция	44
4.3. Сегрегация и дискриминация	46
4.4. Отношение к идентичности	49
4.5. Выводы	51
Глава 5. Рынок труда	53
5.1. Активность на рынке труда	53
5.2. Квалификация	56
5.3. Дискриминация	61
5.4. Стимулирование экономической активности	64
5.5. Выводы	66
Глава 6. Жилищные условия и общественная безопасность	67
6.1. Модели расселения и сегрегация	67
6.2. Этническое и религиозное многообразие	70
6.3. Условия проживания и доступность жилья	75
6.4. Преступность и доверие к полиции	77
6.5. Этническое и религиозное профилирование	80
6.6. Выводы	83
Глава 7. Самоидентификация и социальное положение	84
7.1. Ощущение принадлежности	84
7.2. Сплоченность	88

7.3. Политическая активность	93
7.4. Выводы	97
Глава 8. Средства массовой информации	98
8.1. Облик ислама в СМИ	98
8.2. Мусульманские СМИ	103
8.3. Феномен феминизации	106
8.4. Выводы	111
Глава 9. Исламские организации в европейских странах	112
9.1. Австрия	114
9.2. Албания	115
9.3. Бельгия	116
9.4. Босния и Герцеговина	120
9.5. Греция	122
9.6. Ирландия	123
9.7. Испания	126
9.8. Италия	127
9.9. Латвия	130
9.10. Литва	132
9.11. Нидерланды	134
9.12. Норвегия	137
9.13. Польша	138
9.14. Португалия	140
9.15. Словакия	141
9.16. Словения	144
9.17. Финляндия	145
9.18. Хорватия	146
9.19. Чехия	147
9.20. Швейцария	150
9.21. Швеция	151
9.22. Эстония	153
Глава 10. Перспективы европейского мусульманства	155
РАЗДЕЛ 2. ОБЗОР СИТУАЦИИ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ	
Глава 11. Великобритания	165
11.1. Население	165
11.2. Условия жизни и социальное положение	167
11.3. Политическая сфера	170
11.4. Общественные организации	172
11.5. Формы дискриминации	175
11.6. Перспективы ислама	177

Глава 12. Германия	179
12.1. <i>Население</i>	179
12.2. <i>Условия жизни и социальное положение</i>	181
12.3. <i>Политическая сфера</i>	185
12.4. <i>Общественные организации</i>	186
12.5. <i>Публичные дебаты и перспективы ислама</i>	191
Глава 13. Литва	194
13.1. <i>История</i>	194
13.2. <i>Новая эра</i>	196
13.3. <i>Организация</i>	198
13.4. <i>Сообщество</i>	200
13.5. <i>Новообращенные</i>	202
13.6. <i>Заключение</i>	205
Глава 14. Босния и Герцеговина	207
14.1. <i>Мусульманское население</i>	207
14.2. <i>Ислам и государство</i>	208
14.3. <i>Основные мусульманские организации</i>	209
14.4. <i>Образование</i>	211
14.5. <i>СМИ</i>	213
14.6. <i>Межрелигиозные отношения</i>	214
Глава 15. Страны Центральной и Восточной Европы	217
15.1. <i>Общий обзор ситуации</i>	217
15.2. <i>Приезжие мусульмане</i>	221
15.3. <i>Мусульмане ЦВЕ и европейское мусульманство</i>	224
15.4. <i>Выводы</i>	227
Заключение	229
Список литературы	232

Введение

Европейское мусульманство — это специфичная и крайне разнородная тема. Она включает в себя теологические, правовые, политические, демографические, социально-экономические, цивилизационные аспекты.

Существует ли единое мусульманское идеологическое поле в Европе? Совместим ли ислам с европейскими ценностями? Какова численность мусульман в современной Европе? Кого считать мусульманином? Стоит ли к мусульманскому населению причислять нерелигиозных «мусульман»? Какие формы политического ислама совместимы с европейским либерализмом? Насколько в Европе распространены экстремистские течения? Какая политика должна вестись в отношении мусульман? Как должна пониматься интеграция и каковы ее конечные цели? Хотят ли мусульмане интегрироваться? Каково положение мусульман на рынке труда, на рынке жилья и в сфере образования? Насколько распространена дискриминация в отношении мусульман? Какой фактор является решающим при дискриминации: религиозный или этнический? Каким будет этнорелигиозный облик Европы через несколько десятилетий? Существует ли у европейских политиков глобальная стратегия, касающаяся ислама? Какова роль неевропейских стран и имеется ли у них глобальная стратегия? Не является ли приход ислама в Европу наглядным примером столкновения цивилизаций?

Эти и другие вопросы активно дискутируются в зарубежной литературе (особенно англоязычной). В последние несколько десятилетий по данной проблематике написаны сотни работ, а с недавнего времени выпускаются ежегодники, посвященные активному мониторингу ситуации. Можно сказать, что за рубежом удалось создать живое дискурсивное поле, характеризующееся неоднородностью, а подчас и полярными позициями. В этот дискурс, безусловно, вовлечены и ведущие мировые политики, формирующие перспективы

европейского региона. Таким образом, от степени проработанности данной темы и от направления, в котором она прорабатывается, зависит то, как будет в дальнейшем конструироваться европейская социально-политическая и культурная реальность.

Несмотря на важность проблемы европейского мусульманства, эта тема слабо отражена в русскоязычной литературе. Ее представленность ограничивается несколькими монографиями, несколькими профессиональными статьями и десятками низкокачественных публицистических заметок. При этом широко распространено мнение (в частности регулярно высказываемое в публичных дискуссиях) о том, что ислам является огромной проблемой для Европы, что Европа уже исламизирована и через несколько десятилетий нужно будет говорить не о Европе, а о Еврабии. Это свидетельствует об очень слабом понимании европейской ситуации в русскоязычной среде. Между тем существуют как чисто научные, так и стратегические причины, по которым европейское мусульманство должно волновать русскоязычных исследователей и читателей.

Во-первых, положение мусульман в Европе должно быть интересно каждому, кто в той или иной мере интересуется Европой или занимается европейской проблематикой; это связано с тем, что уже сейчас ислам является частью европейской жизни и, вероятно, европейской идентичности, при этом роль ислама в данном регионе, судя по демографическим тенденциям, будет только возрастать.

Во-вторых, несомненный интерес представляет то, как европейские политики работают над интеграцией мусульманских иммигрантов (а работа ведется очень активно) и каковы их долгосрочные стратегии; это важно как с теоретической, так и с практической точки зрения, поскольку европейский опыт имеет большую ценность.

В-третьих, проблемы европейского мусульманства особенно актуальны, если учесть мировые демографические проекции: мусульманское население увеличивается численно и в процентном отношении, данный процесс в одинаковой мере касается

и Европы, и России, поэтому в обозримом будущем проблема взаимоотношения российских мусульман с европейскими мусульманами встанет более остро; на данный момент эти отношения практически отсутствуют на всех уровнях, что является явным геополитическим упущением.

Данное учебное пособие призвано заполнить лауну, которая имеется в российском образовательном пространстве по проблеме европейского мусульманства. Пособие делится на два раздела. В первом разделе рассматривается общее положение мусульман в европейских странах, а во втором — дается анализ ситуации в отдельных странах.

Сначала приводится краткая история ислама в Европе (глава 1), анализируется численность мусульман в современной Европе, а также демографические проекции на 2030 г. (глава 2). Отдельное внимание уделяется политическому контексту и европейскому пониманию «интеграционного процесса»: привлекаются документы ЕС, касающиеся интеграции, также рассматриваются механизмы интеграционной и иммиграционной политики на уровне Европейского союза (глава 3). С опорой на материалы отчетов Фонда Сороса подробно анализируется положение мусульман в сфере образования, на рынке труда и жилья (главы 4–6). Рассматриваются такие аспекты повседневной жизни мусульман, как доверие к полиции, ощущение принадлежности к району, городу и нации, степень сплоченности, социально-политическая активность, представленность в масс-медиа и др. (главы 7–8). Также анализируется ситуация с мусульманскими организациями (глава 9). Во втором разделе рассматривается положение мусульман в Великобритании, Германии, Литве, Боснии и Герцеговине, а также в странах Центральной и Восточной Европы (главы 11–15).

Попытка обобщить материал и обозначить перспективы ислама в Европе представлена в главе 10. Несмотря на приблизительность любого обобщения в столь сложной теме, мы полагаем, что здесь все-таки могут быть выделены некоторые явные тенденции. По нашему мнению, современные материалы свидетельствуют о том,

что передовые европейские страны сейчас преодолевают эпоху сегрегации этнорелигиозных меньшинств и вступают в период, когда меньшинства будут активно интегрироваться в социальную действительность, способствуя модификации самой этой действительности. Данный процесс будет всячески поддерживаться на уровне Евросоюза, поскольку «интеграция» понимается его идеологами как взаимное приспособление между иммигрантами и обществом. В результате длительного интеграционного процесса мусульмане, скорее всего, сформируют специфическую форму «европейского мусульманства», которое будет опираться на концепт гражданства и характеризоваться ослабленной связью с неевропейскими этнокультурными традициями. Принимающее общество, в свою очередь, также изменится, став более религиозным и консервативным. Гипертрофированный либерализм современной Европы будет поставлен в более жесткие «этические» рамки. Однако стоит отметить, что для разных регионов Европы возможны различные сценарии развития событий, поэтому прогнозы в отношении стран «первого эшелона» не должны автоматически проецироваться на всю Европу.

Общая характеристика положения мусульман в Европе, прежде всего в странах «первого эшелона исламизации» Европейского союза (ЕС), дается нами на основе серии отчетов Фонда Сороса за 2008–2009 гг.; материалы отчетов дополняются актуальными демографическими и статистическими выкладками. Скажем несколько слов об источниковой базе исследования.

Институт «Открытое общество», также известный как «Фонд Сороса» или «Фонд Открытое Общество», — это международная благотворительная организация, основанная в 1993 г. американским финансистом Джорджем Соросом. На данный момент ее филиалы распространены в 30 странах мира, в том числе в России. В последние годы Фонд Сороса уделяет внимание европейским проблемам, в частности проблеме иммиграции. Было создано специальное исследовательское направление «Наш дом — Европа» («At Home in Europe»,

далее — АНПЕ). Этот проект сфокусирован на положении этнорелигиозных меньшинств. Позиция его организаторов может быть охарактеризована как мультикультуралистская: по их мнению, Европа не является монокультурной и монорелигиозной областью, так что растущие этнорелигиозные меньшинства выступают важным компонентом европейского социокультурного пространства.

Исследование жизни мусульман проводилось сотрудниками АНПЕ в 2008–2009 гг. в 11 крупных европейских городах. Были изучены следующие города: Антверпен, Амстердам, Берлин, Гамбург, Копенгаген, Лестер, Лондон, Марсель, Париж, Роттердам, Стокгольм; исследование было сфокусировано на отдельных проблематичных районах в каждом из городов. На данный момент по всем городам подготовлены подробные отчеты, которые имеются в открытом доступе¹. Обобщающий доклад «Мусульмане в Европе» (далее — «Отчет Фонда Сороса», или ОФС) подготовлен Туфьялом Чодхури в 2010 г. [МПЕ 2010].

Следует выделить несколько важных особенностей, которыми характеризуются отчеты, выполненные командой АНПЕ: во-первых, исследование ориентировано не на сухую статистику, а на непосредственный повседневный опыт мусульманского и немусульманского населения, на жизненно важные вопросы, мнения, оценки и т. д., поэтому, помимо собственно статистической информации, в отчетах много внимания уделено анализу точек зрения респондентов; во-вторых, почти все рассмотренные страны — Великобритания, Бельгия, Германия, Дания, Нидерланды, Франция и Швеция — составляют первый эшелон исламизации внутри Евросоюза, так что здесь мы можем наблюдать, с одной стороны, самые проблемные ситуации, а с другой стороны — вероятные модели исламизации других европейских регионов; в-третьих, исследование сфокусировано на проблемных районах внутри городов, так что здесь мы выходим на самый

¹ См. [Antwerp 2011] [Amsterdam 2010] [Berlin 2010] [Copenhagen 2011] [Hamburg 2010] [Leicester 2010] [London 2012] [Marseille 2011] [Paris 2012] [Rotterdam 2010].

«фронт» европейского мусульманства. Все эти особенности выгодно отличают отчеты АНПЕ от других современных исследований по европейскому мусульманству².

Отчеты готовились на основе 200 детальных интервью с жителями каждого из городов (100 мусульман и 100 немусульман); таким образом, источниковая база главного отчета — это около 2200 подробных интервью по таким темам, как интеграция, образование, рынок жилья, рынок труда, гражданская активность, СМИ и т. д. Также проводились интервью с представителями муниципальных властей, чиновниками, социальными служащими, членами общественных организаций и экспертами по отдельным городам. Все это позволило составить общую картину ситуации с этнорелигиозными меньшинствами в каждом из городов.

В дальнейшем при анализе общего положения мусульман в европейских странах мы будем опираться как на обобщающий доклад «Мусульмане в Европе» (ОФС), так и на отчеты по отдельным городам. Другие источники также указаны в тексте пособия и даны в самом конце в Списке литературы³.

² Ср., например, детальные обзоры отдельных государств в ежегоднике «Ислам в странах ЕС» [Yearbook 2009; 2010], которые, однако, больше подходят в качестве справочной информации. Обращаем также внимание на фундаментальное исследование [Oxford Handbook 2014], которое, вероятно, надолго определит основные тренды в изучении интересующей нас темы.

³ При подготовке второй части пособия, где рассматривается ситуация в отдельных странах, особенно активно использовались материалы ежегодника «Ислам в странах ЕС» [Yearbook 2009; 2010], специальных выпусков журнала «Ислам в современном мире» [Мухетдинов (ред.) 2013а; 2013б] и монографии [Górak-Sosnowska (ed.) 2011].

Раздел 1

Ислам

**в Европе: общая
характеристика**

Глава 1

Краткая история ислама в Европе

Исламизация Европы в *средневековую эпоху* происходила по четырем направлениям: Аппенинский полуостров, Пиренейский полуостров, Балканы и Восточная Европа.

История ислама в европейском регионе началась в 652 г., когда арабо-берберские войска появились в Сицилии, которая в то время входила в состав Византии. Более основательное завоевание Сицилии происходило в X в. и продлилось до 965 г., когда был установлен Сицилийский эмират. Его падение датируется 1072 г.

В начале VIII в. арабо-берберские войска заняли большую часть Пиренейского полуострова. Эта область, получившая название аль-Андалус, находилась под контролем мусульман вплоть до 1492 г., когда войсками Католических королей был взят последний оплот — город Гранада. Во времена мусульманского владычества аль-Андалус пережил период расцвета культуры. Он был одним из главных мировых центров философской мысли и естественных наук.

Другая европейская область, долгое время находившаяся под владычеством мусульман, — это Южная Европа. В начале XIV в. Османская империя стала продвигаться на северо-запад, на Балканы, полностью подчинив Фракию и большую часть Македонии после битвы на Марице, состоявшейся в 1371 г. В 1382 г. пала София. В 1460 г. Османской империей была захвачена Греция. Сильное сопротивление туркам оказало Сербское

царство, которое пало в 1499 г. Расширение Османской империи в европейском регионе продолжалось вплоть до XVII в.

Восточная Европа находилась под исламским управлением с XIV в., когда Золотая Орда стала мусульманским государством. Этим же периодом датируется появление мусульман на территории Польши, Литвы, Латвии, Эстонии.

В эпоху Средневековья исламская цивилизация оказывала сильное влияние на европейскую цивилизацию в культурном плане. Мусульмане восприняли и творчески переработали греческую науку и философию, передав ее Европе, которая находилась в то время в состоянии упадка. Они открыли для европейских мыслителей Аристотеля и всю античную физику. Они передали свои знания по алгебре, астрономии, химии, медицине, геологии и пр. Технические достижения мусульман, такие как астролябия, хирургические инструменты, водные часы, тоже пришли в Европу; это принято считать одним из крупнейших технологических трансферов в мировой истории. Сильное влияние обнаруживается также в искусстве, музыке, литературе и многом другом. Специалисты сходятся во мнении, что без взаимодействия с мусульманами Европа не смогла бы совершить тот технологический и культурный рывок, который отмечается с XIV в., то есть с эпохи Возрождения. Крупный специалист в данном вопросе, М. Уотт, делает следующий вывод: «Ислам не просто поделился с Западной Европой многими достижениями своей материальной культуры и техническими открытиями, он не только стимулировал развитие науки и философии в Европе, он подвел Европу к созданию нового представления о самой себе»⁴.

О *современном этапе* активного взаимодействия Европы и ислама можно говорить со второй половины XX в., когда

⁴ [Уотт 1976: 110]. Об истории взаимоотношений европейской и арабо-мусульманской цивилизации см. работу [Кардини 2007].

в государства Западной Европы начался активный приток иммигрантов⁵. В тот период Великобритания, Франция и Бельгия, озабоченные восстановлением своей экономики, обратились к бывшим колониям как к источнику дешевой рабочей силы. В начале 1960-х гг. Германия также была вынуждена прибегнуть к услугам иностранных рабочих, заключив специальное соглашение с Турцией. Впоследствии к рабочим присоединились члены их семей, политические иммигранты, студенты.

В Германию большинство гастарбайтеров начало пребывать из Турции с 1950-х гг. Марроканцы и турки составляют основную часть мусульманского населения Бельгии и Голландии. В Скандинавию мусульмане мигрировали не так давно, в большинстве своем как беженцы. Их миграция отражает конфликты, назревшие в мусульманском мире: боснийский, курдский, иракский, ливийский, сирийский, афганский и сомалийский. В Великобритании проживают мусульмане преимущественно южноазиатского происхождения; большинство составляют пакистанцы и бенгалцы. Из британских пакистанцев около 70% происходят из Мирпура, сельского района пакистанского Кашмира.

В большинстве европейских стран приток рабочих был плохо спланирован. В силу упадка тяжелой промышленности многие приезжие потеряли работу. Но вместо того, чтобы возвращаться домой, как наивно ожидали коренные европейцы, иммигранты предпочли остаться на новой родине. Даже без работы они могли

⁵ Стоит отметить, что в дальнейшем мы будем использовать слово «иммигрант» в специфическом смысле, имея в виду (исключая специально оговоренные случаи) «мусульманского иммигранта», «представителя этнического меньшинства, традиционно являющегося исламским», а также «ребенка иммигранта». Это связано, во-первых, с тем, что нас не интересуют немусульманские иммигранты (например, русские в Германии или сикхи в Великобритании), а во-вторых, с тем, что проблемное мусульманское население является крайне неоднородным, и оно не покрывается понятием «мусульманские иммигранты». Упрощенные схемы получения гражданства ЕС привели к тому, что многие мусульманские дети получают гражданство при рождении, но оттого они не перестают быть проблемной группой, требующей интеграции. Этот момент учитывается в последних актах ЕС, где под «иммигрантами» часто понимается также второе и третье поколение иммигрантов.

обеспечить себе здесь гораздо лучший уровень жизни, чем в своей родной стране. За первыми иммигрантами-мужчинами последовали их жены, семьи и другие земляки в поисках прибежища и помощи. Второе поколение иммигрантов подвергалось большому риску безработицы и безысходности, многие стали нарушать закон и совершать преступления, в итоге число иммигрантов-заклученных выросло по сравнению с коренными жителями в несколько раз. В это время некоторые другие иммигранты находили выход в присоединении к радикальным и антиобщественным течениям.

Таким образом, на данный момент можно говорить о *двух группах* стран Европы с исламским населением: страны с традиционными мусульманами и страны с приезжими мусульманами.

К *первой группе* относятся государства, где мусульмане появились в результате ранних контактов с исламской цивилизацией, происходивших в эпоху Средневековья и в Новое время. Для этих стран характерно то, что ислам стал частью их культуры, а проживающие в них мусульмане, в свою очередь, сформировали сильную национальную идентичность, позволяющую им устойчиво ассоциировать себя с данной страной и ощущать себя полноправными членами европейского общества. К странам с традиционным мусульманством относятся Албания, Босния и Герцеговина, Польша, Латвия, Литва, Эстония и др.

Вторая группа представлена государствами, где основная часть мусульман появилась во второй половине XX в. в результате сознательной иммиграционной политики по привлечению рабочих. Для этих стран характерно то, что ислам еще не стал частью их культуры, и на этой почве возникают многочисленные конфликты, прежде всего конфликты идентичностей, идеологий и мировоззрений. Первые попытки интегрировать приезжих мусульман в общество, без изменения характера самого общества, оказались провальными, поэтому до сих пор остро

стоит вопрос об *умеренной интеграции*, то есть таком включении иммигрантов в общественную жизнь, при котором они стали бы полноценными членами европейского социума, но не потеряли бы свои корни и традиции. К странам с приезжими мусульманами относятся Франция, Великобритания, Германия, Бельгия, Нидерланды, Норвегия, Италия и др. Исследования по теме «Ислам в Европе» сосредоточены в основном на этих странах, поскольку сложившаяся в них ситуация проблематична, и она представляет наибольший интерес.

Процесс *исламизации* Европы продолжается. Приток иммигрантов особенно усилился в связи с последними событиями на севере Африки и на Ближнем Востоке. Как и следовало ожидать, иммигранты стремятся попасть в страны с наилучшим уровнем жизни, а это значит, что «первый эшелон исламизации» составляют такие экономически процветающие государства, как Германия, Великобритания, Франция, Бельгия и Нидерланды. Медленнее исламизируются страны с традиционными мусульманами, однако и здесь общий этнокультурный облик значительно меняется: заметна тенденция к тому, что традиционные мусульмане отходят на второй план, а в качестве представителей ислама начинают выступать иммигранты, которые нередко придерживаются радикальных взглядов. Таким образом, число мусульман растет, и иммиграция существенно влияет на социокультурный облик Старого Света, затрагивая как европейское население, так и традиционное мусульманское население.

Глава 2

Демография

Мусульманское население Европы является одной из наиболее спорных и обсуждаемых проблем в демографии. На данный момент не существует консенсуса по поводу численности мусульман в Европе. Цифры, предоставляемые исследовательскими группами, зачастую значительно разнятся. Это связано с тем, что исследователи по-разному определяют границы «Европы», опираются на разные статистические подсчеты и результаты опросов в отдельных странах. Неоднозначность результатов связана также с тем, что в подавляющем большинстве стран категория «религии» не включена в перепись, и поэтому отсутствуют надежные источники информации. Наличие нелегальной иммиграции, масштабы которой не всегда легко оценить, также осложняет ситуацию. Все это дополняется неизбежной приблизительностью прогнозов на будущее. Но, несмотря на имеющиеся сложности, серьезные исследования позволяют составить общую картину и спрогнозировать наиболее вероятное развитие ситуации; они позволяют отбросить крайние проекции, которые либо принижают число мусульман, либо (что встречается чаще) драматизируют ситуацию и пророчат создание общеевропейского халифата в ближайшие десятилетия.

2.1. Материалы исследовательского центра «Пью»

Для краткого обзора демографической проблематики мы обратимся к материалам исследовательского центра «Пью» [Pew 2011: 121–136]. На данный момент отчет центра «Пью» является одним из

самых детальных источников по проблеме мусульманской демографии в мире. Он интересен прежде всего тем, что в нем дается динамика роста мусульманского населения и проекция до 2030 г. Отчет центра «Пью» характеризуется умеренными и взвешенными оценками, основанными преимущественно на официальных источниках. Иногда, правда, умеренность приводит к некоторому занижению показателей⁶, но подобные недостатки неизбежны в демографических исследованиях. Стоит отметить, что приводимые материалы даются с целью введения в проблематику, и они ни в коей мере не претендуют на законченное и исчерпывающее описание ситуации.

Число мусульман по отдельным европейским странам, их доля от общего населения на 2010 г., материалы за 1990 г. и проекция на 2030 г. даны на рисунке 1 и таблице 1. На рисунке 3 представлено географическое распределение европейских мусульман. Как мы видим, мусульманское население Европы выросло за 20 лет с 29,6 млн (4,1%) до 44,1 млн (6%); предполагается, что к 2030 г. оно

⁶ Так, для России показатели по числу мусульман и иммигрантов оказались заниженными, что связано с недостаточной разработанностью официальной статистики. Кроме того, в приведенных данных еще не учтены те крымские мусульмане, которые стали гражданами РФ после вхождения Крыма в состав России. Более реалистичные цифры представлены в книге [Мухетдинов 2015], там же см. выкладки по демографической динамике. Мухетдинов пишет: «Массовая депопуляция, уменьшение доли русских, старение населения, иммиграционные потоки, демографические успехи мусульманских народов, — все это несомненным образом свидетельствует о том, что в ближайшие годы роль ислама в российской социальной и духовной действительности будет существенно расти. Насколько масштабными будут изменения в этноконфессиональной структуре? Об этом довольно сложно сказать с определенностью. У нас нет точных данных о численности мусульманского населения, что обусловлено отсутствием систематических опросов и адекватных оценок иммиграции. Согласно переписи 2002 г., численность традиционно мусульманских народов в России составила около 14,5 млн чел., т.е. примерно 10% населения страны. Очевидно, даже для тех лет эта цифра была заниженной. Фигурируют более реалистичные оценки — в 18–20 млн, т.е. 14–15% населения страны, такую оценку, в частности, дал В. В. Путин. Отталкиваясь от этих оценок, мы можем примерно представить будущее мусульман в России. Согласно подсчетам авторитетного центра „Пью“, к 2030 г. число мусульман увеличится на 3%, при этом нужно понимать, что авторы доклада оперируют самыми скромными цифрами, не учитывающими реалии иммиграции. Я полагаю, что с учетом иммиграции и депопуляции русского населения вполне правдоподобно, что к 2030 г. доля мусульман в России составит 20–22%. Сходные прогнозы делались в ряде авторитетных отчетов» [Ibid.].

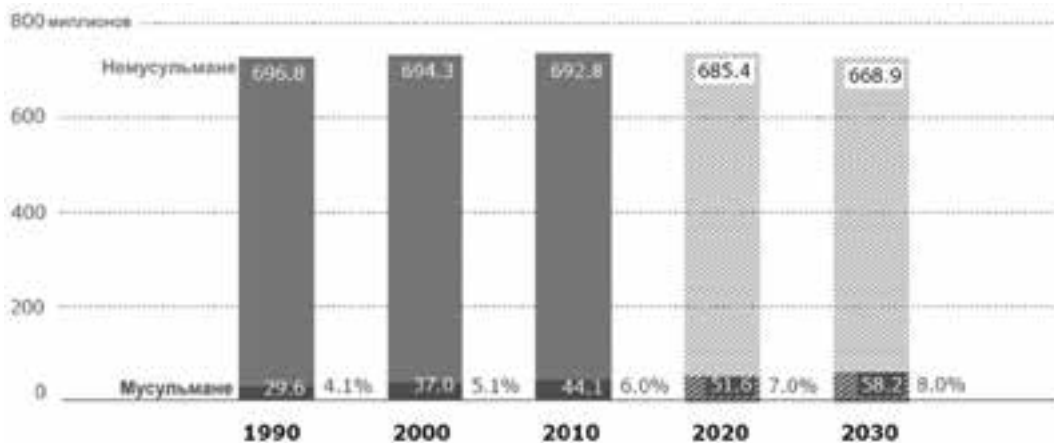

Рисунок 1. Диаграмма распределения мусульманского населения Европы в 1990–2030 гг.

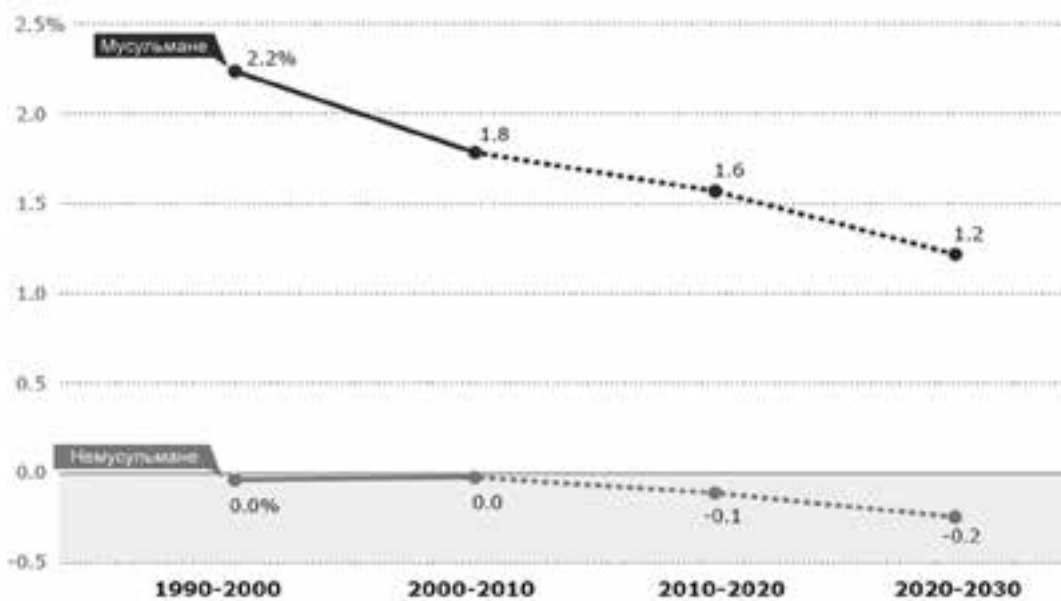

Рисунок 2. Прирост мусульманского населения в 1990–2030 гг.

составит около 58 млн человек (8%). Несмотря на довольно высокий рост, мусульманское население Европы составит к 2030 г. лишь 3% от общемирового, что сопоставимо с современными цифрами (2,7%). К 2030 г. в 10 европейских странах доля мусульманского населения будет превышать 10%: Косово (93,5%), Албания (83,2%), Босния и Герцеговина (42,7%), Македония (40,3%), Черногория (21,5%), Болгария (15,7%), Россия (14,4%), Грузия (11,5%), Франция (10,3%), Бельгия (10,2%). На данный момент в России проживает наибольшее число мусульман — около 16 млн 379 тыс.; к 2030 г. Россия сохранит статус самой исламизированной европейской страны (18 млн 556 тыс.).

Как видно из рисунка 2, степень прироста мусульманского населения снижается в последние годы. К 2030 г. он должен составить 1,2%, что, тем не менее, значительно выше, чем у немусульманского населения, для которого будут характерны отрицательные показатели. Падение уровня прироста мусульман связано со снижением коэффициента фертильности и стабилизацией иммиграции (см. ниже).

Одной из причин увеличения мусульманского населения является высокий коэффициент суммарной рождаемости. В таблице 2 даны коэффициенты фертильности по 25 странам за 2005–2010 гг., а также предполагаемые коэффициенты рождаемости в 2025–2030 гг. Сегодня на каждую мусульманскую женщину в Европе приходится 2,2 ребенка, а на немусульманскую женщину — 1,5. Предполагается, что разрыв немного сократится к 2030 г. (2,0 vs. 1,6). Во всех странах, кроме Боснии и Герцеговины, коэффициент рождаемости выше среди мусульман, чем среди немусульман. Особенно большое превосходство он имеет в Норвегии, Австрии, Финляндии, Ирландии, Косово, Сербии и Великобритании.

Другой причиной увеличения мусульманского населения является приток мигрантов из Южной Азии, Северной Африки, Турции и развивающихся стран. В таблице 3 приведены данные о чистой иммиграции мусульман за 2010 г. Самые

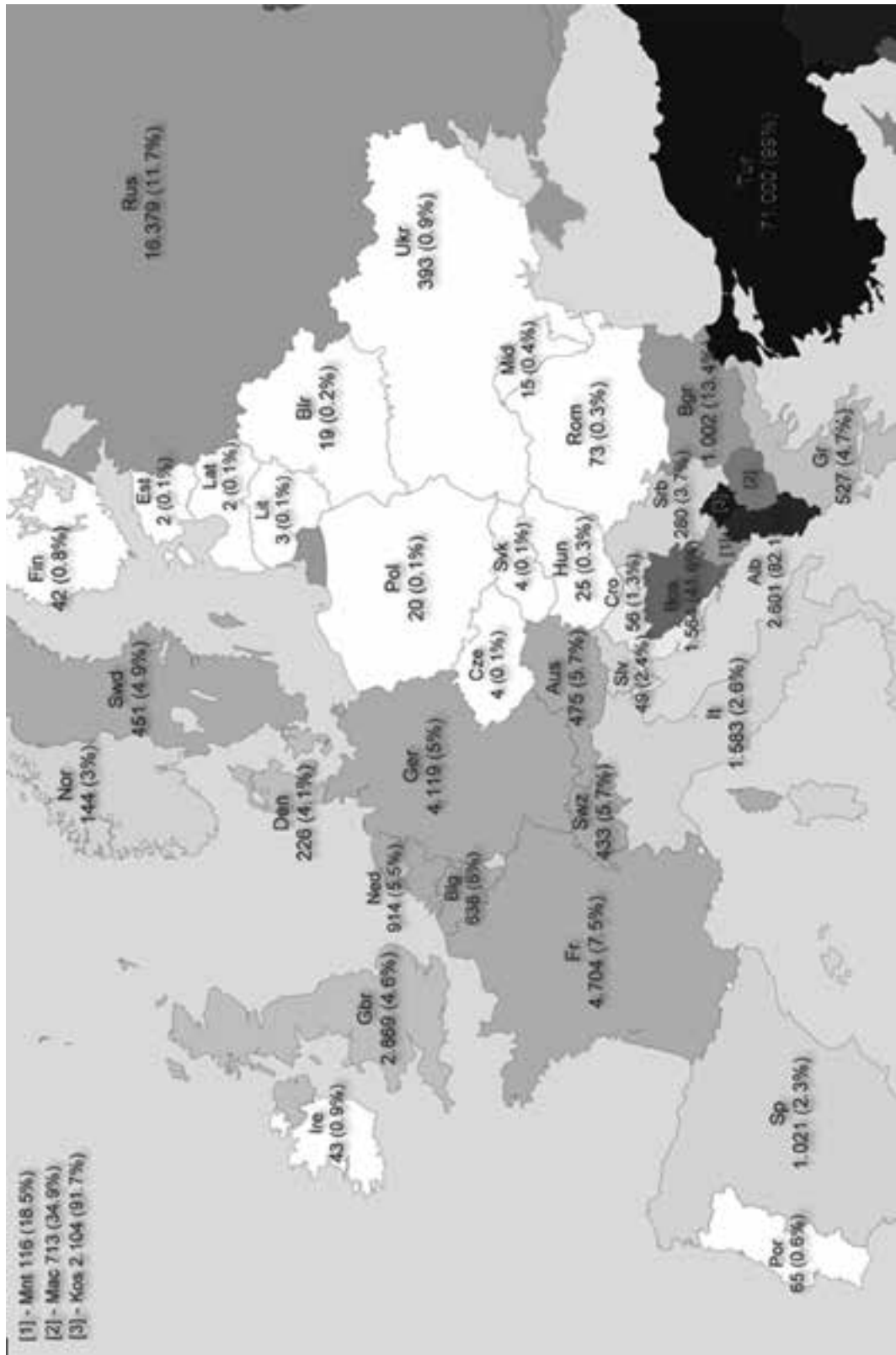

Рисунок 3. Мусульманское население в европейских странах в 2010 г., тыс. человек

Таблица 1.
Мусульманское население в европейских странах в 1990, 2010 и 2030 гг.

	1990		2010		2030	
	Мусульманское население	Доля мусульман	Мусульманское население	Доля мусульман	Мусульманское население	Доля мусульман
Европа	29.650.000	4.1%	44.138.000	6.0%	58.209.000	8.0%
Албания	2.302.000	70.0	2.601.000	82.1	2.841.000	83.2
Андорра	<1,000	0.5	<1,000	1.1	1,000	1.1
Австрия	161,000	2.1	475,000	5.7	799,000	9.3
Беларусь	10,000	0.1	19,000	0.2	17,000	0.2
Бельгия	266,000	2.7	638,000	6.0	1,149,000	10.2
Босния и Герцеговина	1.843,000	42.8	1,564,000	41.6	1,503,000	42.7
Болгария	1.155,000	13.1	1,002,000	13.4	1,016,000	15.7
Хорватия	52,000	1.1	56,000	1.3	54,000	1.3
Чехия	<1,000	<0.1	4,000	<0.1	4,000	<0.1
Дания	109,000	2.1	226,000	4.1	317,000	5.6
Эстония	9,000	0.6	2,000	0.1	2,000	0.1
Финляндия	11,000	0.2	42,000	0.8	105,000	1.9
Франция	568,000	1.0	4,704,000	7.5	6,860,000	10.3
Грузия	625,000	11.5	442,000	10.5	433,000	11.5
Германия	2,506,000	3.2	4,119,000	5.0	5,545,000	7.1
Греция	254,000	2.5	527,000	4.7	772,000	6.9
Венгрия	17,000	0.2	25,000	0.3	24,000	0.3
Исландия	<1,000	0.1	<1,000	0.1	<1,000	0.1
Ирландия	15,000	0.4	43,000	0.9	125,000	2.2
Италия	858,000	1.5	1,583,000	2.6	3,199,000	5.4
Косово	1,955,000	87.8	2,104,000	91.7	2,100,000	93.5
Латвия	3,000	0.1	2,000	0.1	2,000	0.1
Литва	7,000	0.2	3,000	0.1	2,000	0.1
Молдавия	4,000	0.1	15,000	0.4	13,000	0.4
Черногория	94,000	16.0	116,000	18.5	136,000	21.5
Нидерланды	344,000	2.3	914,000	5.5	1,365,000	7.8
Норвегия	54,000	1.3	144,000	3.0	359,000	6.5
Польша	6,000	<0.1	20,000	0.1	19,000	0.1
Португалия	10,000	0.1	65,000	0.6	65,000	0.6
Македония	441,000	23.1	713,000	34.9	812,000	40.3
Румыния	46,000	0.2	73,000	0.3	73,000	0.4
Россия	13,634,000	9.2	16,379,000	11.7	18,556,000	14.4
Сербия	412,000	5.6	280,000	3.7	377,000	5.1
Словакия	<1,000	<0.1	4,000	0.1	4,000	0.1
Словения	29,000	1.5	49,000	2.4	49,000	2.4
Испания	271,000	0.7	1,021,000	2.3	1,859,000	3.7
Швеция	147,000	1.7	451,000	4.9	993,000	9.9
Швейцария	148,000	2.2	433,000	5.7	663,000	8.1
Украина	103,000*	0.2	393,000	0.9	408,000	1.0
Великобритания	1,172,000	2.0	2,869,000	4.6	5,567,000	8.2

Таблица 2.

Показатели рождаемости в европейских странах в 2005–2030 гг.

	2005-2010			2025-2030		
	Мусульмане	Немусульмане	Разница	Мусульмане	Немусульмане	Разница
Албания	1.9	1.7	0.2	1.9	1.7	0.1
Австрия	2.4	1.3	1.1	2.1	1.4	0.7
Бельгия	2.5	1.7	0.9	2.2	1.7	0.5
Босния и Герцеговина	1.2	1.2	0.0	1.4	1.4	0.0
Болгария	1.8	1.3	0.4	1.7	1.4	0.3
Дания	2.7	1.8	0.9	2.4	1.8	0.6
Финляндия	3.3	1.8	1.5	2.8	1.8	0.9
Франция	2.8	1.9	0.8	2.4	1.9	0.5
Грузия	1.8	1.6	0.2	1.9	1.7	0.1
Германия	1.8	1.3	0.5	1.7	1.4	0.3
Греция	1.8	1.6	0.2	1.9	1.7	0.1
Ирландия	3.0	1.9	1.1	2.6	1.9	0.7
Италия	1.9	1.4	0.6	1.8	1.4	0.4
Косово	2.4	1.1	1.3	1.9	1.1	0.8
Черногория	2.5	1.5	1.0	2.3	1.7	0.6
Нидерланды	2.7	1.6	1.0	2.3	1.7	0.6
Норвегия	3.1	1.8	1.3	2.6	1.8	0.7
Македония	1.7	1.3	0.4	1.8	1.5	0.3
Румыния	1.4	1.3	0.0	1.4	1.4	0.0
Сербия	3.1	1.6	1.5	2.7	1.7	1.0
Испания	1.6	1.4	0.2	1.5	1.4	0.1
Швеция	2.5	1.8	0.8	2.3	1.8	0.5
Швейцария	2.4	1.4	0.9	2.2	1.6	0.6
Украина	1.9	1.5	0.4	1.9	1.7	0.3
Великобритания	3.0	1.8	1.2	2.5	1.8	0.8
В среднем по странам	2.2	1.5	0.7	2.0	1.6	0.4

высокие показатели у Испании (70 тыс.), Франции (66 тыс.), Великобритании (64 тыс.) и Италии (60 тыс.). Предполагается, что к 2030 г. Европа по-прежнему останется привлекательным регионом с точки зрения иммиграции, но в некоторых странах (Испания, Франция, Германия, Великобритания) показатели значительно упадут.

Таблица 3.
Показатели чистой иммиграции мусульман за 2010 г.

	Примерный чистый приток мусульманских иммигрантов	Доля мусульман среди новых иммигрантов	Доля мусульман от общего населения
Западная Европа			
Франция	66,000	68.5%	7.5%
Нидерланды	3,000	42.6	5.5
Бельгия	14,000	30.8	6.0
Австрия	8,000	23.4	5.7
Швейцария	2,000	19.0	5.7
Германия	22,000	14.7	5.0
Южная Европа			
Греция	12,000	29.7	4.7
Италия	60,000	23.7	2.6
Испания	70,000	13.1	2.3
Северная Европа			
Швеция	19,000	45.4	4.9
Норвегия	7,000	34.0	3.0
Великобритания	64,000	28.1	4.6
Финляндия	2,000	20.6	0.8
Ирландия	5,000	9.6	0.9
Дания	<1,000	8.0	4.1
Восточная Европа			
Болгария	<1,000	41.9	13.4

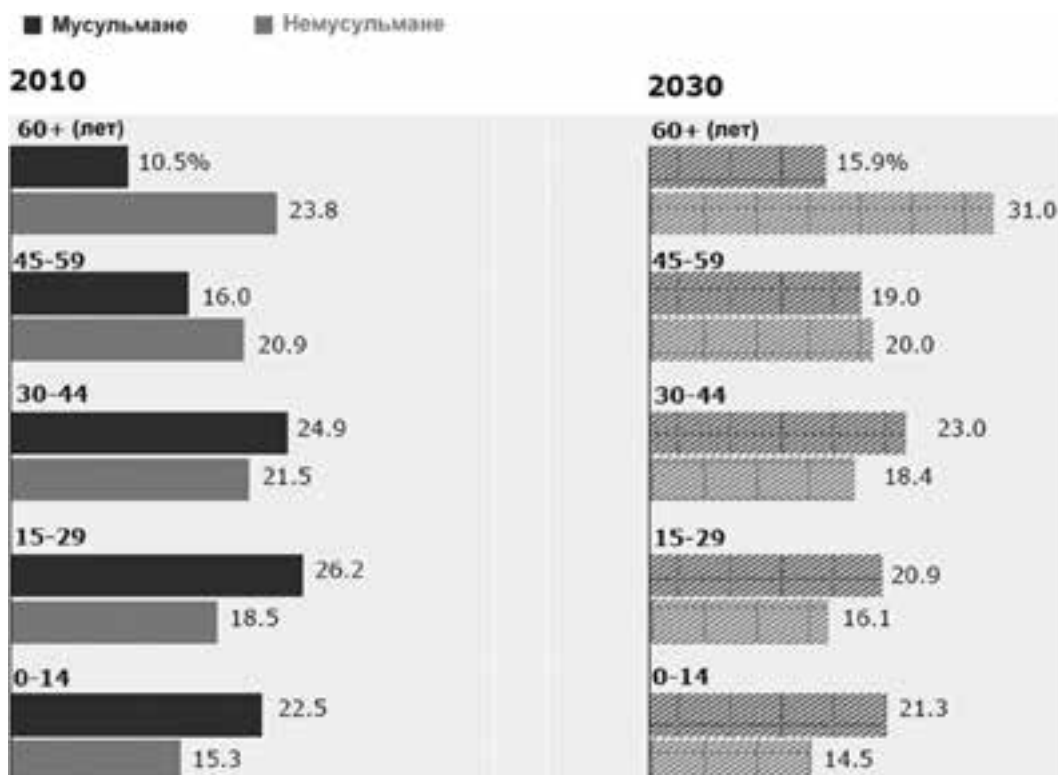

Рисунок 4. Диаграмма возрастного состава населения Европы

Важный фактор при оценке будущего мусульман в Европе — это возрастной состав населения. Материалы по возрастному составу мусульман и немусульман приведены в диаграмме на рисунке 4. Если говорить в целом, то мусульманское население является более молодым. Почти 49% мусульман — это люди, моложе 30 лет; среди немусульман этот показатель равен 34%. Предполагается, что к 2030 г. превосходство мусульман по данному показателю сохранится (42% vs. 31%). Также считается, что мусульманское и немусульманское население значительно постареет к 2030 г.: от 10,5% к 15,9% среди мусульман и от 23,8% к 31% среди немусульман.

2.2. Выводы

Материалы исследовательского центра «Пью» показывают, что мусульмане составляют около 6% европейского населения, и в ближайшие десятилетия их число будет расти. Уровень прироста при этом будет снижаться, что связано с падением коэффициента фертильности и стабилизацией иммиграции. К 2030 г. мусульмане составят примерно 8% от общего населения Европы. Таким образом, можно говорить о том, что исламизация Европы идет умеренными темпами, и здесь не предвидится резких скачков; модель Еврабии или общеевропейского халифата представляется фантастичной и невозможной демографически (с этим согласны и аналитики центра «Пью»). Вероятно, постепенный рост мусульманского населения будет сопровождаться более активным включением мусульман в социальную действительность, что не может не привести к трансформации самой этой действительности. Об официальной стратегии такой интеграции мы и поговорим в следующем разделе.

Глава 3

Проблема интеграции

Можно выделить несколько стратегий включения (интеграции) иммигрантов в европейское общество: модель гастарбайтеров, модель меньшинств и модель ассимиляции.

Модель гастарбайтеров родилась в 1950–1960-х гг., когда после Второй мировой войны европейские страны находились в стагнации и не хватало рабочих рук. Эта модель основана на идее, что мигранты приедут, чтобы заполнить дефицит на рынке труда, и что они вернуться на родину по истечении определенного времени — два или три года — сохранив часть своих доходов. Классическим примером является программа привлечения гастарбайтеров в Западной Германии с 1955 до 1973 г. Немецкие работодатели принимали на работу — при активной поддержке немецких властей — квалифицированных и неквалифицированных рабочих, сначала из Италии, а затем из Турции и других стран Юго-Восточной Европы.

Одной из основных характеристик этой политики было убеждение в том, что в ассимиляции нет необходимости, потому что иммигранты должны остаться только на короткое время. Таким образом, Германия не планировала проводить интеграционную политику: ни прокладывать путь иммигрантам в общество, ни помогать принимающему обществу справиться с растущим культурным многообразием. Типичная формулировка была (и остается) — «мы не страна иммиграции». Такое отношение еще существует в широкой немецкой общественности, несмотря на глубокие изменения в немецком законе о гражданстве; эти изменения упростили доступ к получению гражданства, и они показывают, что большинство

в немецком Бундестаге признало существование в стране значительной и постоянно растущей группы мигрантов.

Сегодня многие считают, что гастарбайтерская модель полностью провалилась, в первую очередь по той простой причине, что все страны, которые ввели ее, не смогли вовремя заметить, что эти временные мигранты становятся постоянными иммигрантами, несмотря на отсутствие какой-либо интеграционной политики. Ненамеренные результаты этого теперь можно видеть в том факте, что в Германии постоянно растет число детей и внуков этих «временных мигрантов».

В отличие от первой модели, *модель меньшинств* была основана на предположении, что иммиграция будет постоянной, и поэтому иммигранты должны рассматриваться как граждане с определенными религиозными, этническими и культурными традициями. Таким образом, иммигранты воспринимались как члены группы, а их локальные поселения и возникающие этнические общины рассматривались как посреднический и необходимый шаг на пути к интеграции. Предполагалось, что они сохраняют свою культурную идентичность, и интеграция рассматривалась как долгий и более или менее самоорганизующийся процесс. Государство, в свою очередь, гарантировало определенные права меньшинств для этих иммигрантских групп.

Эта «мультикультурная» модель была использована, например, в Соединенном Королевстве и Нидерландах. Но с течением времени данная модель также потеряла свою адекватность, поскольку выяснилось, что результаты социально-экономической интеграции были так же плохи, как и результаты модели гастарбайтеров: бурные протесты, столкновения на этнической почве, агрессивные политические акции, и в конечном итоге — терроризм.

Третья модель — это *модель ассимиляции*. Иммигранты расцениваются как правовые субъекты, и эти субъекты должны подписать с государством что-то вроде контракта. Иммигранты

приветствовались до тех пор, пока они вели себя как местные жители, уважали законы, нормы и институты своей новой родины и принимали доминирующую культуру. Франция является хорошим примером, и, действительно, здесь иммигрантам были предложены так называемые *contrats d'accueil et d'intégration*.

Но эта модель также попала под огонь критики, особенно после насильственных и неоднократных столкновений между вторым/третьим поколением молодых иммигрантов, имевших в основном мусульманское происхождение, и французской полицией осенью 2005 г. Стало ясно, что большинство из этих молодых людей больше не верят в гипотетические обещания о гражданстве, учитывая то, что они фактически сталкиваются изо дня в день с маргинализацией и дискриминацией. Несоответствия между обещаниями вертикальной мобильности и реальностью показывают, что иммигранты не имеют практически никаких шансов для полноценного участия в экономической и политической жизни Франции.

Ни одна из классических европейских моделей интеграции иммигрантов теперь *не рассматривается* в качестве ориентира для текущей или будущей интеграционной политики. Действительно, растет общественное беспокойство по поводу того, как бороться с увеличением числа иммигрантов. В общем, политическая заинтересованность в интеграционной политике и в безопасности в случае отсутствия интеграции возросла во всех европейских странах. Многие государства, являющиеся членами Европейской комиссии, разрабатывают новые интеграционные инструменты и концепты. Более или менее основательно этим вопросом начали заниматься лишь 15–20 лет назад, а общая стратегия была намечена около 10 лет назад. Для понимания того, как решается данная проблема, требуется вкратце рассмотреть политический и идеологический контекст, в рамках которого работают политики Евросоюза, а также механизмы решения вопросов, действующие на уровне ЕС.

3.1. Основная модель и механизмы реализации

Последним официальным актом, в котором закреплены идеологические принципы Европейского союза, является Лиссабонский договор, подписанный 19 октября 2007 г. В этом договоре уточняются базовые ценности ЕС, в частности «признание человеческого достоинства, свобода, демократия, равенство, власть закона и уважение к правам человека»; при этом подчеркивается, что права человека включают в себя «права людей, принадлежащих к меньшинствам», а деятельность ЕС должна базироваться на плюрализме, отсутствии дискриминации и толерантности. Для реализации этих общих и абстрактных принципов задействуются конкретные механизмы. В случае с этническими и религиозными меньшинствами данные механизмы должны обеспечивать интеграцию в таких областях, как образование, рынок труда, рынок жилья и др. Главная задача политических институтов ЕС — это выработка адекватной стратегии, поддержка всех инициатив по реализации стратегии на локальном уровне, а также стимулирование политической активности по тем или иным направлениям.

На проблемах социальной вовлеченности и интеграции этнических меньшинств сосредоточены несколько директоратов Европейской комиссии⁷. Проблемами занятости и дискриминации на рынке труда занимается Генеральный директорат по занятости, социальным вопросам и равным возможностям (EMPL). Межкультурным диалогом и сферой образования занимается Генеральный директорат по образованию и культуре (EAC). Вопросами здравоохранения занимается Генеральный директорат по здравоохранению и защите потребителей (SANCO). Более широкая область компетенций покрывается Генеральным директоратом по региональной политике (REGIO), который занимается

⁷ Полный список директоратов и сферы их компетенции представлены на сайте Евросоюза: http://ec.europa.eu/about/ds_en.htm.

благоустройством городов, рынком жилья и экологией. Важно отметить, что в работе всех директоров акцент делается не на религиозных, а на этнических меньшинствах. Но поскольку подавляющее большинство европейских мусульман связаны с этническими меньшинствами, то они в целом попадают в сферу компетенции директоров.

Помимо директоров Европейской комиссии, интеграционные и иммиграционные стратегии разрабатывают также министерские конференции. Первая встреча министров по интеграции состоялась в 2004 г. в Гронингене; на ней был принят фундаментальный документ, касающийся общих базовых принципов интеграции (см. ниже). Вторая конференция состоялась в 2007 г. в Потсдаме; здесь был сделан акцент на межкультурном диалоге как инструменте интеграции. Третья конференция состоялась в 2008 г. в Виши; в финальной декларации были выделены шесть приоритетных областей: продвижение фундаментальных ценностей ЕС; интеграция; доступ к рынку труда и продвижение многообразия; интеграция женщин и образование детей; использование межкультурного диалога для продвижения интеграции; развитие интеграционной политики. Наконец, четвертая конференция состоялась в 2010 г. в Сарагосе; на ней была разработана последняя версия «Пособия по интеграции для политиков и исполнительной власти» [Handbook on Integration 2010].

3.2. Концепция интеграции

Официальный акт «Общие базовые принципы интеграции» был принят на первой министерской конференции в 2004 г. Основное внимание в нем уделено интеграции иммигрантов, то есть выходцев из тех стран, которые не являются членами ЕС. Однако, как отмечалось авторами документа, интеграционная

стратегия должна также затронуть этнические и религиозные меньшинства, вне зависимости от наличия или отсутствия гражданства у их представителей. Примерно треть мусульман, проживающих в странах ЕС, не являются гражданами этих стран, поэтому интеграционные инициативы затрагивают их напрямую; в то же время большая часть оставшихся мусульман, несмотря на наличие гражданства, плохо интегрированы в социальную жизнь, и поэтому принятые инициативы затрагивают их косвенно. Для более полного понимания общеевропейской стратегии мы приводим далее наш перевод программного текста «Общие базовые принципы интеграции» (The Common Basic Principles on Integration) по изданию 2010 г. [Handbook on Integration 2010: 160].

Общие базовые принципы интеграции.

- 1. Интеграция является динамическим двусторонним процессом взаимного приспособления между всеми иммигрантами и жителями государств-участников.*
- 2. Интеграция предполагает уважение к базовым ценностям Европейского союза.*
- 3. Трудовая занятость является ключевым элементом интеграционного процесса, она играет центральную роль в социальной вовлеченности мусульман, является ядром того вклада, который вносят иммигранты в принимающее общество, и делает этот вклад осязаемым.*
- 4. Базовое знание языка, истории и институтов принимающей стороны необходимо для интеграции; доступность этого базового знания для иммигрантов имеет существенное значение для успешной интеграции.*
- 5. Успехи в образовательной сфере имеют решающее значение в подготовке иммигрантов, и в особенности их потомков, к успешному и более активному участию в жизни общества.*

6. Доступ иммигрантов к институтам, а также к публичным и частным благам и сервисам, на основе равных прав с гражданами страны и без дискриминационных признаков — это база для лучшей интеграции.
7. Регулярное взаимодействие между иммигрантами и гражданами стран-участников является фундаментальным механизмом интеграции. Общие форумы, межкультурный диалог, изучение иммигрантов и культур иммигрантов, улучшение жилищных условий в городских округах укрепляют связи между иммигрантами и гражданами.
8. Практика различных культурных традиций и религий гарантируется Хартией Европейского союза по правам человека, и она должна охраняться, но при том условии, что практика не вступает в конфликт с другими неприкосновенными европейскими правами и национальным законодательством.
9. Участие иммигрантов в демократическом процессе и в оформлении интеграционной политики и интеграционных мер, особенно на местном уровне, обеспечивает их интеграцию.
10. Включение на правах мейнстрима интеграционной политики и интеграционных мер во все релевантные политические портфели и уровни государственного и общественного обеспечения является важным принципом, который следует задействовать в формировании и реализации публичной политики.
11. Разработка ясных целей, показателей и механизмов оценки необходима для приспособления политики, измерения прогресса в интеграции и более эффективного обмена информацией.

Можно отметить некоторые важные принципы, зафиксированные в программном документе. Самым существенным новшеством документа является специфическое понимание интеграции.

Согласно широко распространенному мнению, под интеграцией иммигрантов следует понимать полноценное включение иммигрантов в жизнь данного общества, при этом акцент делается на приспособлении иммигрантов к нормам и негласным правилам данного общества. В противоположность этому, в «Общих базовых принципах» интеграция понимается в более либеральном ключе; она трактуется как «динамический двусторонний процесс», который предполагает «взаимное приспособление между всеми иммигрантами и жителями государств»; по сути, интеграция требует не только активности со стороны иммигрантов, но и со стороны общества. Тезис о том, что интеграция — это двусторонний процесс взаимного приспособления, превратился в настоящее заклинание, которое постоянно рецитируется европейскими политиками. Если ранее результатом интеграции считалась полноценная включенность иммигрантов в общество, то в новом документе менее определенным стало понимание того, к какому результату должна вести интеграция и предполагает ли она вообще достижение некоего фиксированного результата. Согласно «Общим базовым принципам», интеграция является, скорее, процессом обоюдной трансформации, чем конечным состоянием.

Интересно, что несмотря на столь резкий скачок в трактовке интеграции, «Общие базовые принципы» подверглись значительной критике как недостаточно либеральные и слишком требовательные к иммигрантам. Критика способствовала выработке более определенной интерпретации первого пункта, которая была зафиксирована в последующих документах. Приведем некоторые важные выдержки из них: «Интеграция является динамическим, долгосрочным и продолжающимся двусторонним процессом взаимного приспособления, но не статичным результатом. Она требует участия не только иммигрантов и их потомков, но вообще всех жителей. Интеграционный процесс предполагает адаптацию со стороны иммигрантов (как мужчин, так и женщин),

имеющих все права и возможности, в отношении новой страны их пребывания. Этот процесс также предполагает активность принимающего общества, которое должно создать условия для полного экономического, социального, культурного и политического участия иммигрантов. Соответственно, государства-участники должны поддерживать вовлеченность иммигрантов и граждан в политику интеграции и сообщать об их взаимных правах и обязанностях» [JHA 2004: 19]; «Интеграция является динамическим двусторонним процессом, в который включены как иммигранты, так и принимающее общество, при этом обязанности распределены между обеими сторонами... Наиболее важной задачей, связанной с реализацией успешной интеграционной политики и обеспечением долгосрочного социального единства, является включение принимающих обществ в данный процесс» [Conclusions 2007]. Стоит отметить, что обилие разнообразных документов, отчетов и протоколов, разработанных институтами ЕС, способствует появлению разных трактовок данного вопроса и открывает поле для политического маневра (см. критический обзор [MIE 2010: 45–48]).

В программном документе сформулированы и другие важные идеи, касающиеся положения иммигрантов. Сейчас нет возможности останавливаться на них подробно, поэтому отметим лишь самые общие тенденции. Во-первых, утверждение о необходимости уважать базовые ценности Евросоюза выражено более или менее нейтральным языком; оно адресовано не только к иммигрантам, но и к гражданам государств; тем самым подчеркивается, что «базовые ценности» являются объединяющим началом, на основе которого происходит взаимное приспособление; в другом документе разъясняется, что именно имеется в виду под базовыми ценностями: «права человека, свобода слова, демократия, толерантность, равенство между мужчиной и женщиной, обязательное школьное образование» [EPIA 2008]. Во-вторых,

признается необходимость дифференцированного подхода к разным группам иммигрантов, что позволяет проводить более гибкую и четко ориентированную политику. В-третьих, учитывается, что интеграционный процесс должен затрагивать не только иммигрантов в узком смысле, но и этнические меньшинства в широком смысле (в том числе тех их представителей, которые имеют гражданство данной страны).

Таким образом, в «Общих базовых принципах» отражена долгосрочная стратегия интеграционной политики ЕС. Как уже было сказано, данный документ критиковался по разным направлениям многими авторами; в частности отмечалась неоднозначная интерпретация «интеграции», недостаточное внимание к участию принимающих обществ, размытость понятия «ценности Евросоюза» и др. Несмотря на это, концепция «Общих базовых принципов» является несомненным продвижением в сравнении с ранними представлениями. Возможно, некоторая неоднозначность понятия «интеграции» является даже удачным обстоятельством, поскольку в современных переходных условиях требуется тонкое политическое лавирование между заданной моделью интеграции и неподготовленностью европейского большинства к восприятию элементов чуждой культуры (о чем свидетельствуют материалы опросов). Европейские политики могут апеллировать, в зависимости от обстоятельств, к одной из двух версий «интеграции» — к «сильной версии», предполагающей приспособление и культурную трансформацию принимающего общества, или к «слабой версии», говорящей только о создании условий для включения иммигрантов в существующую социальную модель. Подобная концептуальная гибкость — это то, в чем сейчас нуждается европейская интеграционная политика.

Для поддержки проекта интеграции были предприняты многочисленные инициативы. Одно из приоритетных направлений — сбор и обмен информацией, которая необходима для

создания адекватного представления о ситуации. С 2004 г. выпускаются подробные справочники по интеграции, содержащие релевантные материалы и рекомендации для чиновников всех уровней. Первый том вышел в 2004 г., второй том — в 2007 г., третий том — в 2010 г.⁸ С 2003 г. также установлены Национальные контактные группы (NCPs) по интеграции; они способствуют обмену информацией и практиками между отдельными государствами-участниками. Для более свободного обмена опытом создан специальный веб-сайт⁹. Наряду с ним был запущен также форум по европейской интеграции, перед которым поставлены самые широкие задачи. Наконец, финансовая поддержка проекта обеспечивается Фондом европейской интеграции (EIF) и Фондом по поддержке беженцев (ERF). Деятельность Фонда европейской интеграции сосредоточена на создании подходящих условий для иммигрантов; поддержку от Фонда получают только зарегистрированные иммигранты. Общий объем средств за 2007–2013 гг. составил 825 млн евро. Из них 768 млн евро распределены между государствами-участниками в соответствии с числом зарегистрированных иммигрантов. Оставшиеся 57 млн евро направлены на реализацию конкретных программ. Среди приоритетных направлений за 2009 г. отмечены следующие: сбор информации о настроениях в обществе и среди иммигрантов, развитие более обстоятельного понимания интеграционных процессов; принятие интеграционных мер, нацеленных на молодежь и специфические гендерные проблемы; стимулирование активности гражданских организаций и местных властей для формирования стратегий интеграции. Помимо этих базовых задач, Фонд также финансирует проекты по самым широким областям, связанным с проблемами иммигрантов.

⁸ Все три тома выложены в открытом доступе на сайте Группы по миграционной политике: <http://www.migpolgroup.com/>.

⁹ Адрес сайта: <http://ec.europa.eu/ewsi/en/>.

3.3. Локальные стратегии

Помимо общей интеграционной стратегии, на уровне ЕС существуют также локальные стратегии, затрагивающие такие области как образование, рынок труда, социальное обеспечение, межкультурный диалог и др. Для лучшего понимания политического контекста вкратце обрисует эти стратегии.

Рынком труда и проблемами социальной вовлеченности занимается Генеральный директорат по занятости, социальным вопросам и равным возможностям (EMPL). Мусульмане не рассматриваются здесь как отдельная целевая группа; запросы мусульман решаются в рамках работы с этническими меньшинствами и иммигрантами. Последние признаются потенциально уязвимой группой, требующей особой поддержки. Официальная стратегия включает следующие положения: «Необходимо значительно сократить разрывы в уровнях занятости между людьми из разных социальных групп, включая различия между иммигрантами и гражданами ЕС... Борьба с дискриминацией и интеграция иммигрантов и меньшинств имеют особую важность» [Decision 2005]. Обновленная социальная программа предполагала выделение 1,2 млрд евро для поддержки иммигрантов на рынке труда в период 2007–2013 гг. [Agenda 2008: 17]. В рамках некоторых других программ также затрагивается проблема занятости и социальной вовлеченности. Таким образом, по этому направлению ведется активная работа.

Сфера образования находится преимущественно в компетенции отдельных стран ЕС. На уровне ЕС проблемами образования занимается Генеральный директорат по образованию и культуре (EAC), но его функции являются ограниченными. Общеευропейская стратегия по вопросу образования была разработана в 2009 г., и ее главная цель заключается в «продвижении равенства, социального единства и активной гражданской позиции». Для реализации этой цели «система образования

должна гарантировать, что все ученики — включая выходцев из уязвимых групп, особо нуждающихся и мигрантов — смогут закончить свое обучение, и при этом получить доступ к более продвинутому уровню и, там где это нужно, к индивидуальной работе... Образование должно продвигать межкультурные компетенции, демократические ценности и уважение к базовым правам и окружению; оно также должно бороться со всеми формами дискриминации, предоставляя всем молодым людям знания о том, как успешно взаимодействовать с их одноклассниками из различных этнических групп» [ET 2009]. Для реализации этих целей, в частности для стимулирования уровня образованности среди молодых и взрослых иммигрантов, используются ресурсы Европейского социального фонда (ESF).

Генеральный директорат по образованию и культуре занимается также вопросами межкультурного диалога. Эта новая область активности ЕС сформировалась в 2008 г., который был назван «Годом межкультурного диалога». В этом же году была намечена стратегия по межкультурному диалогу, цель которой заключается в «поддержании уважения к культурному многообразию и работе со сложной действительностью наших обществ, предполагающих сосуществование различных культурных идентичностей и верований»; при этом «необходимо подчеркнуть вклад различных культур в наследие и образ жизни государств-участников и осознать, что культура и межкультурный диалог представляют решающее значение для понимания того, как жить вместе в гармонии» [Decision 2008]. Аналогичные положения были включены в культурную программу Евросоюза на 2007–2013 гг., озаглавленную как «Пересекая границы — соединяя культуры». Целью программы является «внесение вклада в становление европейского гражданства через продвижение культурной кооперации в Европе и выдвижение общеевропейской культурной арены, где заметно наследие и богатое культурное разнообразие».

К представленным стратегиям и программам можно также добавить такие направления работы ЕС, как борьба с дискриминацией, улучшение условий жилья, борьба с терроризмом. В этих направлениях также доминируют стратегии, ориентированные на помощь иммигрантам и этническим меньшинствам и на их активную интеграцию. Все это формирует общую парадигму, в которой работают институты ЕС. Для понимания реалий и перспектив интеграции необходимо учитывать идеологическую специфику этой парадигмы.

Глава 4

Образование

В документе «Общие базовые принципы интеграции» подчеркивается важность образования для интеграции. Образование предоставляет навыки и квалификацию, необходимые для успешной деятельности на рынке труда, и оно является ключевым фактором социальной мобильности. Образование также играет важную роль как форма социализации молодого населения, усваивающего в школе негласные правила и ценности данного общества. Следовательно, имеется необходимость в том, чтобы образовательные учреждения отвечали запросам мусульманского населения и были способны направить процесс социализации в нужное русло. Наконец, образовательные учреждения де факто связаны с интеграцией, поскольку в них происходит взаимодействие учеников, родителей и учителей, имеющих различное этническое происхождение. Все эти аспекты обуславливают повышенное внимание со стороны Фонда Сороса, а также других общественных организаций, к проблемам мусульманского населения в сфере образования.

В рамках ОФС были собраны многочисленные материалы, касающиеся дошкольного образования, уровня языковой компетенции, сегрегации, дискриминации, места религиозных ценностей, позиции учителей и родителей, и т. д. [МІЕ 2010: 92–108]. Собранные материалы редко напрямую отражают религиозную идентичность учеников и студентов. Чаще всего в статистике используются такие категории, как «национальность», «этничность», «происхождение» и «родной язык», что более или менее облегчает идентификацию учеников по этническому и религиозному признаку. Производилась работа по улучшению методов сбора

информации. Например, в Лестере использовалась база данных «Датанет», которая включает информацию о дискриминации по гендерному, этническому и другим признакам¹⁰. Подобные базы существуют также для некоторых французских и нидерландских городов. Стоит отметить, что наличие подробной статистической информации является показателем осведомленности о ситуации и залогом окончательного решения мигрантского вопроса.

4.1. Общие тенденции

Если в наиболее общем виде охарактеризовать уровень образования среди иммигрантов и детей иммигрантов, то можно сказать, что он значительно ниже, чем у представителей доминирующего этноса. Имеет место чрезмерная представленность иммигрантов на низших уровнях образования, и в то же время они недостаточно представлены в сфере высшего образования. Среди детей, покинувших школу до получения квалификации, доминируют иммигранты. Несмотря на эту хорошо известную ситуацию, из ОФС следует, что имеются некоторые положительные тенденции (см. ниже).

Существование разрыва в уровне образованности должно объясняться комплексными факторами: проблемой языковой компетенции, многочисленными формами дискриминации, предвзятостью, тенденцией к сегрегации, сложным положением родителей и т. д. При этом важно иметь в виду, что, вопреки расхожему мнению, этнические и религиозные меньшинства, как правило, имеют четкую установку на получение образования. Например, как следует из отчета Мусульманского совета Британии, мусульмане считают проблему уровня образованности наиболее важной для них; опрос показывает, что эта проблема является

¹⁰ Сайт базы данных: <https://datanet.leicester.gov.uk/aboutdatanet.html>.

даже более важной, чем проблема жилищных условий. Профессор Тарик Модуд справедливо полагает, что религия играет положительную роль в поддержании образовательных устремлений молодых мусульман Британии: «Для многих молодых азиатов ислам является источником образовательного вдохновения и мотивацией самосовершенствования, он способствует дисциплинированному и ответственному образу жизни... Ислам в Британии тонко балансирует между религией гетто и религией социальной мобильности, которая, подобно „протестантской этике“, способна являться опорой решительности и дисциплины, а эти качества необходимы для того, чтобы суметь вовремя воспользоваться своим шансом» [Modood 2006: 250].

4.2. Дошкольное образование и языковая компетенция

В многолетнем общеевропейском исследовании интеллектуального, социального и поведенческого развития 3000 детей в возрасте от 3 до 7 лет, которое было выполнено К. Сильвой и коллегами, показано, что раннее обучение и дошкольное образование играют важную роль в процессе социализации. Авторы утверждают, что «дошкольное обучение может играть важную роль в борьбе с социальной сегрегацией и в развитии интеграции путем предоставления детям из неблагоприятных семей лучшего старта в начальной школе» [Sylva et al. 2004: 29]. Муниципальные власти и национальные правительства все больше заняты проблемой поддержки дошкольного образования; эта идея является ключевой в интеграционной стратегии нескольких городов. В Бельгии введены финансовые стимулы для детских садов, чтобы включать детей из бедных и неполноценных семей. В Гамбурге за год до принятия в школу оцениваются языковые навыки потенциального ученика, и в случае если уровень

владения языком является низким, ребенку назначаются специальные лингвистические курсы. В Лестере проводится активная политика по повышению языковой компетенции детей раннего возраста и их родителей. В интеграционной политике Берлина (Integrationskonzept) также уделяется большое внимание раннему образованию, что проявляется в финансовом стимулировании детских садов.

Языковая компетенция является жизненно важной для достижения успеха в образовании. Политика всех исследованных городов ориентирована на обучение государственному языку. В Германии имеется национальная программа ForMig, в рамках которой осуществляется поддержка в обучении грамоте этнических меньшинств; особым успехом пользуется «Rucksackprojekt», развиваемый в Берлине. Согласно этому проекту, учителя начальных классов и воспитатели детских садов проводят инструктаж с родителями-мигрантами на их родном языке по поводу темы, которой будет посвящено следующее занятие; родители, в свою очередь, консультируют собственных детей на родном языке. Некоторые из родителей могут стать «семейными помощниками» (Elternbegleiter), проводя консультации с другими иммигрантами, а также помогая им устанавливать коммуникацию с учителями. Во Франции поддержка языка проявляется в виде вводных классов для детей с ограниченным знанием французского языка. Стоит отметить, что развитие языковой компетенции имеет важность как на ранних этапах обучения, так и на более поздних этапах. В результате исследования выяснилось, что успехи учеников в старших классах напрямую связаны с повышением языковой компетенции. Отмечается, что билингвы, усвоившие язык школьного обучения, часто превосходят по уровню образования своих сверстников монолингвов. Не случайно Министерство стандартов образования Великобритании, исследовав успехи бенгальских детей, сделало вывод о необходимости сосредоточить усилия на обучении государственному языку [АВНР 2004].

4.3. Сегрегация и дискриминация

В рамках ОФС показано, что по отношению к детям мигрантов имеет место феномен избирательности подхода со стороны учителей. Избирательность подхода заключается в том, что уже на ранних этапах образования педагог склонен относить мигрантских детей к слабой группе учащихся и таким образом преграждать для них путь к более высоким ступеням образования; это происходит даже в случае отсутствия объективных причин, касающихся успеваемости. В Нидерландах высшее образование получают 60% этнических голландцев и лишь 30% мигрантов¹¹. Исследование общеевропейской ситуации, проведенное проектом TIES (Integration of the European Second Generation)¹², показало, что большое число турецких и марокканских выпускников, получивших высшее образование, добились этого несмотря на провал во время школьных курсов, дающих возможность на поступление; им приходилось добиваться поступления в вуз не напрямую, а через другие курсы. Тезис об избирательном подходе подкрепляется также исследованием единых средних школ в Германии и Великобритании. Единая школа (comprehensive school) — это государственная школа, в которую поступающие принимаются без отборочных экзаменов; это может быть как начальная школа, так и средняя. Общая тенденция заключается в том, что мигранты учатся в таких школах гораздо лучше и добиваются в рамках подобной системы более высоких результатов. Специально исследовавший этот вопрос Ф. Хекманн отмечает: «Можно с уверенностью заявить, что единые школы демонстрируют эффективность в повышении образовательных перспектив для мигрантских студентов, они также позволяют противостоять избирательности на

¹¹ Информация выложена на сайте Амстердамского исследовательского и статистического департамента: <http://www.os.amsterdam.nl/feitenencijfers/>.

¹² Сайт проекта TIES: <http://www.tiesproject.eu/>.

раннем этапе» [Heckmann 2008: 3]. Таким образом, единые школы являются хорошим инструментом интеграции, и в ОФС показано, что в некоторых городах муниципальные власти начинают уделять этому вопросу повышенное внимание.

Другую проблему, выявленную в социологических исследованиях, представляет существование низкого уровня ожидания со стороны учителей по отношению к детям мигрантов. Ученики, как правило, отвечают на ожидания учителей, и очень часто специфика ожиданий обусловлена этническими и религиозными факторами. Рассмотрим некоторые примеры. Информант из Марселя сообщает: «Два года назад у меня был одноклассник. Его отец был каменщиком, и учитель знал об этом. Посмотрев на руки ребенка, учитель сказал: „Да, у тебя определенно руки каменщика!“». В другом примере девушка хотела получить третью степень знания немецкого, но учитель посоветовал ей не беспокоиться, поскольку второй степени, по его мнению, вполне достаточно для турчанки. В Германии около половины представителей фокус-группы смогли привести похожие случаи низкого ожидания. Во Франции 39% родителей, имеющих североафриканское происхождение, считают рекомендации учителей по поводу дальнейшего образования их детей сомнительными. Скептицизм такого же рода был обнаружен и в Гамбурге. Как уже отмечалось, низкий уровень ожидания ведет к избирательному подходу, который напрямую связан с образовательными возможностями и дальнейшим положением на рынке труда. Хорошей иллюстрацией здесь является эксперимент, проведенный в Нидерландах: перед тем как ученики начали сдавать экзамены в среднюю школу, их учителей попросили подготовить рекомендации, касающиеся специфики дальнейшего образования; после сдачи экзамена оказалось, что рекомендации для представителей этнических меньшинств (в отличие от рекомендаций для голландцев) значительно занижены в сравнении с их реальными показателями на экзамене.

Низкий уровень ожидания, избирательность, а также объективные социально-экономические условия способствуют скоплению детей иммигрантов в ряде школ, что фактически обозначает сегрегацию этих школ. Уровень образования в таких школах, как правило, ниже, чем в обычных. Дискуссии в фокус-группах показали, что родители всерьез озабочены проблемой сегрегации в образовании: они считают, что школы с большим числом иммигрантов дают плохое образование и пользуются меньшей поддержкой со стороны властей. В ряде городов были приняты меры по борьбе с сегрегацией. В Великобритании в 2006 г. был введен «Акт экспертизы образования», понуждающий руководство поддерживать тесные связи с другими школами. В Лестере для повышения уровня взаимодействия между учениками из разных этнических и религиозных сообществ были созданы специальные группы, в которых ученики могли бы встречаться и проводить время. В Антверпене был принят «Декрет о равных перспективах в образовании», который ограничил права школ по отказу детям в приеме и разрешил переводить детей в другие школы в случае, если в данной школе число представителей этнических меньшинств превышает средний показатель по городу в 10%. Но несмотря на целый ряд мер по решению проблемы сегрегации, этот вопрос, как показывает ОФС, все еще является острым. Например, в Антверпене засвидетельствованы многочисленные случаи создания косвенных барьеров против зачисления в школу: руководство школы может запугивать родителей тем, что в школе тяжелый учебный план, который не смогут освоить их дети, что школа не проявляет должного внимания этническим и религиозным особенностям поведения, что школьная униформа является дорогой, а экскурсии затратными, и т. д.

Ко всем упомянутым видам притеснения добавляются примеры прямой дискриминации по религиозному признаку. В рамках ОФС показано, что уровень такой дискриминации не слишком велик: лишь 6% опрошенных отметили, что за последние 12 месяцев

они хотя бы раз подвергались религиозной дискриминации в школе. Но результаты между странами распределены неравномерно. Самая тяжелая ситуация, по-видимому, имеет место в Германии. Большинство жалоб, полученных ассоциацией по предотвращению дискриминации в Берлине (Anti Discrimination Network Berlin, ADNB), были связаны с системой образования. Почти все участники фокус-группы в Берлине подтвердили существование высокого уровня дискриминации, обусловленного высокомерием и стереотипным мышлением учителей. Один из представителей фокус-группы в Антверпене упомянул примечательный случай: его сын Усама как-то раз прибежал домой в слезах; как оказалось, учитель во время урока заявил, что он чувствовал бы себя униженным, если бы имел имя «Усама»! Несмотря на нередкость подобных историй, авторы ОФС отмечают наличие положительных тенденций, свидетельствующих об уменьшении уровня дискриминации. В целом к дискриминации склонны взрослые и консервативные учителя, которые не успевают за быстро меняющимся мультикультурным обществом. Молодые участники фокус-групп, недавно закончившие школы, высказывали в целом более позитивную характеристику ситуации. Отчасти, возможно, это также связано с введением в ряде городов специальных мер, в том числе тренингов для учителей, по предотвращению дискриминации.

4.4. Отношение к идентичности

Степень уважения со стороны школы к самоидентификации человека и ценностям его социальной группы напрямую влияет на образовательный процесс. Во всех исследованных городах ведется работа по развитию терпимости к культурному бэкграунду учеников и студентов, являющихся представителями этнических меньшинств. В таблице 4 даны результаты опроса, проведенного

сотрудниками Фонда Сороса. Как видно, большинство респондентов отметили, что в школах с достаточным уважением относятся к различным религиозным традициям. При этом мусульмане чаще отмечали, что делается «слишком мало», а немусульмане — что делается «слишком много». Так, например, предоставление отгулов во время исламских праздников, практикуемое в Берлине, обычно одобрялось первыми и критиковалось вторыми.

Таблица 4.
Результаты опроса «Уважаются ли в школах разные религиозные традиции?» [MIE 2010: 103]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Слишком много	2,9%	7,7%	5,3%
Как следует	48,9%	49,7%	49,3%
Слишком мало	31,9%	15,2%	23,6%
Не знаю	16,3%	27,4%	21,8%
Число респондентов	1110	1088	2198

В некоторых городах засвидетельствовано стремление к широкому признанию исламской религиозной идентичности, а также отмечено введение просветительских материалов, касающихся ислама, в образовательную программу. В Берлине уполномоченный по интеграции потребовал широкого признания того вклада, который был внесен иммигрантами и мусульманскими сообществами в немецкую и европейскую культуру. В Лестере муниципальный совет принял активное участие в подготовке Агентством по развитию и поддержке школ (SDSA) специального образовательного материала, касающегося ислама и образа жизни мусульман. Аналогичные инициативы отмечены в Амстердаме и Антверпене.

Стоит сказать, что школы по-прежнему принимают самостоятельные решения, касающиеся удовлетворения религиозных потребностей учащихся. В фокус-группах родители отмечали, что отсутствие единой политики или хотя бы минимальных стандартов, связанных с обеспечением религиозной практики, почти не оставляет им вариантов при выборе школы для своего ребенка; это, безусловно, является одним из факторов развития сегрегации.

Во всех городах по-прежнему дискуссионным является вопрос о ношении хиджаба ученицами и педагогами. В ОФС отмечены некоторые положительные сдвиги. Так, половина немусульманских участников фокус-группы в Берлине раскритиковали запрет на ношение хиджаба педагогами, увидев в этом проявление ксенофобии и неполиткорректности. Но в целом в обществе имеет место неодобрительное отношение к ношению платков. Большинство мусульманских респондентов Берлина утверждали, что традиции мусульман не уважают. Одна из респонденток рассказала следующую историю: «В средней школе у нас был учитель, который отличался крайней ксенофобией. Особенно плохо он относился к девочкам в платках, говоря им, что они должны одеваться как немки и адаптироваться» [Berlin 2010: 75]. В Роттердаме мать одной из школьниц рассказала следующую историю: «Моей дочери пришлось сменить четыре школы из-за того, что она носит платок. Куда бы она ни приходила, ей говорили, что это в принципе допустимо, но директор против этого» [Rotterdam 2010: 76]. Подобные истории в изобилии представлены в отчетах по отдельным городам.

4.5. Выводы

Образовательные успехи этнических меньшинств неоднозначны. В целом у них более низкий уровень образования, чем у представителей доминирующего этноса. Причины сложившейся

ситуации многочисленны, но ключевым, по-видимому, является социально-экономический фактор. Имеются свидетельства того, что для мусульман религия играет стимулирующую роль в процессе образования. Во всех городах возрастает понимание роли дошкольного образования в дальнейшем образовательном и интеграционном процессе. Приняты меры для более широкой поддержки дошкольного образования. Также приняты меры против прямой и непрямой сегрегации мигрантских детей. Среди родителей (мусульман и немусульман) имеется запрос на этнически смешанные школы, которые позволили бы преодолеть притеснения и сегрегацию. Несмотря на развитие ряда инициатив, ситуация в целом остается сложной. Представители этнических меньшинств продолжают страдать от расизма и дискриминации в их многообразных формах (избирательный подход, низкий уровень ожидания, непризнание идентичности, отсутствие условий для религиозной практики и т. д.). Требуется более широкие меры в подготовке учителей, а также, возможно, унификация политических стандартов по этому вопросу.

Глава 5

Рынок труда

Занятость на рынке труда составляет ядро экономической интеграции, которая, в свою очередь, является условием социальной интеграции. В пункте 3 «Общих базовых принципов» подчеркивается эта фундаментальная роль занятости: «Трудовая занятость — это ключевой элемент интеграционного процесса». Стоит отметить, что экономическая интеграция подразумевает не только наличие возможностей для трудоустройства, но и доступность общих и наиболее распространенных видов деятельности; иначе говоря, она подразумевает отсутствие жесткой сегментации и сегрегации на рынке труда: для этнических и религиозных меньшинств должны быть доступны те же виды работ, что и для большинства граждан, разумеется, с учетом личных навыков и профессиональной квалификации. Несмотря на заявленные принципы, на европейском рынке труда, как будет показано ниже, по-прежнему встречаются многочисленные виды дискриминации по этническому и религиозному признаку.

5.1. Активность на рынке труда

Существуют несколько критериев для оценки степени активности на рынке труда: уровень экономической активности, уровень занятости и уровень безработицы. Как и в случае с образованием, статистические материалы по рынку труда чаще всего не учитывают религиозный признак, но берут в расчет этническую идентичность; такие материалы позволяют составить лишь общее

Таблица 5.
 Положение некоторых этнических меньшинств на рынке труда
 [Zimmerman et al. 2008: 15]

Страна	Этническая группа	Уровень экономической активности	Уровень безработицы	Часовая зарплата
Бельгия	Коренные бельгийцы	65	-	-
	Новые бельгийцы	52	-	-
	Турки	29	-	-
	Марокканцы	29	-	-
Дания	В целом по стране	76,3	4,5	278,3 (крона)
	Турки	62,2	17,8	170,7
	Иракцы	37,7	26,9	138,4
	Боснийцы	57,2	12,9	177,4
	Другие иммигранты	55,8	28	164,8
Нидерланды	Голландцы	78	9	10,4 (евро)
	Турки	53	21	7,1
	Марокканцы	51	27	6,9
Великобритания	Белое большинство	81,8	3,8	11,8 (фунт)
	Пакистанцы	55,2	12,8	10,2
	Бенгальцы	48,7	19,4	10,1

представление о положении мусульманских меньшинств. Крупное исследование по проблеме активности этнических меньшинств проведено в 2008 г. Институтом исследования труда (Institute for the Study of Labour), в котором был собран материал по Бельгии, Дании и Великобритании. Из подготовленного отчета следует, что уровень активности на рынке труда среди мусульманских меньшинств (турки, марокканцы, иракцы, пакистанцы и бенгальцы) ниже среднего. Авторы заключают, что этнические меньшинства «отличаются в целом значительно более высоким уровнем безработицы, низким доходом, и им тяжелее найти работу и удержаться на ней, чем доминирующему этническому большинству» [Zimmerman et al. 2008: 11]. Данные об экономической активности, уровню безработицы и средней зарплате приведены в таблице 5.

Уровень безработицы среди мусульман обычно существенно выше среднего по стране. Как видно из таблицы 5, уровень безработицы среди турок, иракцев, боснийцев и других этнических меньшинств в 3–5 раз выше в сравнении с местным населением. В Нидерландах турки и марокканцы страдают от безработицы в 3 раза чаще, чем коренные жители. В Бельгии уровень безработицы среди марокканцев и турок составляет 38%, что более чем в 5 раз выше общенационального показателя. В некоторых землях Германии общий уровень безработицы среди молодых мусульман достигает до 30%, а безработица в таких «турецких» районах Берлина, как Фридрихсхайн и Кройцберг, достигает 41%. Также имеются свидетельства о том, что этнические меньшинства более чувствительны к экономическим кризисам. В период кризиса 2008–2009 гг. нидерландские мигранты в два раза чаще коренных голландцев заключали «гибкие контракты» с работодателями, которые не гарантируют наличия рабочих часов и оплаты. В Бельгии в этот же период рост безработицы среди турок и марокканцев был в 3 раза выше, чем среди коренных бельгийцев. Несмотря на столь сложную ситуацию, в ОФС отмечены некоторые положительные сдвиги в этой области.

Например, в Нидерландах средний уровень безработицы среди иммигрантов упал за 10 лет в два раза: в 1997 г. он составлял 20%, а в 2007 г. — 10% (что, тем не менее, в 2,5 раза выше, чем средний показатель по стране). В Бельгии отмечен некоторый успех в преодолении длительной безработицы среди марокканцев и турок: в 2003 г. она составляла 61%, а в 2007 г. — уже 46%.

Другой проблемой является низкая оплата труда иммигрантов. Собранные материалы (см. также таблицу 5) показывают, что почасовая оплата труда иммигрантов ниже, чем у большинства коренного населения. Следствием низкой оплаты является то, что бедность распространена среди мусульман значительно больше. В Бельгии доля населения, живущего за чертой бедности, составляет среди этнических бельгийцев 10%, в то время как среди марокканцев — 56%, а среди турок — 59%! В Амстердаме 32% турецких семей и 37% марокканских семей имели в 2006 г. доход, не превышающий прожиточный минимум, в то время как среди голландцев этот показатель составил 13%. Согласно британским отчетам, уровень бедности высок среди пакистанцев (67%) и бенгальцев (55%). Примечательно, что из этих отчетов также следует, что даже среди работающих семей примерно 60% пакистанцев и 40% бенгальцев живут в бедности, в то время как для британцев эти цифры составляют 10–15% [Kenway, Palmer 2007]. Таким образом, безработица не выступает главной причиной бедности среди этнических меньшинств; таковой причиной является низкая оплата труда.

5.2. Квалификация

В качестве основной причины неблагоприятного положения этнических меньшинств обычно указывается низкий уровень образования и квалификации. Известно, что многие мусульмане приезжают в Европу для выполнения неквалифицированной или низкоквалифицированной работы. Данные из Амстердама (район

Слотерваарт) свидетельствуют о том, что безработица напрямую связана с низким уровнем образования: из 1789 людей, искавших работу в 2007 г., 1181 не имели базовой квалификации; в противоположность этому, отчет за 2008 г. показывает, что уровень занятости среди высококвалифицированных турок и марокканцев (80%) близок к уровню образованных голландцев (85%). Другой причиной безработицы, как свидетельствуют материалы из Гамбурга, являются структурные изменения на рынке труда, приведшие к уменьшению низкоквалифицированных вакансий. Несмотря на строгую корреляцию между низкой квалификацией и безработицей, в результате исследования Фонда Сороса выяснилось, что позиции низкоквалифицированных мусульман значительно хуже, чем позиции низкоквалифицированных немусульман. Таким образом, при оценке положения мусульман должны учитываться дополнительные факторы. Полученные в рамках ОФС данные по 11 городам представлены в таблице 6 (мусульмане) и таблице 7 (немусульмане).

Таблица 6.

Квалификация мусульман и их положение на рынке труда [МІЕ 2010: 278]

	Образование отсутствует	Начальное	Среднее	Высшее	Всего
Безработный	38,5%	20,9%	21,1%	9,6%	19,8%
Современные профессии	1%	3,5%	8,9%	28,8%	12,4%
Офисные и вспомогательные	-	4,7%	19,8%	13,9%	14,1%
Ст. менеджер или администратор	1%	-	1,8%	6,4%	2,6%

	Образование отсутствует	Начальное	Среднее	Высшее	Всего
Технологические профессии	13,5%	7,6%	7,8%	5%	7,6%
Полу-рутинная работа, сфера услуг	12,5%	15,1%	15,4%	12,8%	14,4%
Рутинная работа, сфера услуг	31,7%	43,6%	19,6%	7,8%	21,5%
Сред. или младш. менеджер	1,9%	4,7%	4,7%	5,7%	4,7%
Традиционные профессии	-	-	0,9%	10%	3%
Число респондентов	104	172	551	281	1108

Таблица 7.

Квалификация немусульман и их положение на рынке труда [MIE 2010: 279]

	Образование отсутствует	Начальное	Среднее	Высшее	Всего
Безработный	41,7%	13,8%	7,1%	3,1%	6,8%
Современные профессии	4,2%	3,8%	16,9%	46,2%	27,1%
Офисные и вспомогательные	12,5%	10%	18,4%	14,6%	16,2%

	Образование отсутствует	Начальное	Среднее	Высшее	Всего
Ст. менеджер или администратор	-	1,3%	1,1%	8,5%	3,9%
Технологические профессии	12,5%	5%	13%	1,2%	7,8%
Полу-рутинная работа, сфера услуг	12,5%	20%	15,9%	5%	11,8%
Рутинная работа, сфера услуг	8,3%	37,5%	20,1%	5,4%	15,4%
Сред. или младш. менеджер	-	7,5%	5,5%	5,4%	5,5%
Традиционные профессии	8,3%	1,3%	2%	10,6%	5,4%
Число респондентов	24	80	561	424	1089

Из сравнения двух таблиц, а также на основе остальных материалов, собранных специалистами из Фонда Сороса, можно сделать следующие важные выводы:

- мусульмане в три раза чаще являются безработными, чем немусульмане; среди мусульман 19,8% безработных, в то время как среди немусульман — 6,8%;

- 64,8% мусульман, закончивших университет, занимают профессиональные позиции, среди немусульман эта цифра выше — 85,3%; следовательно, немусульмане в 1,6 раз чаще занимают высокопрофессиональные позиции, при этом распределение профессий среднего и низкого уровней между мусульманами и немусульманами является примерно одинаковым;

– 55,5% мусульманских мужчин задействованы в низкоквалифицированных областях с низкой оплатой;

– немусульмане в 2,3 раза чаще заняты в современных профессиональных областях: 22,4% немусульман в сравнении с 9,9% мусульман;

– из 72,1% работающих мусульманских женщин значительная часть занята в офисной работе (21,4%), в рутинной ручной работе и сфере обслуживания (17,8%), современной профессиональной области (15%), а также в полупрофессиональной работе (12%); лишь 1,8% являются менеджерами среднего звена и лишь 1,3% являются главными менеджерами;

– безработных среди мусульман, рожденных в государстве ЕС, так же много, как и среди мусульман, рожденных за пределами ЕС; при этом безработных среди немусульман, рожденных в ЕС, меньше, чем среди мусульман в целом вне зависимости от места рождения.

При обсуждении проблемы низкого уровня квалификации мусульман в фокус-группах выяснилось, что молодые люди недостаточно хорошо владеют информацией о доступных профессиях. По мнению самих молодых мусульман, список вакансий, на которые они могли бы претендовать, является очень ограниченным. Один из участников немецкой фокус-группы следующим образом комментирует данную ситуацию: «Согласно официальным данным, в Германии имеются 455 профессий, но девушки ориентируются лишь на 5 профессий, чаще всего это медсестра, продавец или парикмахер. Для парней это число также ограничено» [Berlin 2010: 84]. Некоторыми общественными организациями в Берлине принимаются меры по борьбе с данной проблемой. В частности, такими группами, как KUMULUS, ведется просветительская работа: освещаются доступные профессии и указываются конкретные специализированные учреждения, где можно было бы получить диплом о соответствующем профессиональном образовании.

5.3. Дискриминация

Существуют многочисленные свидетельства того, что некоторую роль в плохом положении этнических и религиозных меньшинств на рынке труда играет дискриминация по этническому и религиозному признакам. Если в случае с иммигрантами, имеющими низкую квалификацию, этот феномен выявить сложнее, то в случае с детьми иммигрантов (второе и третье поколения), которые получили хорошее образование и квалификацию, сделать это проще. Специальное исследование, проведенное Хисом и его коллегами, показывает, что образованные дети иммигрантов, родившиеся в ЕС, значительно чаще сталкиваются с безработицей и реже претендуют на хорошие вакансии, чем коренные жители; по мнению авторов, главной причиной является этнический барьер, «в наименее благоприятном положении находятся представители второго поколения турок (Бельгия, Германия и Нидерланды), марокканцев (Бельгия, Франция и Нидерланды), пакистанцев (Великобритания) и суринамцев (Нидерланды)» [Heath et al. 2008: 218].

Наряду с дискриминацией по этническому признаку, отмечены также формы дискриминации по религиозному признаку. Кларк и Дринвотер обнаружили «свидетельства более низкого уровня занятости среди мусульман в сравнении с представителями других религий или вообще нерелигиозных людей» [Clarke, Drinkwater 2007: 48]. В другом исследовании отмечается, что «именно религиозность, а не этничность, связана с неблагоприятным положением на рынке труда... При рассмотрении различных религиозных групп внутри этнических меньшинств было обнаружено, что все мусульманские группы находятся в самом неблагоприятном положении с точки зрения занятости, при этом не имеет значения, к какому этническому меньшинству они относятся» [Berthoud, Blekesaune 2007: 76]. Так, например, индийские

мусульмане сталкиваются с большими сложностями при трудоустройстве, чем индусы, сикхи или христиане; аналогичным образом пакистанцы и бенгальцы испытывают большие трудности, чем североафриканские христиане. Единственным правдоподобным объяснением данной ситуации является предубеждение работодателей против ислама.

Один из примечательных фактов заключается в том, что при рассмотрении анкеты работодатель обращает внимание на имя соискателя. Эксперименты, проводившиеся еще в 2000 г. в Бельгии, Германии и Нидерландах, показали, что шанс получить положительный отзыв (при прочих равных условиях) значительно выше у соискателей с европейскими именами [Zegers de Veijl 2000]. Согласно данным из Франции, выходцы из стран Магриба имеют в 5 раз меньше шансов получить работу, чем французы. В Дании вероятность получения работы колеблется в зависимости от имени: использование турецкого, арабского или пакистанского имени в анкете может иногда способствовать понижению шансов в 32 раза. Участник фокус-группы из Лестера вспомнил ситуацию, при которой ему пришлось повторно проходить собеседование с вымышленным именем, после того, как ему отказали на первом собеседовании, где он использовал свое реальное имя. Как показывают дискуссии в фокус-группах, подобные ситуации нередки.

Интересна оценка уровня дискриминации на рынке труда самими этническими и религиозными меньшинствами. Сложно спрогнозировать точность подобных отчетов, поскольку респонденты могут как преувеличивать, так и недооценивать уровень дискриминации; тем не менее, это один из важных источников для оценки данного параметра. Согласно материалам ОФС из Антверпена, при поиске работы каждый десятый марокканец и турок часто испытывает дискриминацию; при этом 33% марокканцев и 20% турок испытывают дискриминацию «время

от времени». Последняя общеевропейская информация по этой проблеме представлена Евробарометром в 2012 г.: по мнению 23% опрошенных европейцев (как мусульман, так и немусульман), демонстрация религиозной принадлежности на собеседовании существенно снижает шансы на получение работы¹³. Показатель немного уменьшился в сравнении с предыдущими годами. Несмотря на сравнительно небольшие показатели, стоит отметить, что данные по разным странам сильно отличаются: самый высокий процент был получен в Швеции — 61%, далее идут Дания — 51%, Нидерланды — 50%, Бельгия — 48%, Германия — 42%, Франция — 34% [Eurobarometer 2012]; при этом 35% опрошенных менеджеров сказали, что у соискателя значительно снизились бы шансы на получение работы, если бы он упомянул о своей религиозной принадлежности.

Выявление причин дискриминации представляет сложность, что отмечено специалистами Фонда Сороса, которые, комментируя результаты собственных опросов, пишут: «При интерпретации результатов необходимо помнить, что природа дискриминации, с которой сталкиваются мусульмане, специфична; границы между такими характеристиками как этническая идентичность, религия и пол менее точны и стабильны, чем может показаться на первый взгляд. Определить главную причину дискриминации зачастую невозможно, когда человек обладает несколькими признаками, которые могут сделать его объектом дискриминации» [MIE 2010: 125]. Приведем яркое описание, которое хорошо иллюстрирует данный тезис; его сделал один из марсельских респондентов: «Я сталкивался с очень сложными ситуациями. У меня были собеседования по телефону с фирмами, и они проходили очень хорошо. Когда я приходил в офис, выражение лица их представителей менялось. Меня зовут Мусса Саид, у меня

¹³ По мнению 39% опрошенных, этническая принадлежность также является неблагоприятным фактором.

арабское имя — и это первая проблема. Я прихожу: оказывается, я черный — и это уже вторая проблема. „К тому же, он еще и мусульманин, и он живет в бедном районе. Мы больше не можем этого терпеть“ — так они рассуждают. Я встретил столько преград при поиске работы, что я пообещал себе: когда какая-нибудь организация возьмет меня, я добьюсь самых вершин в ней. Я столько натерпелся, что если будет нужно, я буду работать 65 часов вместо 35, чтобы показать себя своим коллегам. Я это сделаю!» [Marseille 2010: 128]. В наибольшей степени проблема синхронной дискриминации по нескольким признакам затрагивает мусульманских женщин, носящих хиджаб. Эта тема подробно освещена в СМИ и многочисленных исследованиях, поэтому мы не будем на ней специально останавливаться. Отметим только, что дресс-код, требующий отказа от ношения хиджаба, сейчас стал мейнстримом на европейском рынке труда, что, безусловно, оказывает влияние на уровень экономической активности мусульманских женщин.

5.4. Стимулирование экономической активности

Учитывая сложное положение мусульман на рынке труда, можно сказать, что они нуждаются в особой поддержке со стороны общественных организаций и муниципальных властей. Во всех исследованных городах предпринимаются меры для поднятия экономической активности этнических и религиозных меньшинств. Например, сюда входят меры по повышению доступности рабочих мест для выпускников учебных заведений. В Амстердаме между школами и бизнесом налажена тесная связь. В Марселе аналогичную функцию выполняет проект «Вызов молодежи». В этом городе также развивается проект «Школы, дающие второй шанс»: создаются школы, набирающие людей,

которые не смогли получить диплом с первой попытки; в этой инициативе задействованы также 1700 организаций, которые берут старшеклассников к себе на стажировку. Специальные инструкторы сопровождают стажеров и следят за их работой; каждый студент находится под надзором супервайзера и с каждым ведутся индивидуальные занятия. Главной задачей проекта является предоставление для иммигрантов опыта непосредственной работы. Из 1600 стажеров, закончивших обучение в период с 1998 по 2006 гг., около 66% смогли устроиться на высококвалифицированную работу.

Предпринимаются специальные инициативы и в отношении мусульманского сообщества. В Берлине имамы, которые играют ключевую роль в местном мусульманском сообществе, обучаются в организации KUMULUS, где их консультируют по поводу образования и вакансий, доступных для молодых мусульман. В Лестере сотрудники агентства Джоб Центр Плюс активно сотрудничают с мечетями и культурными центрами, предоставляя им информацию о рынке труда. Муниципальные власти, которые также могут являться работодателями, принимают активное участие в поддержке иммигрантов. В Берлине была запущена кампания «Берлин нуждается в тебе» («Berlin braucht dich»), в рамках которой привлекаются представители этнических меньшинств для выполнения административной работы; организаторы кампании тесно контактируют с религиозными лидерами, мечетями и культурными центрами. В Гамбурге запущена программа «Мы из Гамбурга! Ты с нами?» («Wir sind Hamburg — Bist Du dabei?»), задача которой заключается в привлечении на рынок труда молодых людей иммигрантского происхождения. Таким образом, можно сказать, что ведется большая работа по вовлечению представителей этнических и религиозных меньшинств, и — что самое главное — она ведется сразу по нескольким независимым направлениям.

5.5. Выводы

Уровень активности на рынке труда среди мусульманских меньшинств ниже среднего. Безработица в их среде в несколько раз выше, чем средняя по стране. Также имеются свидетельства, что меньшинства более чувствительны к экономическим кризисам. Еще одной проблемой является низкая оплата труда иммигрантов, именно низкая оплата труда выступает главной причиной бедности этнорелигиозных меньшинств. Мусульмане в целом отличаются низким уровнем квалификации, что обуславливает их задействованность на неквалифицированных работах. Они сталкиваются с многочисленными видами дискриминации на рынке труда: прежде всего, это дискриминация на этнической почве, но сама по себе принадлежность к исламу также значительно снижает шансы на получение работы. Мусульманские женщины страдают от распространенных дресс-кодов, что способствует снижению их экономической активности, которая и без того является низкой. Несмотря на сложную ситуацию, на всех уровнях действуют инициативы по активизации этнорелигиозных меньшинств на рынке труда и по борьбе с дискриминацией. При сравнении современного состояния с ситуацией 10-летней давности можно сказать, что эти инициативы уже дают первые плоды.

Глава 6

Жилищные условия и общественная безопасность

В данном разделе будут рассмотрены жилищные условия мусульманского населения и степень социальной защищенности. Для понимания специфики жилищных условий необходимо проанализировать модели расселения иммигрантов; также имеет важность общее качество жилищных условий и возможные формы дискриминации, с которыми сталкиваются представители этнических и религиозных меньшинств. Отдельно будут рассмотрены принимаемые социально-политические меры по созданию этнически смешанных районов. С проблемой расселения иммигрантов тесно связан вопрос о социальной защищенности. Чувство безопасности является важным аспектом общественной интеграции. Но мусульмане проживают преимущественно в неблагополучных районах и риск здесь особенно велик. Для понимания уровня социальной защищенности мусульман в данном разделе будут также рассмотрены отношения этнических меньшинств с полицией и встречающиеся в этой сфере формы дискриминации.

6.1. Модели расселения и сегрегация

Специфическое расселение мусульман в европейских городах — это результат целого комплекса процессов. Изначально

мусульмане прибывали в Западную Европу в качестве рабочих мигрантов для выполнения низкоквалифицированного труда. Модели их расселения формировались под влиянием индустриальной структуры принимающего города. С приездом семей встал вопрос о доступности жилья. Модель расселения мусульман, прибывших в статусе беженцев, зависела также от соответствующих государственных программ. В большинстве случаев все эти факторы привели к тому, что этнические и религиозные меньшинства, во-первых, сосредоточены в крупных городах, а во-вторых, формируют отдельные городские районы. Так, в Нидерландах 36% турок и 47% марокканцев живут в четырех крупных городах (Амстердам, Роттердам, Утрехт, Гаага). В Великобритании около 38% мусульман проживают в Лондоне. В Дании $\frac{2}{3}$ этнических меньшинств проживают в крупных городах. Несколько выпадает из общей модели Германия, где мусульмане более или менее рассредоточены по стране (точнее, по территории бывшей ФРГ) и не связаны только с крупными городами; вероятно, это объясняется структурой немецкой промышленности, которая также распределена между небольшими и средними городами. Исследование показало, что в больших и средних городах из 1810 районов только в 11 доля турок превышает 20%, при этом в 121 районе их доля составляет 10–20%; отсюда следует, что в подавляющем большинстве районов показатель ниже 10% [Schonwalder, Sohn 2009: 1446].

Одной из главных проблем в жилищной сфере остается сравнительно высокий уровень сегрегации, и вообще концентрация меньшинств в малоимущих округах. Тип района, в котором проживает человек, оказывает влияние на его социальную и экономическую интеграцию: отсутствие связей, необходимых для поиска работы, вовлечение молодых людей в преступную деятельность, отрицательная репутация бедных районов среди работодателей — все эти факторы способствуют снижению экономической активности. Из материалов ОФС следует, что значительная часть мусульманского

населения проживает в малоимущих округах. В Великобритании треть мусульман проживают в бедных районах. В Дании половина незападных этнических меньшинств живут в малоимущих округах, при этом 25% живут в бедных районах (в сравнении с 3,6% датчан). Нужно отметить, что существуют и некоторые плюсы проживания в районе с большой концентрацией представителей одного этноса: это помогает сохранить этническую и культурную идентичность, ощущается интегрированность хотя бы в рамках своего меньшинства, имеется возможность положиться на тесные социальные связи, и т. д. Так, в Берлине очень сильна связь иммигрантов с отдельными округами и соответствующей «районной культурой», *Kreuz kultur*. Даже после улучшения социально-экономического статуса наблюдается низкий уровень «эмиграции» из таких районов. В ОФС отмечается следующий положительный момент: очень часто успешно интегрированный во внешнее общество представитель «районной культуры» склонен вкладывать средства в улучшение социально-экономического положения в родном округе.

В европейских странах сегрегация этнорелигиозных меньшинств вызывает беспокойство на муниципальном и государственном уровнях. Голландское правительство считает, что концентрация этнорелигиозных меньшинств в отдельно взятом районе подрывает естественный процесс интеграции: «Концентрация имеет особенно неблагоприятные последствия для интеграции, поскольку она приводит к аккумуляции социальных проблем, которые способствуют становлению неуправляемого состояния... Концентрация также невыгодна, потому что она делает этнические границы более заметными. Это вредит образу этнических меньшинств... Наконец, концентрация имеет особенно неблагоприятные последствия для взаимодействия и контактов между персонами из разных этнических групп; уменьшение числа контактов с коренными голландцами косвенно влияет на социальные возможности этнических меньшинств» [Bolt et al.: 1360]. В предвыборном манифесте Христианско-демократического

союза Германии также выражается беспокойство по этому поводу: «Формирование гетто, развитие параллельных обществ, а также частое умышленное отделение иммигрантской молодежи от немецкого социума, представляют тревожные сигналы, затрагивающие социальный порядок в стране». В Гамбургском плане действий по интеграции подчеркивается, что сегрегация мешает межэтническому и межрелигиозному диалогу, а также создает «параллельные общества». Это только некоторые примеры озабоченности европейских властей проблемой сегрегации. Конкретные меры по борьбе с данной проблемой будут рассмотрены ниже.

6.2. Этническое и религиозное многообразие

Уровень этнического и религиозного многообразия территорий, на которых проживают мусульмане, оценивался исследователями Фонда Сороса на основе нескольких проведенных опросов. Результаты одного из опросов представлены в таблице 8. Данный опрос касается окрестностей (neighbourhood), которые нужно отличать от округов (local area); под «окрестностью» в ОФС понимается непосредственная улица проживания и соседние дома. У респондентов спрашивали об этническом и религиозном многообразии в районе их проживания.

Таблица 8.

Степень этнического и религиозного многообразия [МІЕ 2010: 133]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
В основном родственники	4,2%	2,7%	3,5%
В основном люди того же этноса и той же религии	16%	5,2%	10,7%

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
В основном люди той же религии, но другой национальности	9,6%	1,9%	5,8%
В основном люди того же этноса, но другой религии	2,6%	2,3%	2,5%
В основном люди другого этноса и другой религии	11,1%	14,6%	12,8%
Смешение различных этносов и религий	56,4%	73,3%	64,8%
Число респондентов	1109	1088	2197

Результаты опроса показывают, что мусульмане почти в два раза чаще живут рядом со своими родственниками (4,2% vs. 2,7%). Они более чем в 3 раза чаще проживают в районах с преобладающим этническим или религиозным меньшинством (16% vs. 5,2%), а также в 4,5 раза чаще проживают рядом с представителями той же религии (9,6% vs. 1,9%). При этом большинство мусульман проживают в окрестностях со смешанным населением (56,4%). Таким образом, если сравнивать с коренными жителями, то мусульмане чаще проживают в районах доминирования того или иного меньшинства, реже живут в районах со смешанным населением (56,4% vs. 73,3%), но в целом значительная часть из них проживает именно в смешанных районах. Отсюда можно заключить, что ситуация с сегрегацией не такая удручающая, какой ее иногда представляют. Сегрегация составляет проблему примерно для четверти мусульманского населения. Стоит отметить, что опросы Фонда Сороса проводились в районах с высоким числом мусульман, что, возможно, также оказало некоторое влияние на результаты.

Один из опросов Фонда Сороса касался степени удовлетворенности районом проживания. Его результаты даны в таблице 9. Как мы видим из таблицы, 93% респондентов высказались

положительно о районе проживания и лишь 8% высказались отрицательно. Мусульмане чуть менее позитивно настроены в отношении своего района, но с точки зрения общей картины различие можно признать несущественным.

Таблица 9.
Удовлетворенность районом проживания [МІЕ 2010: 146]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью доволен	50%	60%	55%
До некоторой степени	40%	34%	37%
Недоволен	9,9%	6%	8%
Число респондентов	1107	1085	2192

Важным выводом, сделанным в рамках ОФС, следует признать то, что мусульмане в целом выступают за этнически смешанные районы и являются противниками сегрегации. При анализе фокус-групп выяснилось, что мусульмане считают этническое и религиозное многообразие залогом сохранения собственной идентичности, а также способом предотвращения дискриминации. Важно, что под «этническим многообразием» здесь подразумевается, прежде всего, проживание рядом с коренными жителями и гражданами принимающей страны. Легко понять, что «этническое многообразие», которое исключает коренных жителей данной страны, является ничем иным, как более изощренной формой сегрегации. Проживание рядом с коренными жителями подтягивает уровень экономической, социальной, политической активности этнических меньшинств до уровня полноценных граждан данного государства.

В ряде городов проводятся мероприятия по борьбе с сегрегацией. В Копенгагене в рамках муниципальной политики

интеграции принимаются меры по повышению уровня занятости среди жителей неблагополучных районов, а также по более широкому предоставлению доступного жилья. В Гамбургском плане действий по интеграции важное место занимает улучшение качества жилья и общей репутации бедных районов; это делается с целью привлечения более состоятельных семей и формирования «сбалансированных округов». Авторы ОФС следующим образом характеризуют подобные программы: «Программы включают снос, улучшение или продажу муниципального и арендуемого жилья, а также конструкцию нового дорогого жилья для собственников. Данные усилия приводят к большей вариативности в размерах жилья, в его форме, качестве, цене; они также приводят к увеличению числа собственников в границах определенного района»; но при этом отмечается, что «изменение состава жителей и, следовательно, изменение этнических характеристик района не обязательно ведет к более позитивным взаимодействиям. Причиной этому служат базовые различия между жильцами, включающие образ жизни, доход, возраст, образование и состав семьи. Социальное смешение, в действительности, может вести к формам негативного взаимодействия, то есть к конфликтам» [MIE 2010: 148–149]. В другой работе делаются похожие выводы: «Существующие исследования, касающиеся стимулирования многообразия, не подтверждают оптимизма по поводу социального взаимодействия между этническими группами, не говоря уже о возможностях для социальной мобильности, которые должны возникнуть из этого. Более того, идея о том, что люди с более высоким социальным статусом могут играть позитивную роль образца для подражания, является слишком высокомерной, и она базируется на безосновательных допущениях по поводу ценностных различий между этническими и социально-экономическими категориями» [Bolt et al. 2008]. Наконец, исследование конкретной инициативы, предпринятой в округе Трансвааль

в Амстердаме, показало, что результаты подобных проектов далеки от ожидаемых: «Дифференциация привела к принудительному совместному проживанию благополучных голландцев и малоимущих иммигрантов. Новоприбывшие попытались установить тесные контакты с другими жителями на улице, но, несмотря на многие инициативы, взаимодействия среди жителей, как правило, ограничивались соседскими контактами. Новоприбывшие стали вести себя замкнуто после того, как увидели, что контакты с жителями других этнических групп представляют сложность и что многие инициативы не приводят к результату» [Smets, den Uyl 2008: 1456].

Как показано авторами ОФС, в фокус-группах преобладает мнение о том, что мероприятия по борьбе с сегрегацией фактически ведут к вытеснению этнических меньшинств. Так, в Берлине отмечена озабоченность респондентов тем, что имеет место процесс джентрификации, который способствует вытеснению арендаторов более состоятельными собственниками. Один из респондентов заметил: «Поскольку многие люди в этом округе проживают в условиях бедности, важно, чтобы общественная поддержка через дешевую аренду не сокращалась, но наоборот расширялась для борьбы с джентрификацией и предупреждения социальной маргинализации и сегрегации» [Berlin 2010: 110]. В Гамбурге также распространено мнение о том, что органы местной власти обеспечивают повышение ренты, чтобы вытеснить мигрантов с рынка муниципального жилья и ввести туда коренных немцев. Однако в некоторых фокус-группах высказывались и более позитивные оценки новых муниципальных проектов. Например, в Антверпене было отмечено, что эти программы привели к реальным изменениям в этническом составе округов. Таким образом, предпринимаемые муниципальные мероприятия по борьбе с сегрегацией являются, по меньшей мере, неоднозначными, и они еще требуют усовершенствования.

6.3. Условия проживания и доступность жилья

Общая тенденция заключается в том, что мусульмане проживают в плохих жилищных условиях (перенаселенность, низкая оснащенность, плохое расположение), платят более высокую ренту и испытывают разнообразные формы дискриминации. Однако в рамках ОФС показано, что все это не способствует созданию радикального разрыва между мусульманами и коренными гражданами. Так, в результате опроса, касающегося формы владения жильем, выяснилось, что, в сравнении с коренными жителями, мусульмане несколько реже имеют собственное жилье (18% vs. 24%), но примерно в таком же количестве выступают арендаторами жилья. По целому ряду иных критериев результаты также являются сопоставимыми (см. таблицу 10)¹⁴.

Таблица 10.
Статус жилья [МІЕ 2010: 140]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Собственность	8,3%	11,5%	9,9%
Собственность (ипотека)	9,7%	12,4%	11,1%
Частичная рента, частичная ипотека.	1,7%	1,1%	1,4%
Аренда муниципального жилья	36,8%	26,5%	31,7%
Аренда частного жилья	19,9%	29,3%	24,6%
Проживание с родственниками	20,4%	11,8%	16,1%
Бесплатное жилье	1,4%	1,7%	1,5%

¹⁴ Стоит отметить, что материалы Фонда Сороса являются более позитивными, чем официальная статистика и результаты других исследований.

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Сквоттинг	0,1%	0,5%	0,3%
Другое	1,8%	5,2%	3,5%
Число респондентов	1110	1088	2198

Другой опрос касался степени удовлетворенности муниципальным жильем. Результаты даны в таблице 11.

Таблица 11.
Удовлетворенность муниципальным жильем [MIE 2010: 141]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень доволен	6,6%	3,9%	5,2%
В целом доволен	27,7%	23,9%	25,8%
Нейтральное отношение	18,2%	14,6%	16,4%
В целом недоволен	17,4%	16,5%	17%
Крайне недоволен	10,8%	9,2%	10%
Не знаю	19,2%	31,9%	25,5%
Число респондентов	1107	1087	2194

Результаты показывают, что мусульмане в целом чаще довольны муниципальным жильем, чем немусульмане; однако общий уровень неудовлетворенности довольно высок, и он сопоставим с общим уровнем удовлетворенности (27% vs. 31%). Данные выводы соответствуют результатам целого ряда общеевропейских исследований по жилищному вопросу. Так, из «Обзора восприятия качества жизни» 2007 г., подготовленного Европейской комиссией и затрагивающего 75 европейских городов, следует, что в Париже, Стокгольме, Марселе, Лондоне, Амстердаме, Гамбурге, Антверпене и Роттердаме более 70%

жителей считают невозможным найти доступное и хорошее жилье. Сложное положение на рынке жилья отмечено также в отчетах Фонда Сороса по отдельным городам.

Мусульмане сталкиваются с разнообразными формами дискриминации на рынке жилья. Согласно материалам ОФС, с дискриминацией в этой области за последние 12 месяцев хотя бы раз столкнулись 74% мусульман, что в 6,5 раз больше показателя среди немусульман. При этом национальность мусульманина и место его рождения не влияют на показатели, так что можно заключить, что мы имеем дело с дискриминацией именно по религиозному признаку. Наиболее распространенной формой дискриминации, согласно данным из фокус-групп, является отказ в сдаче жилья после того, как стало известно, что потенциальный арендатор имеет арабское имя или является представителем иной расы. Респонденты приводили следующие примеры: «Собственник жилья увидел меня и сразу сделал замечания о терроризме и насилии», «Мне было отказано в съеме жилья из-за того, что моя жена была в хиджабе», «Собственник спросил меня об исповедуемой религии и затем стал придумывать отговорки» и т. д. Материалы ОФС согласуются с другими исследованиями. Так, согласно опросу Центра турецких исследований в Германии, 15% турок регулярно сталкиваются с дискриминацией на рынке жилья. В результате опроса датских этнических меньшинств выяснилось, что 27% респондентов сталкивались с дискриминацией в этой области. Существование дискриминации в Дании также отмечалось в исследовании Европейской комиссии по расизму и нетерпимости.

6.4. Преступность и доверие к полиции

Как известно, низкий уровень социальной защищенности ведет к постоянному страху и стремлению удалиться от

общественной жизни; это вдвойне применимо к уязвимым социальным группам, сформированным по этническому, религиозному или иному признаку, слабая защищенность которых ведет к сплочению и, в конечном счете, к сегрегации. Следовательно, на пути к интеграции важно обеспечить полную защищенность потенциально уязвимых групп. Как следует из ОФС, в данный момент европейские власти более или менее справляются с этим. Из всех опрошенных около 15% респондентов были жертвами преступлений в течение последнего года; при этом немусульманские респонденты почти в два раза чаще (20%) являлись жертвами преступлений, чем мусульманские респонденты (11%). Около 23% из тех мусульман, которые были жертвами насилия, интерпретировали это как «преступление на почве ненависти (расовой, религиозной и др.)»; то же самое относится к 17% немусульман. Однако более значительное различие обнаруживается в том, сколько людей обратились в полицию по поводу такого рода преступлений: среди немусульман это 59%, а среди мусульман — лишь 36%. Можно сделать вывод, что требуются улучшения в методах фиксации преступлений на почве ненависти, и в связи с этим уже были предприняты некоторые инициативы. Так, в Копенгагене городской совет создал веб-сайт, посвященный преступлениям на почве ненависти; на этом сайте члены этнических, религиозных и др. меньшинств могут регистрировать подобные происшествя. Аналогичные меры были предприняты и в ряде других городов.

Уровень доверия к полиции зависит от целой совокупности факторов. Анализ материалов Европейского социального обзора (European Social Survey) показывает, что уровень доверия варьируется в различных европейских странах, и в целом «взрослые люди, по-видимому, больше доверяют полиции, чем молодежь, и женщины больше доверяют полиции, чем мужчины; работающие дома люди больше доверяют полиции, чем занятые в других областях, а безработные доверяют меньше, чем имеющие работу»

[Kaariainen 2007: 424]. Что касается этнических и религиозных меньшинств, то здесь ситуация довольно благоприятная. Как правило, их представители доверяют полиции либо на том же уровне, что и рядовые граждане, либо даже в большей степени. Результаты опроса Фонда Сороса по данной тематике даны в таблице 12.

Таблица 12. Уровень доверия к полиции [MIE 2010: 171]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Высокий	14,1%	12,9%	13,5%
Довольно высокий	41,3%	47,2%	44,2%
Недостаточный	33,7%	28,5%	31,1%
Отсутствие доверия	8,6%	9,6%	9,1%
Не знаю	2,3%	1,9%	2,1%
Число респондентов	1109	1088	2197

Как видно из результатов, уровень доверия к полиции среди мусульман и немусульман является примерно одинаковым (55,4% vs. 60,1%); то же самое можно сказать и о степени недоверия к полиции (10,9% vs. 11,5%). В опросах Фонда Сороса также получила подтверждение тенденция, отмеченная в других исследованиях: женщины больше доверяют полиции, чем мужчины, а безработные доверяют меньше, чем имеющие работу. При этом нет существенной разницы между мусульманским и немусульманским населением. Интересно, что в некоторых городах уровень доверия к полиции среди мусульман оказался значительно выше, чем среди немусульман. При обсуждении данной проблемы в фокус-группе Гамбурга выяснилось, что большее доверие к полиции со стороны иммигрантов связано с тем, что иммигранты имеют отрицательный опыт контакта с полицией в родной стране, и при сравнении этого

опыта с тем, что они получили в Германии, действия немецкой полиции, разумеется, оцениваются ими как заслуживающие доверия. Мусульманский респондент комментирует ситуацию следующим образом: «Большинство имеют мигрантское происхождение и в их родной стране они, на самом деле, не испытывали доверия к полиции. Поэтому у них формируется позитивное отношение к немецким полицейским». Этот вывод согласуется с результатами, согласно которым мусульмане, родившиеся за рубежом, доверяют полиции больше, чем мусульмане, родившиеся в данной стране (15% vs. 11%). В дополнение к предшествующему опросу приведем также опрос, посвященный удовлетворенности действиями полиции (см. таблицу 13). Как можно видеть, мусульманские респонденты здесь тоже демонстрируют довольно высокие результаты.

Таблица 13. Удовлетворенность действиями полиции [MIE 2010: 173]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень доволен	7,4%	5,5%	6,5%
В целом доволен	35,3%	33,2%	34,3%
Нейтральное отношение	23,5%	27,1%	25,3%
В целом недоволен	18,7%	17%	17,8%
Крайне недоволен	11,4%	11,6%	11,5%
Не знаю	3,7%	5,6%	4,6%
Число респондентов	1109	1089	2198

6.5. Этническое и религиозное профилирование

Высокая степень доверия к полиции и высокая удовлетворенность деятельностью полиции со стороны мусульман вовсе не

означает, что полиция относится одинаково к представителям разных этносов и религий. Дискриминация в данной области является одной из важных общеевропейских проблем. Для обозначения дискриминации со стороны властных структур часто используется понятие «этнического профилирования» (или «религиозного профилирования»). В данном случае под «профилированием» понимается использование в отношении определенной группы лиц принудительных мер, которые базируются не на объективной характеристике ситуации, а на распространенных предрассудках и обобщениях, опирающихся на этнический, религиозный или иной фактор. Чаще всего этнорелигиозное профилирование применяется офицерами полиции, когда они решают, кого остановить на улице, у кого спросить документы, кого обыскать и кого арестовать. Оно может являться как результатом расистских взглядов одного индивидуума, так и общей институциональной тенденцией, характеризующей полицию. Европейская ситуация больше подходит под вторую характеристику. Помимо материалов ОФС, по данной проблеме имеется также подробное исследование Фонда Сороса за 2009 г. [Ethnic Profiling 2009].

В результате работы с фокус-группами выяснилось, что почти 10% респондентов подвергались дискриминации со стороны полиции. Из них примерно треть были жителями Антверпена или Берлина (17% и 13% соответственно); наименьшая доля приходится на Лестер (3%). При этом мужчины подвергались дискриминации в два раза чаще, чем женщины. Другой важный вывод, полученный исследователями из Фонда Сороса, заключается в том, что этнорелигиозное профилирование не является ответной реакцией на события 11 сентября или другие теракты. Свидетельства ясно говорят о том, что полиция была вовлечена в этнорелигиозное профилирование задолго до того, как появилось ощущение террористической угрозы со стороны мусульман. Однако после 11 сентября 2001 г. степень дискриминации в данной области стала расти

значительными темпами. В Британии азиаты в 3 раза чаще стали подвергаться расспросам и обыскам после 2001 г. и в 5 раз чаще — после лондонских терактов 2005 г. В Германии активно проводится массовая проверка этнических меньшинств во всех местах, исключая территории крупных мечетей. Во Франции и Италии за последние годы отмечен значительный рост проверочных рейдов в мечети (чаще всего, они не имеют под собой оснований). Стоит также отметить специальное исследование, посвященное полицейским проверкам в Париже, которое было проведено в 2009 г. специалистами из Фонда Сороса [Profiling Minorities 2009]; при тщательном изучении более 500 полицейских проверок выяснилось, что подавляющее большинство из них основаны на внешнем виде человека, а не на его поведении или действиях; темнокожие останавливались в 6 раз чаще белых французов, а люди с арабской внешностью — в 7,6 раз чаще.

Таким образом, современную ситуацию в данной области можно охарактеризовать как «истерию по поводу ислама». Не удивительно, что молодые участники фокус-групп настойчиво подчеркивали эту проблему в дискуссиях. Как афористично высказался молодой респондент из Антверпена, «если ты мусульманин, то ты виновен, пока не доказано обратное» [Antwerp 2011: 104]. Приведем также яркий пример, описанный гамбургской респонденткой: «Мой брат только заканчивал гимназию, и ему было 18 или 19 лет. Он носил бороду. Как-то раз он шел по подземному переходу вместе со своими одноклассниками и нес рюкзак, набитый книгами. Контролеры спросили его имя, поскольку он забыл паспорт. Другие ребята подтвердили, что его зовут именно так. Мой брат понял, что контролеры с беспокойством смотрят на его рюкзак. В тот момент, когда он открыл рюкзак, они испугались и отпрыгнули в сторону. Мой брат показал им книги, но они не поверили и отвели его в полицейский участок. Он подвергся оскорблениям из-за террористических атак 11 сентября, а также из-за его бороды и цвета кожи» [MIE 2010: 182].

6.6. Выводы

Одной из важных проблем в жилищной сфере остается сравнительно высокий уровень сегрегации этнорелигиозных меньшинств. Мусульмане в 3 раза чаще проживают в районах с доминирующим этническим или религиозным меньшинством; они в 4,5 раза чаще проживают рядом с представителями той же религии, но при этом большинство из них (56,4%) все-таки живут в окрестностях со смешанным населением. Другой проблемой является бедность мусульманских районов, она оказывает негативное влияние на интеграцию меньшинств. Несмотря на это, подавляющее большинство опрошенных мусульман (90%) довольны районом проживания. При этом мусульмане выступают за этнически смешанные районы и являются противниками сегрегации; этническое и религиозное многообразие они видят залогом сохранения собственной идентичности и успешной интеграции. Проводимые на муниципальном уровне мероприятия по борьбе с сегрегацией являются неоднозначными, и они требуют улучшения. Стоит также отметить, что мусульмане в 6,5 раз чаще сталкиваются с разнообразными формами дискриминации на рынке жилья.

В данный момент европейские власти справляются с обеспечением безопасности этнорелигиозных меньшинств. Однако требуются улучшения в методах фиксации преступлений на почве ненависти. Представители меньшинств проявляют высокую степень доверия по отношению к полиции; в некоторых городах этот показатель оказался значительно выше среди мусульман, чем среди немусульман. Мусульмане также в целом удовлетворены действиями полиции. Тем не менее отмечают факты дискриминации на этнической и религиозной почве — этнорелигиозное профилирование. Ситуацию, сформировавшуюся после событий 11 сентября 2001 г. и ряда европейских терактов, можно охарактеризовать как «истерию по поводу ислама». Ситуация в данной области требует улучшения.

Глава 7

Самоидентификация и социальное положение

В данном разделе мы коснемся таких важных тем, как самоидентификация мусульман (чувство принадлежности к району, городу, государству и культуре), сплоченность и взаимодействие жителей района и политическая активность мусульман. Все эти темы напрямую связаны с проблематикой интеграции.

7.1. Ощущение принадлежности

В рамках ОФС подробно исследовано ощущение принадлежности мусульман к тому или иному региону (район, город, страна и др.), а также связь мусульман с европейской культурой. В таблице 14 даны результаты опроса, касающегося ощущения принадлежности мусульман и немусульман к району проживания. Как можно видеть, ощущение принадлежности к району является довольно высоким, и оно не зависит от религии.

Таблица 14.

Насколько сильным является ваше ощущение принадлежности к району? [MIE 2010: 70]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень сильное	28,1%	27,8%	27,9%
Довольно сильное	42,5%	44%	43,3%

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Не особо сильное	19,7%	20,4%	20,1%
Слабое	7,3%	6%	6,6%
Не знаю	2,3%	1,8%	2,1%
Число респондентов	1110	1088	2198

В таблице 15 представлены данные по принадлежности к городу проживания. Результаты мусульман сопоставимы с теми, которые касаются района проживания; в противоположность этому, немусульмане сильнее ассоциируют себя с городом, чем с районом проживания.

Таблица 15.

Насколько сильным является ваше ощущение принадлежности к городу? [MIE 2010: 71]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень сильное	29,9%	36,6%	33,2%
Довольно сильное	42,3%	39,7%	41%
Не особо сильное	19%	18,7%	18,8%
Слабое	6,7%	4%	5,3%
Не знаю	2,1%	1,1%	1,6%
Число респондентов	1110	1087	2197

Когда мы обращаемся к проблеме государственной принадлежности, то возникает более сложная картина. Результаты соответствующего опроса даны в таблице 16. Как мы видим, большинство мусульман (61,3%) и немусульман (73%) устойчиво ассоциируют себя с государством проживания. Немусульмане склонны подчеркивать

«очень сильную» принадлежность (36% vs. 24%), а мусульмане чаще, чем немусульмане, подчеркивают «не особо сильную» и «слабую» принадлежность (36% vs. 27%). Из анализа материалов по отдельным городам становится ясно, что мусульмане в целом ощущают принадлежность к району и городу сильнее, чем принадлежность к государству; немусульмане же сильнее ощущают принадлежность к государству, чем принадлежность к району или городу.

Таблица 16.

Насколько сильным является ваше ощущение принадлежности к стране? [MIE 2010: 72]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Очень сильное	24,4%	35,9%	30,1%
Довольно сильное	36,9%	35,6%	36,3%
Не особо сильное	25,1%	20,4%	22,8%
Слабое	10,1%	6,4%	8,3%
Не знаю	3,4%	1,7%	2,5%
Число респондентов	1110	1088	2198

Важное открытие исследователей из Фонда Сороса заключается в том, что необходимо различать государственную (или гражданскую) принадлежность и принадлежность к культуре страны. Это различие иллюстрируется следующим высказыванием одного из мусульманских респондентов: «Чтобы ощущать себя немцем, нужно быть этническим немцем, поэтому я не могу ощущать себя немцем, я — гражданин Германии». В отличие от гражданской принадлежности, культурная принадлежность подразумевает самоидентификацию в качестве «немца», «британца», «француза» и т. д. В таблице 17а представлены результаты опроса по культурной

принадлежности. Очевидно, число мусульман, идентифицирующих себя с культурой данной страны, существенно меньше, чем число немусульман (49% vs. 77,1%). При этом, как следует из таблицы 17б, подавляющее большинство мусульман убеждены в том, что другие носители данной культуры не считают их частью своей культуры. Участник фокус-группы из Лестера комментирует свое убеждение следующим образом: «Нет, они не видят в нас британцев. Но это еще не все: даже дети наших детей не будут для них британцами, и неважно, сколько пройдет поколений; мне страшно из-за того, что они никогда не будут видеть в нас британцев... Мне иногда кажется, что, проявляя толерантность к нам, они еще больше отдаляются от того, чтобы принять нас, ведь между толерантностью и полным принятием имеется существенное различие» [Leicester 2010: 43].

Таблица 17а.

Ощущаете ли вы себя британцем / французом / и т. д.? [MIE 2010: 73]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	49%	77,1%	63%
Нет	51%	22,9%	37%
Число респондентов	1105	1087	2192

Таблица 17б.

Считают ли жители этой страны вас британцем / французом / и т. д.? [MIE 2010: 73]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	24,5%	74,8%	49,5%
Нет	75,5%	25,2%	50,5%
Число респондентов	1101	1084	2185

Несмотря на общие низкие результаты, имеет место широкое варьирование по отдельным городам. Города с наибольшим числом мусульман, считающих себя частью местной культуры, — это Лестер (82%), Лондон (72%), Амстердам (59%), Марсель (58%), Антверпен (55%); самые низкие показатели — в Гамбурге (22%) и Берлине (25%). Таким образом, самый высокий уровень принадлежности к местной культуре отмечен в Британии, а самый низкий — в Германии (что, вероятно, объясняется традиционно сильной связью турок с их родиной). Как показано в ОФС, имеется строгая корреляция между уровнем образования, наличием работы и ощущением культурной принадлежности, при этом, однако, степень религиозности (активная практика, внешние атрибуты и т. д.) не влияет на ощущение культурной принадлежности. Из этого можно заключить, что религиозность сама по себе не препятствует формированию культурной идентичности на местной основе. По мнению респондентов, барьеры создаются в основном из-за языка, этничности и иммигрантского бэкграунда.

7.2. Сплоченность

Сотрудниками Фонда Сороса была изучена специфика совместного проживания в районах со смешанным населением, а также в районах с доминирующими этническими меньшинствами. Были проведены опросы по таким темам, как желание помогать друг другу, наличие конфликтов, уровень доверия, общие ценности и др. Результаты в целом оказались неоднозначными: существуют как позитивные тенденции, говорящие о высокой степени социальной сплоченности, так и негативные показатели, говорящие о необходимости дальнейшего развития в данной сфере.

Самые позитивные результаты были получены в опросах о взаимопомощи и качестве совместной жизни. Результаты первого опроса

даны в таблице 18, а результаты второго — в таблице 19. Мы видим, что подавляющее большинство мусульман и немусульман согласны с тем, что люди из одной окрестности охотно помогают друг другу (73,9% vs. 74%) и что люди из одной окрестности хорошо уживаются друг с другом (69% vs. 66,7%). Важно, что здесь нет существенного различия между результатами мусульман и немусульман. Это говорит, с одной стороны, об удовлетворенности мусульман жизнью в районе, а с другой стороны — о высокой степени участия. Стоит однако отметить, что, согласно результатам другого опроса, респонденты менее склонны считать, что жители их района связаны тесными узами друг с другом (45,8% — согласны, 43,2% — не согласны).

Таблица 18.

Жители этого района охотно помогают друг другу? [МІЕ 2010: 243]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью согласен	14,5%	14,7%	14,6%
Согласен	59,4%	59,3%	59,3%
Не согласен	16,1%	14,3%	15,2%
Полностью не согласен	4,4%	2,7%	3,5%
Не знаю	5,6%	9%	7,3%
Число респондентов	1110	1089	2199

Таблица 19.

Жители этого района, имеющие разное происхождение, хорошо уживаются друг с другом? [МІЕ 2010: 61]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью согласен	13,3%	11,4%	12,3%
Согласен	55,7%	55,3%	55,5%

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Не согласен	18,1%	19%	18,6%
Полностью не согласен	3,6%	4,0%	3,8%
Не знаю	7,9%	8,6%	8,3%
Число респондентов	1109	1089	2198

Уровень доверия к соседям в целом довольно высок. Результаты опроса по этой теме даны в таблице 20. Около 73,5% респондентов считают, что жителям их района можно доверять. При этом немусульмане значительно чаще считают, что большинству жителей района можно доверять, чем мусульмане (35,8% vs. 21,4%); в свою очередь, мусульмане чаще считают, что следует доверять малому числу людей или вообще не доверять никому (32,7% vs. 20,1%). Полученные результаты согласуются с другими материалами, в частности с докладом, подготовленным Министерством внутренних дел Великобритании; согласно этому докладу, мусульмане значительно меньше доверяют жителям района, чем рядовые граждане [Kitchen et al. 2005]. Ответы мусульман не зависят от пола и места рождения, но зависят от возраста: взрослые люди в 2,5 раза чаще склонны доверять окружающим, чем молодые мусульмане. Ответы мусульман также зависят от этнического и религиозного состава населения: чем больше людей того же этноса и той же религии проживают в данном районе, тем больше доверие мусульман к окружающим людям; то же самое характерно и для немусульман. Таким образом, в обеих группах наименьшее доверие выражено к районам со смешанным населением. Стоит также отметить, что уровень доверия к соседям значительно различается по городам: наибольшие показатели были получены в Амстердаме, Роттердаме, Лестере и Стокгольме; наименьшие — в Марселе и Лондоне.

Таблица 20. Кому можно доверять в районе проживания? [МІЕ 2010: 63]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Большинству людей	21,4%	35,8%	28,5%
Некоторым людям	45,9%	44%	45%
Близким знакомым	26,3%	17,4%	21,9%
Никому	6,4%	2,7%	4,6%
Число респондентов	1093	1072	2165

Фундаментом интеграции в рамках ЕС выступают общие ценности, которые должны разделяться как иммигрантами, так и гражданами принимающего общества. Проблеме общих ценностей были посвящены два опроса. Результаты одного из них даны в таблице 21. Как мы видим, большинство респондентов (52,6%) считают, что жители их района не придерживаются единых ценностей; мусульмане больше склонны считать, что у жителей района имеются общие ценности, чем немусульмане (38,8% vs. 28,1%). Несмотря на преобладание скептической точки зрения по отношению к общим ценностям, в другом опросе было показано, что в действительности как мусульмане, так и немусульмане, выделяют одни и те же ценности в качестве наиболее значимых для страны их проживания; кроме того, эти ценности соответствуют фундаментальным ценностям ЕС. Респондентов просили выделить четыре ценности, которые, по их мнению, наиболее важны для проживания в стране. Оказалось, что с точки зрения большинства респондентов принципиальное значение имеют свобода слова, уважение к закону и равенство возможностей. Интересно, что уважение к вере и толерантность оказались для мусульман более значимыми ценностями, чем для немусульман. Результаты опроса даны в таблице 22.

Таблица 21.

Жители этого района придерживаются единых ценностей? [MIE 2010: 67]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Полностью согласен	4%	3,1%	3,6%
Согласен	34,8%	25%	29,9%
Не согласен	39,3%	41,8%	40,6%
Полностью не согласен	10,6%	13,4%	12%
Не знаю	11,4%	16,6%	14%
Число респондентов	1109	1088	2197

Таблица 22.

Самые важные ценности для жизни в этой стране [MIE 2010: 68]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Уважение к закону	64,3%	54%	1300
Толерантность к людям	37,4%	49,9%	956
Свобода слова и выражения	49,5%	61,5%	1217
Уважение ко всем религиям	51,6%	29,1%	889
Справедливость и честность	28,7%	36,9%	719
Знание государственного языка	33%	31,4%	707
Уважением ко всем этносам	31,2%	28,5%	655
Равенство возможностей	41,3%	44,1%	937
Гордость за страну, патриотизм	8,5%	12,4%	229
Голосование на выборах	19,2%	21,4%	445
Свобода от дискриминации	27,7%	27,4%	605
Число респондентов	1110	1085	2195

7.3. Политическая активность

Политическая активность, то есть вовлеченность в политическую деятельность и институты, является показателем социальной интеграции. Большое значение здесь имеет ощущение собственной вовлеченности в гражданский процесс, чувство влияния на политические решения местного и общенационального уровня. Между тем, одной из проблем остается ограниченная представленность мусульманского населения на выборах; из 7 государств, исследованных Фондом Сороса, в 6 право голоса на федеральных выборах принадлежит только гражданам государства. Исключением является Великобритания, где правом голоса обладают граждане британского Содружества, а также Кипра, Мальты и Ирландии. В Бельгии и Дании иммигрантам позволено участвовать в муниципальных выборах. Существующая ситуация предполагает, что значительная часть европейских мусульман не могут принимать участие в федеральных выборах¹⁵. В разных городах отмечена разная доля политически активного мусульманского населения. Более 80% исследованных мусульман Антверпена, Лестера, Роттердама, Стокгольма и Лондона могут принимать участие в федеральных и муниципальных выборах; более 80% мусульман Копенгагена могут принимать участие в муниципальных выборах, но лишь 52% — в федеральных. Низкие показатели были зафиксированы в Париже (41%), Берлине (51%), Гамбурге (57%) и Марселе (66%). В некоторых городах отмечены инициативы по расширению права голоса для мусульман на муниципальных выборах, но они не везде находят поддержку у городских властей.

Чтобы стать полноценным элементом политического процесса, право голоса должно получить реализацию в виде непосредственного участия в голосовании. Показатели явки мусульманских

¹⁵ По оценкам исследователей Фонда Сороса, около трети мусульман, проживающих в странах ЕС, не имеют гражданства.

избирателей значительно разнятся по городам. В Амстердаме коренные голландцы гораздо чаще ходят на выборы, чем марокканцы или турки. В Лестере, напротив, самые высокие показатели отмечены среди этнических меньшинств. На избирательную активность мусульманского населения может влиять дискурс исламских духовных лидеров, и он также неоднороден: встречается как отрицательная оценка гражданской активности, так и положительная оценка, вплоть до утверждения о том, что участие в выборах является обязанностью мусульманина (к первой точке зрения склонны представители радикальных и асоциальных направлений, ко второй — официальные репрезентативные организации). В таблицах 23 и 24 даны результаты опроса по поводу участия в голосовании. Как мы видим, мусульмане характеризуются в целом меньшей политической активностью, чем немусульмане.

Таблица 23.

Вы голосовали на последних федеральных выборах? [МІЕ 2010: 190]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	51%	69,1%	60%
Нет	49%	30,9%	40%
Число респондентов	1110	1089	2199

Таблица 24.

Вы голосовали на последних муниципальных выборах? [МІЕ 2010: 190]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Да	51,2%	65,8%	58,4%
Нет	48,8%	34,2%	41,6%
Число респондентов	1110	1089	2199

Сотрудниками Фонда Сороса также был исследован уровень доверия мусульманского населения к правительству и парламенту. Результаты опроса даны в таблицах 25 и 26. В целом мусульмане демонстрируют меньшее доверие к власти, чем немусульмане, но результаты обеих групп сопоставимы. Интересно, что среди мусульманских респондентов отмечена большая неопределенность: ответ «не знаю» давался ими почти в два раза чаще.

Таблица 25. Уровень доверия к правительству [МІЕ 2010: 198]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Высокий	5,6%	4,7%	5,1%
Довольно высокий	23,6%	26,4%	25%
Недостаточный	37,3%	41,1%	39,2%
Отсутствие доверия	24,1%	22,1%	23,1%
Не знаю	9,4%	5,7%	7,6%
Число респондентов	1109	1089	2198

Таблица 26. Уровень доверия к парламенту [МІЕ 2010: 197]

	Мусульмане	Немусульмане	Всего
Высокий	6%	5,2%	5,6%
Довольно высокий	26,8%	35,4%	31,1%
Недостаточный	38,8%	38,4%	38,6%
Отсутствие доверия	15,3%	13,4%	14,4%
Не знаю	13%	7,5%	10,3%
Число респондентов	1108	1087	2195

Мусульмане пока еще слабо представлены в органах власти и в политическом поле, однако степень их репрезентации значительно выросла за последние годы и, по-видимому, в дальнейшем она будет расти. В 2005 г. в парламент Великобритании прошли 4 кандидата с мусульманским бэкграундом, а в 2010 г. — уже 8 кандидатов (6 лейбористов и 2 консерватора); кроме того, с 2010 по 2012 гг. сопредседателем Консервативной партии была мусульманка Саида Варси. В 2009 г. в немецкий бундестаг прошли 20 кандидатов с мусульманским бэкграундом, а на последних выборах в земле Северный Рейн-Вестфалия мусульманской партии удалось впервые добиться положительного результата: «Альянс за мир и справедливость» («Bündnis für Frieden und Fairness») смог получить два мандата в муниципальном собрании. Но этот случай является исключительным. Общая тенденция заключается в том, что мусульманские кандидаты по всей Европе выдвигаются в рамках основных политических партий и очень часто скрывают свою идентичность. Они стремятся показать, что они представляют своих избирателей, а не особую этническую или религиозную группу. Французский сенатор, член социалистической партии Самия Гали замечает по этому поводу: «Я не хочу, чтобы меня воспринимали через призму моего происхождения... Давайте лучше говорить об образовании, медицине и строительстве жилья». Стремление скрыть свою идентичность связано с традициями секуляризма и универсализма, которые формируют политическое поле. Любая демонстрация религиозной принадлежности может дискредитировать кандидата в глазах нерелигиозного или либерально настроенного большинства. Как замечает один из участников фокус-группы: «Если ты не религиозен, то твоя позиция будет рассматриваться как нейтральная, но если ты придерживаешься какой-либо религии, будь то ислам, христианство или иудаизм, ты не будешь рассматриваться как беспристрастный» [Copenhagen 2011: 208].

Стоит добавить, что хотя политические партии обычно дистанцируются от религиозных групп, все же они охотно идут на контакт с представителями религиозных или этнических меньшинств во время предвыборных кампаний; в частности, в ОФС отмечаются многочисленные инициативы со стороны ведущих европейских партий, направленные на налаживание контакта с этнорелигиозными меньшинствами.

7.4. Выводы

Взаимопомощь и взаимное приспособление находятся на высоком уровне; степень доверия к соседям также довольно высока, но среди мусульман часто развито недоверие к соседям. Мусульмане и немусульмане придерживаются примерно одинаковых фундаментальных ценностей, но при этом часто считают, что у их соседей иные приоритеты. Можно сделать вывод, что ощущение ценностного единства не имеет принципиального значения, когда речь идет о хороших соседских отношениях и взаимопомощи.

Политическая активность мусульман является более низкой, чем политическая активность немусульман; среди мусульман, имеющих право голоса, лишь половина ходят на выборы. Уровень доверия к правительству и парламенту незначительно ниже среди мусульман, чем среди немусульман. Приверженцы ислама слабо представлены в органах власти и на политическом поле, но степень их репрезентации растет. При этом они действуют преимущественно в рамках политического мейнстрима.

Глава 8

Средства массовой информации

Средства массовой информации играют важную роль в распространении мнений и оценок, касающихся ислама, в создании образа ислама и мусульман, а также в освещении разнообразных областей жизни, так или иначе связанных с деятельностью мусульман. Тема «Европейские СМИ и мусульмане» чрезвычайно хорошо представлена в литературе.

8.1. Облик ислама в СМИ

Из многочисленных исследований, мониторингов, опросов и др. видно, что европейские СМИ имеют тенденцию изображать ислам в крайне негативном ключе, ассоциируя его с агрессией, терроризмом, угнетением женщин и нежеланием интегрироваться. Известно, что еще до событий 11 сентября 2001 г. ислам в Великобритании представлялся как угроза для общества и его ценностей, а также ассоциировался с девиантностью и иррациональностью [Poole 2009] [Richardson 2004]. Аналогичные характеристики доминировали в шведских новостных сообщениях за 1991–1995 гг., касавшихся ислама [Larsson 2007: 37]. Ситуация стала еще хуже после терактов 11 сентября. Из обзора печатных СМИ за 2000–2008 гг., проведенного К. Муром и коллегами, следует, что «основная часть новостей о британских мусульманах — примерно 2/3 — сфокусирована на мусульманах как на угрозе (в связи

с терроризмом), проблеме (из-за различия ценностей) или на том и другом (исламский экстремизм в целом)»; при этом интересно, что лишь в 2008 г. «сообщения, посвященные проблеме религиозных и культурных различий (32%), стали преобладать над сообщениями о терроризме (27%)» [Moore et al. 2008: 21, 3].

Во Франции тема религии, в особенности ислама, стала настоящим прорывом в медиа-дискурсе в конце 1990-х. Однако данный прорыв стал результатом эволюционного развития. В своей книге «L'islam imaginaire» Томас Делтом анализирует как слова и образы, доминирующие в СМИ и политических речах, постепенно выстроили точку зрения, с опорой на которую принято идентифицировать французское население из бывших колоний. Исследования показывают, что в целом французские СМИ преподносят ислам как угрозу законам республики, секуляризму, свободе выражения, женским правам и (в силу частой ассоциации с терроризмом) безопасности страны или даже всего западного мира. Несмотря на очень слабую распространенность в прессе «теории заговора», некоторые издания все-таки придерживаются ее. Во время дебатов по поводу школьниц и студенток, носящих хиджаб, всем известный еженедельник «L'express» напечатал такой заголовок: «Хиджаб: план захвата. Как исламисты проникают к нам» В том же журнале философ Андрэ Глуксман, пишущий о ситуации в Ираке и Алжире, сделал следующее заявление: «Хиджаб — это террористическая операция. ... Во Франции усердные ученики знают, что их хиджабы покрыты кровью». Жесткость такой позиции не является чем-то исключительным; она отражает лишь часть общественного мнения, но при этом также воздействует на политическую сферу, сконцентрированную на вопросах безопасности. Обозреватель еженедельника «Le Point» Бернар Хенри Леви использовал термин «фашисламизм», а ведущий автор ежедневной газеты «Le Figaro» Айвэн Риуфол написал в своем разделе о «нацисламизме». Эти журналисты — не единственные, кто играет в подобные лингвистические игры.

Элизабет Пул провела систематический и глубокий анализ тех моделей, с помощью которых мусульмане представлены в национальной британской прессе [Poole 2009]. Исследовав образ британских мусульман в СМИ, а также формы их идентификации различными общественными группами, Пул пришла к выводу о том, что представления эти не однородны. Мусульманская позиция появляется где-то на периферии печатных СМИ, тогда как «основная часть контента поделена между новостными сообщениями, конструкциями и категоризациями консервативных позиций». Со времен Дела Рушди, войны в Персидском заливе, войны в Ираке и событий 11 сентября британские журналисты опубликовали ряд статей, враждебных исламу. Медийное освещение глобального терроризма склонно косвенно ассоциировать этот феномен с рядовыми британскими мусульманами, чья позиция сейчас также находится под пристальным наблюдением.

В Испании проблема ношения платков в школах не привела к такому общественному резонансу, как в других европейских странах. Но это не значит, что в этой стране ислам лучше интегрирован в общество или что он не пробуждает старые страхи, известные со времен мавританского завоевания. Хосе Бодас и Адриана Драгоевич сформулировали важную идею, которую Эдвард В. Саид проиллюстрировал несколько лет спустя: в гегемонистском медиадискурсе ислам и мусульман часто сводят к серии обобщений и стереотипов, которые увековечивают образ нерациональной, агрессивной религии, представляющей угрозу для запада [Saïd 1997]. Четырнадцать лет спустя Лаура Наварро вернулась к этой теме, сфокусировавшись на анализе дискурса двух видов СМИ: телевидения и кино [Navarro 2009]. В результате анализа многих новостных передач и телевизионных дебатов, посвященных интернациональному терроризму, войне в Ираке, конфликту между Израилем и Палестиной, ей удалось показать, как «гегемонистский информативный дискурс» подпитывает

исламофобию и теорию «столкновения цивилизаций». Работа Лауры Наварро раскрывает семиотические стратегии, через которые масс-медиа, в частности испанское телевидение, конструируют радикальную и конфликтную «инаковость» арабов и мусульман; эта «инаковость» способна навести панику и спровоцировать катастрофы.

Несмотря на национальные различия, СМИ действуют по сходной модели во всей Западной Европе, восставая периодически против ислама и мусульман. Принимая все это во внимание, можно сказать, что информационный продукт получается ограниченным, консервативным и согласованным. Журналистская практика подготовки и отбора новостей сталкивается с организационными ограничениями, которые обусловлены институциональным контекстом и капиталистической системой; другими словами, всегда имеется необходимость привлечь большую аудиторию посредством сенсационных новостей. Получается, что люди западного мира видят развивающийся дуалистичный образ ислама: с одной стороны, «интегрированные» или «современные» мусульмане, а с другой стороны — исламизм. Заметно преобладает публичный дискурс по поводу эксклюзивности, сепаратизма и фанатизма. Постепенно фигуры исламистов и террористов сливаются воедино, оправдывая ужесточение иммиграционной политики как в новых, так и в старых иммиграционных странах. Ислам, таким образом, — это одна из призм, через которую представлено население бывших колоний и посредством которой оно поддается стигматизации.

Анализ фокус-групп в рамках исследования Фонда Сороса показал, что их участники очень озабочены представленным в СМИ образом ислама. Выражалось недовольство как чрезмерной популяризацией данной темы, так и постоянно возникающими негативными коннотациями. Лондонские респонденты высказали следующие соображения: «В центре внимания СМИ только

„мусульманские экстремисты“; для улучшения ситуации необходимо разбираться с позицией среднего мусульманина и с его потребностями, но это невозможно сделать, если мусульмане не будут проявлять активность за пределами этнических меньшинств»; «Почему масс-медиа намеренно игнорируют мусульман, когда мусульмане делают что-либо позитивное? Мы вносим вклад в экономику, в систему здравоохранения, мы способствуем улучшению ситуации здесь, но СМИ всегда изображают мелкие проблемы, в которых они склонны обвинять мусульман. Почему так? Почему они не могут говорить о мусульманах в позитивном ключе?» [London 2012: 152]. Представляется, что объяснение сложившейся ситуации должно быть комплексным, при этом не последнюю роль здесь должен играть факт, тонко подмеченный Изабель Ригони: сами СМИ обусловлены институциональным контекстом и капиталистической системой, то есть у них всегда имеется необходимость привлечь большую аудиторию посредством сенсаций и «горячих тем».

Важно отметить, что респонденты подчеркивают существенное различие между местными и федеральными СМИ в освещении ислама и мусульман. Местные СМИ в большей степени ориентированы на локальные сообщества, в том числе на этнические меньшинства; они не склонны представлять мусульман как однородную группу. Особенно сильно эта специфика подчеркивалась участниками фокус-групп из Лондона, Лестера и Копенгагена. Лондонский респондент высказал следующую мысль: «У нас нет проблем с местными СМИ, у нас с ними очень хорошие отношения. Они выполняют свои обязанности ответственно и этично. Что касается федеральных СМИ, то вы прекрасно знаете эту ситуацию. Они всегда изображают нас как фундаменталистов, террористов и экстремистов... Местные СМИ вовлечены в общее дело с нами, и они изображают нас так, как и должно быть, но вот с федеральными СМИ настоящая беда» [London 2012: 151]. Респондент

из Лестера выразил интересную идею о том, что теплое отношение со стороны местных медиа обусловлено прагматическими факторами: «Местным СМИ нужна клиентура, им нужны люди из окружи, которым можно было бы продать продукт... Например, в Лестере есть газета „Leicester Mercury“, и если редакторы хотят, чтобы ее покупали, им следует быть осторожными в том, как они подходят к предмету обсуждения» [Leicester 2010: 116].

В последнее время, помимо благоприятной ситуации на уровне местных медиа, отмечены позитивные сдвиги и в других направлениях. Власти стали проявлять большую заинтересованность в проблеме представительства этнических и религиозных меньшинств в СМИ. В качестве реакции на однобокое мейнстримовое освещение ислама стали появляться локальные инициативы по созданию более благоприятного образа (газеты, радио, блоги и др.). Отмечается также рост этнического разнообразия среди работников мейнстримовых СМИ. Все это позволяет говорить о тенденции к преодолению однобокого освещения ислама¹⁶.

8.2. Мусульманские СМИ

В последние десятилетия все страны Западной Европы стали свидетелями развития мусульманских СМИ. Эти масс-медиа включают печатную продукцию (он-лайн, офф-лайн), радио, телевидение, а также специальное вещание для «мусульманского сообщества». Европейская группа «Миноритимедиа»¹⁷ подсчитала, что в 2007 г. во Франции, Великобритании, Италии, Испании

¹⁶ См. также [Мухетдинов (ред.) 2013б].

¹⁷ «Миноритимедиа» — это исследовательская группа, которая финансируется Евросоюзом и возглавляется Изабель Ригони. Она дислоцируется в Университете Пуатье, Франция. «Миноритимедиа» сосредоточена на исследовании этнических СМИ в сравнительной и междисциплинарной перспективе (см. http://www.mshs.univ-poitiers.fr/migrinter/minoritymedia/index_eng.html).

и Нидерландах существовало около 89 мусульманских СМИ. Большинство из них представлены вебсайтами, печатными органами или телевидением, в то время как радиовещание оказалось не таким популярным, хотя были очень интересные эксперименты в Британии, Франции и Испании.

Присутствие мусульманских СМИ в Великобритании является более длительным и ощутимым, чем в других европейских странах. Первые органы появились еще в начале XX в., с 1970-х гг. их число стало расти. Британские мусульманские газеты и журналы, такие как «The Muslim News», «Q-News», «Crescent International», «Impact International», «Emel», «Trends»; медиа-сообщества, такие как «Мусульманский совет Британии», «Форум против исламофобии и расизма»; радиостанции, такие как «Radio Ummah», «Radio Ramadan» получили преимущества новой коммуникации и информационные возможности для альтернативной оценки происходящих событий. Все печатные продукты подготовлены на английском языке, и большинство из них раздаются бесплатно в книжных магазинах и ассоциациях; многие мусульманские СМИ Британии распространены в Пакистане, Нигерии, Южной Африке, Шри-Ланке и Малайзии, а иногда даже в Канаде и США.

Ситуация во Франции сильно отличается, там мусульманские медиа, как таковые, появились совсем недавно. До конца 1990-х гг. этнические и религиозные СМИ были нацелены, скорее, на специфические иммигрантские меньшинства (алжирцы, марокканцы, турки и т. д.), чем на сообщества единоверцев. Некоторые мусульманские журналы, такие как «Hawwa», «La Medina» (наиболее известные); «Reflexions», «Columbus», «Actualis» и др., были созданы в период между 1998 и 2003 гг., но большинство в итоге исчезли, а «La Medina» превратилась в веб-сайт. Некоторые интернет-журналы, такие как «oumma.com», «saphirnews.com» и «AslimTaslam» все еще добиваются права быть услышанными. Во Франции не существует специальных исламских радиостанций, но такие

радиостанции как «BeurFM» и «RadioMéditerranée» известны своей большой мусульманской аудиторией.

В Испании мусульманские масс-медиа тоже моложе, чем в Великобритании. Первые СМИ появились во второй половине 1990-х гг. Они были печатными («Verde Islam», основан в 1995 г.), и в форме онлайн («Revista Amanecer del nuevo siglo», основан в 1997 г.), но постепенно более многочисленными стали порталы и блоги. Самый посещаемый портал — webislam.com, создан в 1997 г. андалузскими новообращенными. Данный веб-сайт стремится стать эталоном для испаноговорящего мусульманского сообщества по всему миру. Совсем недавно возникли новые радиостанции, такие как «Radio Inforislam», которое было создано в 2006 г. исламской ассоциацией «Badr in Melilla», состоящей в основном из испанских новообращенных, проявляющих большую активность в медиапространстве.

В Италии ислам является второй религией по числу верующих, и большинство из них — иммигранты. Растущая в итальянском общественном мнении оппозиция по отношению к исламу, а также некоторые неприятные утверждения, сделанные лидерами различных организаций, заставили мусульман, до того придерживавшихся нейтралитета, занять более активную позицию. Итальянские верующие начали создавать и использовать мусульманские СМИ с середины 2000-х гг., например «Musulmaniditalia.com — Il portale della società civile dei musulmani d'Italia».

В Германии главную роль на мусульманской медиа-сцене играет ежемесячный журнал «Die Islamische Zeitung». Он был создан в 1994 г. немецкими новообращенными, Абу Бакр Ригером и Сулейманом Вилмсом. Как и в некоторых западноевропейских странах, значение новообращенных оказалось здесь очень существенным для развития мусульманских СМИ. «Die Islamische Zeitung» защищает позицию, которую многие сочли бы консервативной. Этот журнал оказывает меньшее влияние на

политику, чем, например, «The Muslim News» в Великобритании, но все же он остается одним из ведущих мусульманских СМИ в Германии. Другие мусульманские масс-медиа — «Al-Raid» (Islamischer Informationsdienst e. V.), «Dunia» (Teblig), «Enfal», «Huda» (Netzwerk für muslimische Frauen e. V.).

Несмотря на наличие большой аудитории на национальном, и, в меньшей степени, местном уровне, мусульманские СМИ в Европе, как правило, ориентированы на приверженцев ислама и исламский мир в целом. Около 70% мусульманских СМИ ориентированы только на исламскую аудиторию, около 30% нацелены и на мусульман, и на поликультурную недифференцированную аудиторию. Более точные данные показывают, что мусульманские медиа имеют дело с исламской аудиторией в Великобритании (98%) и Франции (75%), тогда как в Нидерландах (60%) и Испании (85%) они направлены на все слои населения. Мониторинг медиаконтента подтверждает, что большинство мусульманских СМИ сфокусированы на «продуктах», предназначенных для исламского сообщества. Вещают ли они новости, политику, экономику, культуру, историю или дают практическую информацию, они в основном имеют дело с мусульманским меньшинством Европы. Практически все они хотели бы выразить позицию меньшинства.

8.3. Феномен феминизации

В последние годы в мусульманских СМИ возросла роль женщин. Мусульманки получили доступ к значимым должностям глав журналов и ассоциаций. Особенно это распространено в Великобритании, где женщины являются дикторами или продюсируют программы на «Islam Channel», «Radio Faza», «Radio Whitechapel Mosque» и др. Британия все еще помнит политические программы Ивонн Ридли, которая приняла ислам после

ее похищения талибами. Ее успех на «Islam Channel» и «Аль-Джазире» открыл новые возможности для журналисток-мусульманок. В частности, появились женщины в роли редакторов журналов, которые представляют «позитивный образ мусульманского сообщества». Именно так обстоит дело с «Imel», гламурным «городским» журналом, созданным Сарой Джозеф, чья команда состоит преимущественно из женщин. Сара Джозеф стала первой женщиной-редактором мусульманского журнала в Великобритании. Сама Сара имеет еврейское происхождение, она приняла ислам, когда ей было 16 лет, потом она изучала религию в университете. После получения определенного опыта, во второй половине 1990-х гг. она переориентировалась в своей карьере и стала консультировать по вопросам ислама, а также стала проводить обучающие курсы. Так или иначе, она все еще присутствует в СМИ, появляясь в телепрограммах «Panorama» и «Dimbleby».

Другими первопроходцами стали Сара Кан, президент Молодых мусульманских сестер, и Реана Садик, которая сыграла ключевую роль в создании женской ветви Мусульманской молодежи Соединенного Королевства в конце 1980-х гг., а потом стала активным членом Исламского сообщества Великобритании, группы лоббистов, связанной с мусульманскими СМИ, вещающими через интернет. С тех пор другие молодые женщины доросли до продюсерских и управленческих позиций. Шагуфта Якуб стала главным редактором новостей «Q-News» в 2000 г. в возрасте 24 лет. Она была замещена Фариной Алам, другой недавно закончившей университет выпускницей. Большинство таких женщин имеют хорошее академическое образование, они занимают активную жизненную позицию, часто остаются незамужними и не имеют детей. Они — часть тренда, о котором сказали два журналиста «Q-News»: «Последняя статистика показывает, что количество мусульманских женщин в университетах превосходит число мусульманских мужчин, а возраст, когда образованные женщины

выходят замуж, растет... Они бросили вызов стереотипу „выйти замуж как можно раньше“... Такие женщины играют особенно важную роль в прокладывании пути для молодых сестер и женщин из их сообщества».

Роль молодых женщин в мусульманских СМИ в других европейских странах также требует внимания, хотя принимать участие они стали позднее и развитие здесь получилось более ограниченным. Во Франции в 2000 г. было основано печатное издание «*Nawwa*», целевой аудиторией которого являются молодые мусульманки. Его штат состоит в основном из женщин, и возглавляет его Дора Мабрук — иммигрантка из Магриба. «*Nawwa*» адресована женщинам, которые хотели бы заявить о себе, как мусульманках и француженках одновременно. Не так давно, в 2008 г. французский мусульманский сайт *oumma.com* создал раздел «*Oumma pour Elle*» с возможностью веб-телевещания и ведения блога «Хиджаб и город». Основатели и сотрудники «*Nawwa*» и «*Oumma pour Elle*» — это образованные мусульманки, которые родились и выросли во Франции. Целью данного ресурса является демонстрация того, что «женщины в хиджабах также могут быть современными и очаровательными, умными и следящими за новостями, они устали от ярлыка невежественных женщин». Блог оказался привлекательным для женщин, так как предлагал «пространство, на котором женщины в хиджабах могут почувствовать себя женственными, имеющими свое социальное представительство; этот блог предлагает вам, женщины разных социальных статусов, замужние и незамужние, матери и дети, почувствовать себя мусульманкой и западной женщиной». В Испании и Италии мусульманки тоже создают блоги, но при этом они очень мало вовлечены в работу более традиционных СМИ — радио и газет.

Некоторые женщины рассказывают о том, какие сложности они встретили, пока искали свое место в СМИ, так что их строгая приверженность и участие именно в мусульманских масс-медиа

является результатом личного выбора и социально-политической активности. Этот выбор не помешал им внести свою лепту в развитие СМИ, особенно после 11 сентября 2001 г. Их вклад может считаться ценным с педагогической (предоставление информации об исламе) и рекламной (продвижение мусульманских масс-медиа) точек зрения.

Социально-исторические исследования показали, что через СМИ женщины могут продвигать инновационные темы, представляющие для них первостепенную важность. Так, появление «женских страниц» в прессе США в самом начале XX в. не только повлияло на рост роли женщин в профессиональной занятости, но и стало своеобразным форумом для феминистских дебатов. Эти страницы были созданы издателями газет с целью привлечь внимание женщин-читательниц, и в итоге они предоставили возможность образованным женщинам среднего класса отвлечься от домашних дел. Несмотря на популистский характер, эти страницы фактически дали жизнь новым вариантам журналистики. Например, они ниспровергли конвенционные ценности 1950-х, открыв поле для дискуссий о неравенстве возможностей для женщин и мужчин в сфере работы и зарплаты, образования детей, развода, аборт и т. д. Новые практики, такие как вовлечение читателя ответами на письма или представление в газете событий из жизни обычных людей, также были рождены на этих страницах.

Феминизация журналистики, которой не избежали мусульманские СМИ, по-видимому, идет рука об руку с иламским феминизмом глобального типа. Он возник в 1980–1990-х гг. и с тех пор продвигался образованными городскими женщинами, которые пошли на оспаривание мужской монополии в публичном пространстве. Их приверженность исламу — это зачастую реакция на позицию их родителей, согласно которой ислам является неизменной и в чем-то даже архаичной формой религии.

Это также реакция на сексистское прочтение ислама. Эти новые мусульманские женщины-интеллектуалки часто имеют университетскую степень и используют свою веру как средство самоутверждения. Их вовлеченность также является попыткой сочетать концепт гендерного равноправия с религиозной практикой. Данный тренд не является британским феноменом, он наблюдается преимущественно в континентальной Европе. Данное направление мысли, в котором феминизм и женственность оказываются взаимосвязаны, проявляется в нескольких европейских мусульманских изданиях. Это приводит к созданию новых секций для таких тем, как «книги для детей», «объявления для одиноких», «проблемы замужней жизни». Женские переживания и медицинские аспекты сексуальности — теперь не табу; ряд изданий, например «Q-News» в Великобритании, «Hawwa» во Франции и некоторые испанские издания, рассматривают вопросы сексуальности, контрацепции, гомосексуализма, содомии и лесбийских отношений. Наряду с этим стали также регулярно обсуждаться взаимоотношения между мужчиной и женщиной.

Стоит отметить, что женщины обновили дискурс мусульманских СМИ по вопросу борьбы с дискриминацией. Женщины стали подробнее освещать данную тему, заостряя внимание на проблематичности своего положения. В качестве иллюстрации этого тезиса могут быть взяты слова Фарины Алам: «Ислам освобождает женщин, но до каких пор мы будем прятать действительное неравенство в нашем обществе под этим клише?». Для этой молодой журналистки, как и для других мусульманок, вера освобождает женскую индивидуальность, но она не может скрыть того факта, что женщины все еще остаются жертвами неравенства внутри и за пределами мусульманского сообщества. Иначе говоря, признание равноправия мужчин и женщин внутри ислама еще не освобождает женщин от более широкой социальной дискриминации.

8.4. Выводы

Европейские масс-медиа долгое время предпочитали изображать ислам в крайне негативном виде, ассоциируя его с агрессией, терроризмом, угнетением женщин и нежеланием интегрироваться. Но в последнее время отмечается стремление к выработке более позитивного облика ислама. Имеется принципиальное различие между местными и федеральными СМИ: местные СМИ ориентированы на локальные сообщества, в том числе на этнические меньшинства, и в них ислам представлен в позитивном виде. Отмечены позитивные сдвиги и в других направлениях (рост числа мусульманских СМИ, вовлечение женщин и пр.), что свидетельствует о постепенном формировании самостоятельной мусульманской сферы в европейском медиадискурсе.

Глава 9

Исламские организации

Представление об исламских организациях Европы все еще остается смутным и недостаточным. Однако нужно понимать, что именно исламские организации являются движущей силой в медленной трансформации европейского общества, они реализуют тот потенциал, который заложен в мусульманских гражданах европейских государств, а также в многочисленных иммигрантах. Без понимания той ситуации, которая имеется с исламскими организациями, невозможно понимание как современного европейского мусульманства, так и идеологических, социологических и политических перспектив ислама в Европе. В главе сделана попытка заполнить имеющуюся в российской интеллектуальной среде лауну по этому вопросу. Представленный материал стоит рассматривать как справочный. Он подойдет в качестве необходимой базы для дальнейшего исследования.

При подготовке мы опирались на авторитетный «Ежегодник мусульман в Европе», выходящий под редакцией Йоргена Нильсена¹⁸. На данный момент вышло 6 томов (2009–2014 гг.). Мы использовали материалы всех томов, поскольку, к сожалению, в более поздних изданиях иногда дается меньше актуальной информации об исламских организациях. Также в случае с некоторыми странами были привлечены соответствующие интернет-ресурсы.

Всего в главе рассмотрены 22 страны: Австрия, Албания, Бельгия, Босния и Герцеговина, Греция, Ирландия, Испания, Италия, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша,

¹⁸ Nielsen J. (ed.). Yearbook of Muslims in Europe. Brill, Leiden — Boston. Vol. 1–6, 2009–2014.

Португалия, Словакия, Словения, Финляндия, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония. Каждая заметка включает в себя информацию о численности мусульманского населения, о структуре населения (происхождение, социальное положение и пр.), о государственном статусе ислама, а также об отдельных мусульманских организациях. При описании организации мы указываем год ее основания, базовые принципы, цели и реальную деятельность; в большинстве случаев также дается сайт организации.

Как уже было отмечено, представленный материал носит справочный характер. Но прежде чем перейти к заметкам по отдельным странам, мы бы позволили себе в двух словах отметить тенденции, касающиеся исламских организаций Европы, на которые следовало бы обратить внимание.

Во-первых, европейское мусульманство представляется полностью дезинтегрированным; общеевропейские исламские организации, которые бы пользовались всеобщей поддержкой, отсутствуют. Дезинтеграция проявляется также в отсутствии единого понимания места религиозности в современной жизни и, в частности, в европейском социуме. Иначе говоря, изобразить мусульманские организации Европы в качестве единого фронта, выступающего в борьбе за общие принципы или ценности, не представляется возможным.

Во-вторых, в отдельных странах чаще всего мы имеем дело с многочисленными и не связанными друг с другом (и, порой, конкурирующими) мусульманскими организациями. По-видимому, главная причина сложившейся ситуации — это тесная связь современного ислама с этничностью (что вообще является общемировой тенденцией); объединение по этническому принципу настолько сильно, что оно затмевает универсализм ислама и ведет к сектантству; в связи с этим также стоит отметить тесную связь некоторых этносов с организациями, управляемыми из других стран (это особенно актуально для турок и боснийцев).

В-третьих, вопреки распространенному мнению, радикальные течения не играют существенной роли в европейском мусульманстве. И дело тут не в том, что они запрещены (мы рассматривали как официальные, так и неофициальные организации), а в том, что их удельный вес действительно незначителен.

Наконец, в-четвертых, реальная деятельность мусульманских организаций, как можно видеть, касается образования, воспитания, богослужения и представительства; короче говоря, она в основном связана с тем, чтобы обеспечить мусульманам достойную жизнь и найти им место в европейском обществе. Адекватные исламские организации не претендуют на создание общеевропейского халифата и введение норм шариата в правовую систему отдельных стран. Их позиция в целом является умеренной и ориентированной на интеграцию. При этом, однако, они не поддерживают ставший модным в последнее время радикальный либерализм европейской политики (гендерный вопрос, эрозия традиционной семьи, однополые браки, проблема морали и пр.). Можно сказать, что в целом их позиция является умеренно-традиционалистской, что, конечно, не дает оснований обвинять их в «архаичности» и «несовременности».

9.1. Австрия

Первая и вторая волна рабочей эмиграции привели к тому, что в 2009 г. в Австрии проживало 500 тыс. мусульман, что составляло около 6% населения. Благодаря натурализации, 49% мусульман являются гражданами Австрии. Согласно переписи 2001 г., самая большая этническая мусульманская группа — это турки (123 тыс.), за ними следуют австрийцы (96 тыс.), боснийцы (64,6 тыс.), сербы (21 тыс.), македонцы (10,9 тыс.), иранцы (3,7 тыс.).

В Австрии имеются следующие исламские организации:

Сообщество исламской веры Австрии (IGGiO, англ. Islamic Faith Community in Austria) является государственно признанной

организацией. В IGGiO доминируют сунниты, хотя с точки зрения официальных властей данная организация представляет интересы всех мусульман. Возглавляется президентом, который избирается каждые 5 лет; в настоящее время президентом является Анас Шакфех (Anas Schakfeh). После долгих дебатов о представительстве, политической ориентации и внутренней структуре, в 2009 г. IGGiO приняло новую конституцию. Не до конца ясно, сколько членов состоит в организации IGGiO. Сайт: www.derislam.at.

Всего в Австрии насчитывается около 260–280 зарегистрированных мусульманских ассоциаций. О количестве мусульман в каждой из ассоциаций отсутствует какая-либо достоверная информация. Алевиты представлены Алевитской федерацией Австрии (ААВФ, англ. Alevi Federation in Austria; www.aleviten.or.at). Шииты представлены Ahl-ul-Bayt Osterreich. Из национальных ассоциаций большинство являются турецкими: Islamische Foderation in Osterreich (Milli Gorus); Turkisch Islamische Union fur kulturelle und soziale Zusammenarbeit in Osterreich (Diyanet); Union ilamischer Kulturzentren; и др. В Вене и других больших городах имеются арабские ассоциации (например, Gesellschaft fur Zusammenkunft der Kulturen; Liga Kultur). Существует также представительство боснийских мусульман Darchverband der Bosniaken in Osterreich, но оно слабо связано с боснийскими организациями. В Вене также имеется небольшое сообщество Ahmadiyya-Muslim-Jamaat.

9.2. Албания

На данный момент отсутствует надежная статистика, касающаяся религиозной принадлежности жителей Албании. Согласно одному из источников, который заслуживает доверия, число мусульман в Албании составляют 65–70% населения; существуют также данные в 80% населения. Большинство мусульман являются суннитами. Этнически мусульмане в основном являются албанцами. Ранее

мусульмане были больше распределены по стране, но сейчас существует тенденция к переезду в Тирану. Стоит отметить, что несколько десятилетий коммунизма привели к тому, что большинство граждан современной Албании ведут светский образ жизни, хотя формально и могут считаться мусульманами; активное участие в религиозной жизни, по разным оценкам, принимают от 25% до 40% мусульман.

Мусульманское сообщество Албании (МСА, Komuniteti Musliman i Shqiperise, англ. Muslim Community of Albania) является самой большой суннитской организацией Албании, и признается государством как национальная организация. МСА управляет большинством мечетей. Была основана еще в 1923 г. и реорганизована в 1991 г. Сайт: <http://www.kmsh.al>.

Мировая штаб-квартира бекташизма (Kryegjyshata Boterore Bektashiane, англ. World Headquarters of Bektashism) является самой большой суфийской организацией Албании, признана государством как национальная организация и как отдельное религиозное сообщество. Неофициально считается мировой штаб-квартирой бекташизма, но это оспаривается другими представителями данного течения. Сайт: <http://www.komunitetibektashi.org>.

Мусульманский форум Албании (Forum i Musliman i Shqiperise, англ. Muslim Forum of Albania) был основан в 2005 г. Не имеет официального государственного признания. Основными задачами организации являются борьба с расизмом, исламофобией и ксенофобией. Сайт: <http://www.forumimusliman.org/english/>.

9.3. Бельгия

Присутствие мусульман в Бельгии стало предметом обсуждения только во второй половине XX в. Большинство мусульман являются потомками рабочих мигрантов, которые прибывали из средиземноморского района, начиная с 1960-х гг. Сейчас сложно

оценить число мусульман в Бельгии, потому что отсутствует официальная регистрация этнических меньшинств и адептов религий. Можно сказать, что сейчас более 2/3 мусульман Бельгии являются уже бельгийскими гражданами (что связано с либерализацией законодательства, касающегося получения гражданства). Последние общепринятые подсчеты говорят о присутствии 638 тыс. мусульман в Бельгии, что составляет примерно 6% населения страны. Из этого населения примерно 80% являются этническими турками или марокканцами. Оставшиеся 20% — это иммигранты из Алжира, Туниса, Балкан, Южной Азии и Африки. Подавляющее большинство мусульман являются суннитами, в то время как шииты явно в меньшинстве; также среди турок и курдов встречаются алевиты.

Географическое распределение мусульман крайне неравномерно. Более 40% живут в Брюсселе и его пригороде. Мусульмане составляют около 17% населения этого региона. Брюссель является одним из самых исламизированных европейских городов. Мусульмане имеются во многих политических партиях и организациях, особенно на муниципальном уровне. Начиная с 1990-х гг. некоторые министерские должности занимали представители этнических и мусульманских меньшинств, но они в основном подчеркивали свою этническую идентичность. Похоже, значительное число мусульманского электората склонны голосовать за кандидата, ориентируясь на его национальность. Стоит отметить, что делались попытки создать единую исламскую партию, но они не увенчались успехом.

Общая тенденция заключается в том, что сообщества организуются по этническому принципу. Среди турок имеется несколько федераций, которые выражают разные идеологии, взятые из Турции.

Диянет (Diyamet), или Бельгийская ветвь Руководства по религиозным делам Республики Турция (Belcika Turk Islam Diyanet

Vakfi, англ. Belgian branch of the Presidency of Religious Affairs of the Republic of Turkey). Самое организованное и влиятельное движение среди турок. Сегодня к этой организации относятся 2/3 турецких мечетей Бельгии. Диянет получает имамов и учителей ислама из Турции, а также финансируется турецким правительством. Сайт: <http://www.belcikadiyanet.be>.

Исламская федерация Бельгии (Belcika Islam Federasyonu, англ. Islamic Federation of Belgium). Ветвь в рамках религиозно-политического движения Милли Герюш. Поддерживает отношения с мусульманами нетурецкого происхождения и некоторыми европейскими публичными авторитетами. Контролирует около трети турецких мечетей Бельгии. Сайт: <http://www.fibif.be>.

Существуют также другие турецкие организации, но они являются менее крупными. Движение Гулен (<http://www.idp-pdi.be>) характеризуется призывами к реформированию ислама. Под его руководством находятся шесть высших и средних образовательных учреждений, а также некоторые религиозные центры. Оно сконцентрировано на создании экономической и интеллектуальной элиты мусульман. Другая организация — Бельгийская федерация ассоциаций алевитов (Belcika Alevi Birlikleri Federasyonu, англ. Belgian Federation of Alevi Associations; <http://www.babf.be>) представляет турок-алевитов.

Марокканские религиозные группы и мечети в Бельгии не организованы так стройно вдоль идеологических линий. Объединения существуют, но они формируются в основном личностями. Так что сложно дать картину общих тенденций в рамках сообщества выходцев из Магриба. Большая часть бельгийских мусульман-марокканцев придерживаются маликитского мазхаба, который тесно связан с марокканской монархией и традиционными марокканскими лидерами. Религиозно-политические группы, как например марокканская Al adl wal Ihsane, Boutchichiyya tariqa или реформистские течения египетских Братьев мусульман,

представлены, преимущественно среди хорошо образованных сегментов общества. Движение *Таблиг* представлено среди менее образованных марокканцев. Наконец, салафитские течения имеют некоторую популярность среди молодых мусульман и обращенных мусульман.

Марокканские религиозные ассоциации и мечети организованы иногда как провинциальные федерации. *Антверпенский союз мечетей и исламских ассоциаций* (UMIVA; Unie des Moskeeen en Islamitische Verenigingen van Antwerpen, англ. Antwerp Union of Mosques and Islamic Associations; *umiza.vzw@antwerpen.be*) больше подходит для говорящих на голландском языке. *Союз мечетей Брюсселя-Брабанта и Валлонии* (UMBB, Union des Mosques de Bruxelles-Brabant Wallon, англ. Union of Mosques of Brussels-Brabant Wallonia; *bruxellesumbbwf@maktoob.com*) обращается к носителям французского языка. Эти две организации являются старейшими марокканскими организациями в Бельгии.

Существуют также марокканские ассоциации в виде объединений. Например, *Федерация союзов мечетей* (FUM, англ. Federation of Mosque Unions), *Федерация марокканских ассоциаций* (FMV, Federatie voor Marokkaanse Verenigingen, англ. Federation of Moroccan Associations), *Федерация марокканских демократических организаций* (FMDO, Federatie voor Marokkaanse Democratische organisaties, англ. Federation of Moroccan Democratic Organisations) или *Союз развития и эмансипации мусульман* (VOEM, Vereniging voor Ontwikkeling en Emancipatie van Moslims, англ. Union for the Development and Emancipation of Muslims). Эти этнокультурные федерации выполняют функции в т.ч. исламских федераций, но больше фокусируют внимание на этнокультурных, а не на религиозных принципах.

Исламский и культурный центр Бельгии (ICC, Centre Culturel et Islamique de Belgium). Известен также как Большая мечеть, располагался в главной мечети Брюсселя с 1969 г. Был создан

Всемирной исламской лигой, и сыграл главную роль в признании мусульман бельгийским правительством. Продолжает иметь некоторое влияние среди североафриканского населения, и среди большинства новообращенных. Проводит курсы арабского языка и исламской теологии. Сайт: <http://www.centreislamique.be>.

9.4. Босния и Герцеговина

Согласно последней официальной переписи в Боснии и Герцеговине, проведенной в 1991 г., 1,9 млн (или 43,5%) из 4,37 млн жителей страны объявили себя «мусульманами» по национальному признаку. Принято считать, что ислам появился в Боснии с войсками Османской империи в XV в. Боснийские мусульмане в основном являются потомками христиан (католики, православные, или приверженцы вымершей средневековой боснийской церкви), которые приняли ислам за четыре века османского владычества с середины XV в. до 1878 г., когда Босния стала частью Австро-Венгерской империи до 1918 г. С 1918 до 1992 гг. территория нынешнего боснийского государства являлась составной частью трех стран, в том числе Королевства Югославии (1918–1941), Независимого государства Хорватии (1941–1945), и коммунистической Югославии (1945–1992).

Босния и Герцеговина является светским государством без государственной религии. Государство определило свои отношения с церквями и религиозными организациями в «Законе о свободе религии и правовом статусе церквей и религиозных организаций в Боснии и Герцеговине», который был принят в 2004 г. Закон предусматривает свободу вероисповедания, утверждает правовой статус церквей и религиозных общин, и устанавливает отношения между государством и религиозными общинами. В 2006 г. католическая церковь, а в 2008 г. и Сербская Православная Церковь подписали

базовые соглашения с государством, в то время как исламские сообщества Боснии и Герцеговины, после некоторых колебаний, только готовятся подписать аналогичное соглашение.

Основной мусульманской организацией в стране является *Исламское сообщество Боснии и Герцеговины* (ICBH, *Islamska zajednica u Bosni i Hercegovini, Zelenih beretki*, англ. *Islamic Community in Bosnia and Herzegovina; www.rijaset.ba*). ICBH, согласно своей Конституции, является «единственной и единой общиной мусульман в Боснии и Герцеговине, боснийцев за пределами своей родины и других мусульман, которые принимают ее как свою собственную. Автономия ICBH основана на религиозных и правовых учреждениях боснийских мусульман с момента установления османского правления в Боснии». ICBH признано государством как учреждение, которое традиционно представляет ислам в Боснии и Герцеговине. Оно является независимым в регулировании своей деятельности (ритуалы, исламское образование, распределение исламских пожертвований, издательская деятельность, благотворительность и т. д.), может управлять своим имуществом, и финансируется в основном через членские взносы, закят и др. ICBH разделено на 9 муфтиятов в Боснии, включая военный муфтият как сверхтерриториальное образование, и 5 подразделений в Словении, Хорватии, Санджаке в Сербии, Германии и Австралии, наряду с прочими зонтичными организациями, объединяющими боснийских мусульман в США, Австрии и других европейских странах на основе их этнорелигиозной самобытности. Образовательные учреждения, управляемые ICBH включают шесть исламских вузов и медресе, светскую школу (*Bosnjačka gimnazija*) и три факультета. Все контактные данные представлены на главной веб-странице ICBH *www.rijaset.ba*.

Помимо ICBH существуют также сравнительно небольшие организации. Среди них миссионерские, культурные, научные, студенческие, женские и др. Наиболее значительной

благотворительной организацией является Мусульманское благотворительное общество «Мерхамет» (Muslimansko dobrotvorno drustvo «Merhamet», англ. Muslim Charitable Society «Merhamet»), созданное еще в 1913 г. Можно выделить также две женские организации: Женский образовательный центр «Нахла» (Zenski edukacioni centar «Nahla»; www.nahla.ba) и Женская образовательная организация «Kewser» (Zenska edukaciona organizacija «Kewser»; www.kewser-zehra.com.ba).

9.5. Греция

Начиная с XIX в., в Греции проживало много турок-мусульман. Ситуация несколько изменилась после конфронтации с Турцией и новой миграционной волны 1990-х гг. (из Африки, Азии и Албании). Сегодня в Греции приблизительно 105 тыс. мусульман, имеющих греческое гражданство. Учитывая граждан и иммигрантов, на сегодняшний день в Греции живут приблизительно 527 тыс. мусульман, что составляет 4,7% от общего населения. Согласно подсчетам 2009 г., среди иммигрантов имеются афганцы (20 тыс.), пакистанцы (70 тыс.), бангладешцы (25 тыс.), палестинцы (12 тыс.), сирийцы (15 тыс.), египтяне и иракцы (40 тыс.) и др. Среди мусульман с гражданством очень много турок. Суннизм является наиболее популярным направлением, шиизм распространен гораздо меньше; среди турок и курдов также встречается алевизм.

Централизованная организация мусульман отсутствует. Основное разделение идет между турками-гражданами и иммигрантами другой этнической принадлежности. Большинство турок-граждан проживают во Фракии. Их взгляды представляют две ассоциации: Ассоциация выпускников фракийского меньшинства (англ. Association of University Graduates of the Minority

of Thrace) и Турецкий союз Ксанти (англ. Turkish Union of Xanthi). Некоторые организации, содержащие в названии указание на турецкую идентичность, были запрещены греческим государством, поскольку предполагается, что возможна только религиозная, но не национальная организация. Несмотря на то что такое решение было осуждено Европейским судом по правам человека, это никак не повлияло на позицию греческого правительства.

В Афинах было организовано представительство пакистанцев: Пакистано-греческая культурная ассоциация (англ. Pakistano-Greek Cultural Association).

Две взаимосвязанные организации призваны представлять общеисламские интересы: Арабо-эллинистический центр культуры и цивилизации (англ. Arab-Hellenic Centre for Culture and Civilisation) и Ассоциация мусульман Греции (англ. Association of Muslims in Greece).

Внутриисламская динамика неясна, поскольку нет четко артикулированного дискурса; организации озабочены преимущественно практическими проблемами, отсутствует единая стратегия. Место ислама в греческом обществе также связано с политикой и, особенно, с греко-турецкими отношениями.

9.6. Ирландия

В Ирландии живут приблизительно 43 тыс. мусульман (ок. 1% от общего населения). В Ирландии нет доминирующей национальной или этнической группы в рамках мусульманского сообщества. Перепись, однако, показала, что большинство мусульман не являются ирландцами, что связано с высоким уровнем иммиграции. Основная часть исламского населения — сунниты. В 2007 г. шиитское меньшинство составляло примерно 5000 человек. Мусульмане встречаются по всей Ирландии, но

более половины из них живут в Дублине, а также в его пригородах. Второй город по числу мусульман — Корк.

Исламское население многообразно. Значительная часть иммигрантов 1950–1990-х гг. — это студенты, которые приехали в Ирландию за высшим образованием и остались там, а также бизнесмены. Так что, среди ирландских мусульман много образованных и профессионально обученных людей. Например, согласно Исламскому фонду Ирландии (IFI, Islamic Foundation of Ireland), в Ирландии имеются 2000 мусульман с ученой степенью. Ирландский экономический бум 1990-х гг. способствовал разнообразию мусульманской иммиграции. В начале 1990-х гг. начался поток беженцев из Боснии, Косово и Сомали, а также из Нигерии, Алжира, Ливии и Ирака. Таким образом, социально-экономический вид сообщества несколько изменился за это время.

Существует недостаток в исследованиях и литературе о гражданской активности этнических меньшинств Ирландии. На данный момент в политической сфере нет мусульман, но в 2007 г. было основано Лобби мусульманского сообщества (Muslim Community Lobby), чтобы поддерживать ирландских мусульман в их гражданской активности. В дополнение к этому, главные мусульманские организации участвуют в консультациях с правительством по широкому кругу вопросов.

Исламский фонд Ирландии (IFI, Islamic Foundation of Ireland). Организация основана еще в 1959 г. под именем Дублинского исламского общества (Dublin Islamic Society), переименована в 1990 г. Находится в Дублине. IFI создало в 1976 г. первую мечеть в Ирландии. У фонда имеется писанная конституция и избираемый совет. Членство открыто для всех мусульман Ирландии. Сами считают себя официальным представительством мусульман в Ирландии. Сайт: www.islaminireland.com.

Исламский культурный центр Ирландии (ICCI, Islamic Cultural Centre of Ireland). Был основан в 1996 г. на деньги шейха

Хамдана Бин Рашида Аль Мактума (Sheikh Hamdan Bin Rashid Al Maktoum), депутата из Дубаи. Считается, что именно данная организация является публичным представителем мусульман Ирландии. Центр выполняет широкие религиозные и социальные функции: переводы, брачные церемонии, похороны, строительство библиотек, гимназий. В 2005 г. в рамках Центра был открыт Департамент социального обеспечения. Многие мусульмане связаны и с IFI, и с ICCI, поскольку между этими организациями нет существенных различий в том, что касается официального представительства мусульман Ирландии. Сайт: www.islaminireland.ie.

Исламский центр Ahlul Bayt (Ahlul Bayt Islamic Centre). Центр является представительством шиитов. При нем есть мечеть, также центр ведет активную социальную деятельность. Сайт: <http://homepage.eircom.net/~ahlulbyteassociation>. Другое представительство шиитов — Общество Баб-уль-Ильм (Bab-ul-Ilm society; сайт: www.babulilm.ie).

К другим мусульманским организациям относятся: Исламское общество Голуэя (Galway Islamic Society); Мусульманское общество Корка (Cork Muslim Society; сайт: www.corkmosque.org); Исламское сообщество Лимерика (Limerick Islamic Society); Исламское общество Уотерфорда (Waterford Islamic Society). Все эти организации связаны с IFI. Верховный совет мусульман Ирландии (Supreme Muslim Council of Ireland) создан Шейхом Шахидом Сатардином (Sheikh Shaheed Satardien), он задумывался как главное сообщество, на которое опираются и к которому восходят все другие, но план провалился.

Молодые мусульмане представлены организацией Мусульманская молодежь Ирландии (Muslim Youth Ireland; сайт: www.muslimyouthireland.wordpress.com). Другая организация — Комитет публичных дел мусульман Ирландии (Muslim Public Affairs Committee Ireland). Комитет претендует на защиту интересов мусульман и ислама в Ирландии. Сайт: <http://mpac.ie>.

9.7. Испания

Конституция Испании 1978 г. (статья 16.2) препятствует статистическим сборам информации о религиозных группах. Число мусульман в Испании — это проблема подсчетов, которые не всегда основаны на объективных критериях. Некоторые представители ислама говорят о 2 млн мусульман, другие — только о 800 тыс. Обсерватория Андалусии, созданная Союзом исламских сообществ Испании (Union of Islamic Communities in Spain) в 2003 г., предоставляет ежегодный отчет о мусульманском населении Испании. Этот отчет дает хороший базис для оценки количества мусульман Испании, но к нему должны быть добавлены мусульмане, которые являются потомками более ранних иммигрантов. В итоге мы имеем примерно 1,1 млн мусульман, что составляет ок. 2,5% общего населения Испании.

Испанское правительство поддерживает мусульманское сообщество через ежегодные гранты и программы Фонда плюрализма и сосуществования (Fundación Pluralismo y Convivencia, англ. Foundation for Pluralism and Coexistence), который в 2008 г. выделил 701 тыс. евро, что составляет примерно 40% от общих денег, выделенных на религиозные меньшинства. В начале 2009 г. в Гренаде была создана Партия возрождения и единства Испании (PRUNE, Partido Renacimiento y Unión de España, англ. Renaissance and Union Party of Spain), ставшая первой мусульманской политической партией. Она была зарегистрирована Министерством внутренних дел. Партия отстаивает «испанизацию» и выступает сторонником социального и морального возрождения на основе принципов ислама. Лидер партии — Мустафа Бакках (Mustafa Bakkach). Партия имеет связи с Марокко.

Испанская федерация исламских религиозных организаций (FEERI, англ. Spanish Federation of Islamic Religious Entities). Организация была создана в 1989 г. Сейчас FEERI контролируется

ассоциациями марокканского происхождения, ее президент Мухаммед Ахмед Али выражает марокканские интересы. В рамках федерации имеются серьезные разногласия между партией Мухаммеда Ахмеда Али и марокканскими ассоциациями, связанными с движением Справедливость и милосердие (Adl wa al-Ihsan).

Союз исламских объединений Испании (UCIDE, англ. Union of Islamic Communities of Spain). Был создан в 1991 г. Риаем Татари Бакри (Riay Tataru Bakri), имеющим сирийское происхождение. Считается, что он идеологически связан с Братьями-мусульманами. Сайт: <http://es.ucide.org>.

На ноябрь 2009 г. в Испании зарегистрировано 707 исламских религиозных учреждений, 407 из них принадлежат UCIDE, 54 — FEERI, и 246 не связаны ни с одной из федераций. В контексте отсутствия развития в организационной структуре и бездействия Исламского комитета Испании (Islamic Commission of Spain), многочисленные исламские организации призывали к модификации представительской модели ислама в Испании. С 2010 г. испанское правительство начало процесс выборов мусульманских представителей на региональном уровне. Эти представители затем должны выбрать руководство, которое возглавит обновленный Исламский комитет Испании. Данная идея породила интенсивные дебаты в мусульманских сообществах, а также новые организационные инициативы и стратегии кооперации.

9.8. Италия

История ислама в Италии восходит к VII–VIII вв. н. э. Некоторые арабоязычные сообщества сохранились в Сицилии с IX в. До 1970 г. ислам практически отсутствовал в Италии. С 1970 г. Италия начала привлекать мигрантов-рабочих из Северной Африки (особенно

Марокко) и Албании. Сегодня ислам является второй крупнейшей религией в Италии после католичества (примерно 87% населения считают себя римскими католиками). Не существует надежной информации о количестве мусульманского населения в Италии. Согласно последним подсчетам, это около 1,5 миллиона человек, что составляет примерно 2,6% от общего населения. Подавляющее большинство является суннитами. Распределение мигрантов по странам: Марокко (253 238), Албания (177 185), Тунис (68 287), Сенегал (52 598), Египет (48 724), Пакистан (34 253), Бангладеш (33 525) и др. Только около 40–50 тыс. имеют гражданство (включая 10 тыс. обращенных из христианства). Исламские общины распределены по всей Италии, но наиболее крупные группы присутствуют в Милане и Риме. С недавнего времени мусульмане участвуют в политике — как правило, на локальном уровне. В итальянском парламенте заседают два исламских депутата.

В последнее время были сделаны попытки урегулировать отношения между государством и исламскими сообществами. Согласно декрету от 10 сентября 2005 г. в рамках Министерства внутренних дел был образован Консультательный Совет Итальянского Ислама (*Consulta per l'Islam italiano*, англ. *Consultative Council of Italian Islam*). Но работа этого Совета с тех пор была несколько замедлена. Несмотря на отсутствие активных контактов с государственными органами, ислам играет существенную роль в социальной жизни Италии.

Поскольку в Италии исламское сообщество состоит из иммигрантов и различных групп, не являющихся этнически однородными, и они распределены по всей территории Италии, то многие исламские организации представляют только группу мусульман, живущих в стране. Связи между этими организациями не очень сильны, и между ними много разногласий. Таким образом, отсутствует единое руководство исламским движением. Можно выделить следующие крупные организации:

Союз исламских объединений и организаций Италии (UCOII, *Unione delle Comunita e delle Orhanizzazioni Islamiche in Italia*, англ. *Union of Islamic Communities and Organizations in Italy*). Дислоцируется в Риме. Основан в 1990 г. на базе более старого Объединения мусульманских студентов Италии (USMI), которое создано в 1971 г. UCOII является главной исламской организацией Италии. С ней ассоциированы наиболее важные исламские центры. В ее руководство входят политики, профессионалы и другие социально интегрированные люди, чье происхождение (Сирия, Иордания, Палестина) чаще всего не связано с большинством исламских мигрантов. Сайт: www.islam-ucioi.it.

Исламский культурный центр Италии (*Centro Islamico Culturale d'Italia*, англ. *Islamic Cultural Centre of Italy*). Это культурный центр мечети Рима, связанный с посольствами мусульманских государств и с Мусульманской мировой лигой (*Muslim World League*). Он играет главную роль в организации культурных и молитвенных центров и в установлении отношений с властями. Сайт: www.lega-musulmana.it.

Исламское религиозное сообщество (*Comunita Religiosa Islamica*, англ. *Islamic Religious Community*). Дислоцировано в Милане. Состоит из обращенных в ислам итальянцев, активно выполняет социальные функции, участвует в дебатах и пр. Сайт: www.coreis.it.

Исламский союз на Западе (*Unione Islamica in Occidente*, англ. *Islamic Union in the West*). Одна из первых исламских ассоциаций в Италии. Она связана с Исламским культурным центром Италии и организует некоторые культурные инициативы (например, курсы арабского языка). Сайт: www.wics-it.org.

Союз мусульман Италии (UMI, *Unione dei Musulmani in Italia*, англ. *Union of Muslims in Italy*). Основан в 2007 г. марокканскими религиозными лидерами в Турине. Целью группы является представление умеренного ислама и развитие межрелигиозного

диалога. Она имеет хорошие отношения с марокканским правительством. Сайт: www.umislaminitalia.com.

Союз итальянских мусульман (Unione Musulmani d'Italia, англ. Union of Italy's Muslims). Находится в Турине. Лидером является обращенный итальянец Адел Смит, известный своими радикальными взглядами и провокационными речами. Он ставит цель создать политическую партию мусульман в Италии. Сегодня группа менее активна, чем в прошлом.

Ассоциация итальянских мусульман (Associazione Musulmani Italiani, англ. Italian Muslims Association). Находится в Риме. Организована обращенными итальянцами. Роль этой организации сейчас невелика. Сайт: www.animuslims.org.

Существуют также многочисленные мелкие организации. Обзор можно найти на сайте: www.cesnur.org/religioni_italia/islam.htm. Стоит отметить, что большинство мусульман участвуют только в культурной и религиозной жизни их собственных мечетей, включенность в акции других организаций не распространена.

9.9. Латвия

Хотя мусульмане (в основном татарские иммигранты и другие мусульмане из русской царской армии) начали прибывать и заселять тогда еще находящуюся под правлением России Латвию во второй половине XIX в., первые мусульманские поселения в Риге относятся к 1902 г. К началу Первой мировой войны население разрослось до 1000 чел., но в течение и сразу после войны мусульманские общности в теперь уже независимой Латвии уменьшились до 150 чел. и продолжали уменьшаться до 70 чел. к 1935 г. Сейчас, большая часть латвийских мусульман являются поселенцами и потомками поселенцев советского периода, когда массы людей из советской Центральной Азии и ее республик

двинулись к Балтике. Предполагаемые оценки численности современной мусульманской общины варьируются от 500 до 10000 чел., но не проводится различие между номинальными мусульманами и мусульманами, реально практикующими ислам. В 2001 г. глава латвийского исламского сообщества оценил количество номинальных мусульман в 5000 чел. (на самом деле, по результатам последних статистических данных, насчитывается 2800 татар, 1700 азербайджанцев, 300 узбеков, проживающих в настоящее время в Латвии), но добавил, что практикующих ислам только 10%. Религиозные праздники посещают 300–400 чел., но иногда их бывает больше, до 500 чел. Подавляющее большинство латвийских мусульман живет в Риге, ее окрестностях и в Даугавпилсе.

Латвия является конституционным светским государством без государственной религии. Государство делает различие между «традиционной» верой (лютеране, православные, католики и евреи) и «новой» верой; ислам относится ко второй категории. Религиозные организации нетрадиционных вероисповеданий должны перерегистрироваться ежегодно первые десять лет своего существования. В настоящее время мусульмане в Латвии находятся в процессе регистрации единомышленников — конгрегаций, чтобы получить нужное количество для формирования ассоциации.

Согласно центральному статистическому управлению на 2008 г. существует 16 зарегистрированных независимых мусульманских религиозных организаций. Латвийская мусульманская община включает в себя Исламский информационный центр и молитвенный зал, которые возглавляет Зуфар Зайнуллин. Это главная мусульманская организация страны и большая часть ее членов — русскоговорящие мусульмане (татары и выходцы из бывших советских республик). Она имеет несколько дружественных объединений, созданных с целью образования союза мусульманских конгрегаций, для учреждения которых закон требует членства 10 зарегистрированных организаций, состав каждой — не менее 20 человек. Существуют несколько

конкурирующих конгрегаций с незначительным числом членов, которые выступают против создания союза под предводительством латвийского мусульманского сообщества. В октябре 2009 г. в Риге была создана новая конгрегация, *Латвийский мусульманский консультационный центр*, возглавляемый бывшим имамом латвийской исламской общины. Она имеет отдельный молитвенный зал. Сайт: *muslim-riga@inbox.lv*. Вторая крупнейшая конгрегация — *Исламский центр Даугавпилса*, большая часть центра — русскоговорящие мусульмане. Также в Риге функционирует кружок по изучению суфизма Хазрата Инайята Хана. Оно представляет собой синкретичное, новомодное ответвление, принесенное в Балтику англичанином Джеймсом Бургессом в середине 1990-х гг.

В начале XX в. в Риге был открыт молитвенный зал, но он не пережил советского периода. Молитвенный дом в купленном помещении на ул. Бривибас, 104 был открыт в 2005 г. латвийской мусульманской общиной. В октябре 2009 г. был открыт новый молитвенный дом бывшим имамом молитвенного дома на ул. Бривибас. Также есть по меньшей мере два местоположения в частных домах в Риге, где иногда собираются мусульмане для коллективных молитв. Общины Даугавпилса и Вентпилса имеют импровизированные молитвенные залы. С начала 1990-х гг. велось множество разговоров о строительстве мечети в Риге, но никаких практических шагов к достижению этой цели сделано не было, и лидер латвийского исламского сообщества понял, что за время дискуссий надобность в строительстве мечети отпала.

9.10. Литва

В последней переписи населения от 2011 г. задавался вопрос о религиозной принадлежности, и согласно подсчетам были получены следующие данные: 2 860 мусульман, или 0,1% от общего

населения, из которого 1679 (58,7%) представлены этническими татарами, 362 (12,6%) — азербайджанцами, 185 — литовцами и 74 — русскими. Татары проживают в Литве (особенно в восточной части настоящей Республики Литвы) с XIV в., когда они начали заселять территорию Великого княжества Литовского в качестве миссионеров и политических эмигрантов. Большинство других литовских татар — потомки эмигрантов из мусульманских кавказских республик и республик Центральной Азии, которые поселились в Литве во время советского периода. К 2009 г. количество мусульман в Литве возросло вследствие иммиграции (около 1000 чеченцев) и приобщения к мусульманской вере (150–250 из них посредством брака). Почти 2/3 (свыше 64%) литовских мусульман проживают в столице Вильнюс, втором по величине городе Каунас и районах в окрестностях этих городов.

Литва — светская республика без государственной религии, хотя католики номинально представляют большинство (79% согласно переписи от 2001 г.) населения. Суннитский ислам (традиционная вера литовских татар) признан законом в 1995 г. как одна из 9 традиционных религий Литвы, и мусульманская община через свои представительские учреждения получает небольшую ежегодную государственную субсидию, которая используется для оборудования мечетей и других общественных зданий. Как мусульманская община, так и муфтият состоят в основном из татар. Другие мусульманские деноминации (такие как шииты) имеют право на свободу религии и сознания, но не имеют такого официального статуса как суннитские мусульмане. Отдельной религиозной конгрегации шиитов не существует.

По всей Литве имеется около дюжины мусульманских организаций. Основная — *Духовный центр литовских мусульман-суннитов* — в настоящее время возглавляется муфтием Ромасом Якубаускасом; Центр возобновил деятельность в 1998 г., основную его часть составляют литовские татары. Муфтий избирается на

5 лет представителями местных конгрегаций, которые до сих пор по преимуществу татарского состава. Хотя муфтият функционировал больше десяти лет, ни предыдущий, ни нынешний муфтий не выполняли основную функцию муфтия — выдача фетв. Первый муфтий (находился в должности в 1998–2008 гг.) имел ограниченное религиозное образование и плохое знание арабского языка, в то время как нынешний муфтий, несмотря на хорошее образование, не установил своего статуса как компетентного алима. Большая часть других мусульманских организаций подчиняются муфтияту. Более активные организации состоят из арабов. Они принадлежат мусульманскому молодежному обществу Каунаса и занимаются переводом и выпуском религиозной литературы; также они принимают участие в религиозном образовании местной мусульманской молодежи. Других значимых мусульманских организаций нет, некоторые занимаются пропагандой ислама через интернет.

9.11. Нидерланды

После того как Ост-Индия и Суринам добились независимости, большое число иммигрантов приехало в Голландию из этих стран. Однако самая большая группа мигрантов — мигранты из Турции и Марокко (а также их потомки), которые приехали в качестве рабочих в 1960–1970-е гг. Большую часть турок составляют курды. Другие крупные мусульманские группы приехали позднее из Ирака, Афганистана, Ирана и Сомали; многие искали прибежища и, по сути, являлись беженцами. Небольшая группа мусульман приехала из Египта и Сирии, откуда они были изгнаны за их религиозно-политическую деятельность; пятеро человек, относящиеся к этой группе, продолжают свою деятельность в Голландии, и их считают «радикальными» имамами. Согласно

подсчетам, опирающимся не на этнический критерий, а на критерий самоидентификации, в 2007 г. в Голландии проживало ок. 900 тыс. мусульман. Из них 318 тыс. — турецкого происхождения, 297 тыс. — марокканского происхождения, 12 тыс. — обращенные голландцы.

Кроме суннитов, в Голландии проживают также шииты, алевиты и ахмадиты. Шииты являются частью иранской диаспоры, но они ориентированы на светское мировоззрение и критически настроены по отношению к современному Ирану. Алевиты составляют важную часть турецко-курдского сообщества. Ахмадиты представлены в рамках суринамской диаспоры; они социально активны, имеют свои мечети и национальные организации, в обществе к ним относятся с симпатией и характеризуют как «либеральных» мусульман.

Большинство мусульман живут на западе Голландии, в иммигрантской зоне: Амстердаме, Роттердаме, Гааге и Утрехте. Несколько небольших городов на востоке и юге страны также характеризуются сравнительно большим количеством мусульманского населения.

Стоит отметить, что число избирателей среди иммигрантского населения непрерывно растет, начиная с 1994 г. В Гааге представлена одна исламская партия — *Исламские демократы* (ID, Islam-Democraten, англ. Islam-Democrats), которая участвует в муниципальных выборах. В социально-политическую жизнь также включены отдельные мусульманские организации, которые склонны отстаивать ношение платка женщинами и создание исламских образовательных учреждений.

Было несколько попыток со стороны мусульман и голландцев создать единую организацию, которая бы представляла интересы всех мусульман. Большинство этих попыток провалились из-за существования внутренних религиозных разногласий (сунниты vs. шииты, сунниты vs. ахмадиты). После нескольких

инцидентов, например когда имамы высказывали спорные мнения о гомосексуальности, а также после убийства Тео ван Гога в 2004 г. марокканским студентом, давление государства на мусульманские организации и на попытки создать единую организацию усилились. Тем не менее, были созданы три составных организации: СМО, CGI и NMR.

Агентство мусульманского контакта (СМО, Contact Moslims Overheid, англ. Muslim Contact Agency). Было сформировано как союз организаций, но турецкие и марокканские сунниты исключили из него ахмадитские организации. В СМО входят турецкие организации: Исламский фонд Нидерландов (ISN), Турецкий исламский культурный фонд (TICF), Движение Милли Герюш, Исламский фонд-центр Нидерландов (SICN). Также СМО включает в себя Союз организаций марокканских мечетей Нидерландов (UMMON) и Шиитскую ассоциацию (OSV), представляющую в основном иранских шиитов. Таким образом, СМО является репрезентативной организацией для 369 мечетей (преимущественно суннитских) и около 500 тыс. мусульман. Сайт: <http://www.ctoweb.nl>.

Исламская контактная группа (CGI, Contact Groep Islam, англ. Contact Group Islam). Включает суннитов, шиитов и ахмадитов.

Совет голландских мусульман (NMR, Nederlandse Moslim Raad, англ. Dutch Muslim Council). Национальная суннитская организация, также включает ахмадитов и алевитов.

СМО и CGI сейчас функционируют как репрезентативный орган, они принимают участие в регулярных встречах с голландским министром интеграции и иммиграции. Они играют важную роль в установлении диалога между мусульманами и голландским обществом по важным вопросам. Но они не пользуются поддержкой молодого населения. Молодые люди считают их замкнутой группой, выражающей интересы первых мигрантов и идущей на поводу у голландского правительства в его антиисламской политике.

Близки друг к другу организации Ал Ниса (<http://www.alnisa.nl>), выражающая интересы женщин-мусульманок, и Ассоциация имамов Голландии (VIN; <http://www.imamonline.nl>), они тесно связаны с Марокко. Можно также отметить организации Ислам и диалог и Академия диалога, которые связаны с движением Фетхуллаха Гюлена. Организация Ихсан (<http://ihsanmet.nl>) задействована преимущественно в социальной работе на национальном уровне. Сообщество исламских женщин (LIVN, <http://www.livn.nl>) активно в плане межрелигиозного диалога и по проблеме эмансипации женщин.

К более радикальным организациям относятся Хизб ут-Тахрир (букв. «Исламская партия освобождения»; <http://www.kalifaat.org>), которая стремится к объединению всех мусульман в рамках халифата, но представляется, что это объединение менее активно действует в жизни общества. Другая организация Комитет исламского фонда Ахлу Сунна является салафитской, включает мечеть Аз Сунна в Гааге (<http://www.al-yaqeen.com>) и мечеть Эль Таухид в Амстердаме (<http://www.eltawheed.nl>). Вместе с другими салафитскими группами эти организации являются основными объектами критики борцов с радикализмом.

9.12. Норвегия

Первая волна иммиграции из исламских стран отмечена в нач. 1970-х гг. Хотя общий запрет на рабочую иммиграцию был введен уже в 1975 г., высокая рождаемость способствовала значительному росту мусульманского населения. В 2008 г. опросы показали, что около 150 тыс. человек являются мусульманами. Это составляет примерно 3% от общего населения в 4,6 млн. В 2009 г. ок. 92,7 тыс. человек определили себя как члены мусульманской организации (т.е. 60% от общего числа). Примерно половина из них располагается в Осло; это значит, что около 6–7% населения Осло (560 тыс.) являются членами

исламских организаций. Опросы среди школьников 9–11 классов в 2006 г. показали, что 17,6% из них являются мусульманами. Самая многочисленная группа имеет пакистанское происхождение; согласно опросу 2009 г. это ок. 30 тыс. человек. В тот же год турок было 15,4 тыс., а марокканцев — 7,8 тыс. Большое количество беженцев прибыло из Ирака (24,5 тыс.), Сомали (23,6 тыс.), Боснии (15,6 тыс.), Ирана (15,6 тыс.), Косово (12,5 тыс.), Афганистана (9 тыс.). Обратные составляют малую группу — ок. 1,5%. Спектр пакистанских и турецких влияний сейчас хорошо установлен, в то время как боснийцы и сомалийцы представляют множество отдельных традиций.

Исламский совет Норвегии (Islamsk Rad Norge; <http://www.irp.no>). Основан 22 октября 1993 г., это комплексная организация. На 2008 г. большинство — мусульмане-сунниты (ок. 60 тыс.). Политические деятели постепенно устанавливали связь с Исламским советом. С 2007 г. Совет стал получать гранты от правительства. Исламский совет является также со-основателем *Совета по религиозным сообществам* (www.trooglivssyn.no), в котором участвуют все крупные религиозные сообщества Норвегии, а также Ассоциация гуманистов.

Транснациональные движения, такие как *Джамаат Таблиг* и *Братья-мусульмане*, некоторые шиитские группы, и небольшие ахмадийские сообщества также имеют представительство. С сер. 1990-х гг. были сформированы отдельные студенческие и женские организации; они характеризуются слабой зависимостью от национального фактора.

9.13. Польша

При переписи в Польше запрещено задавать вопрос о религиозной принадлежности, поэтому официальных данных о количестве мусульман не существует. По подсчетам некоторых организаций,

в Польше проживают 15–30 тыс. мусульман, что составляет примерно 0,1% от общего населения. Польские мусульмане — это, во-первых, потомки первых татар, поселившихся на этой территории еще в XIV–XV вв. (и позднее), а во-вторых, студенческие иммигранты 1970-х гг. и их потомки. Татары живут небольшими сообществами в Гданьске и некоторых других городах, в то время как иммигранты из арабских (Ирак, Палестина, Сирия, Йемен) и балканских стран разбросаны по многим крупным городам. Небольшую группу составляют также беженцы из Чечни, Афганистана, Пакистана, Бангладеша и Ирака.

Мусульманский религиозный союз Республики Польша (MZR, Muzulmanski Związek Religijny w Rzeczypospolitej Polskiej, англ. Muslim Religious Union in the Republic of Poland) является суннитской организацией, созданной в 1925 г. Председателем и муфтием является Томаш Мишкиевич, который был избран советом имамов в марте 2004 г. Играет роль официального представительства мусульман в Польше. Сайт: <http://www.mzr.pl>.

Мусульманская лига Республики Польша (LM, Liga Muzulmanska w Rzeczypospolitej Polskiej, англ. Muslim League in the Republic of Poland) — это суннитская организация, созданная в 2001 г. и зарегистрированная в 2004 г. Председателем является Самир Исмаил. Сайт: <http://www.islam.info.pl>.

К менее крупным организациям относятся Ассоциация мусульманского союза (англ. Association of Muslim Unity; <http://www.al-islam.org.pl>), Исламская ассамблея Ахль-уль-Баит (англ. Ahl-ul-Bayt Islamic Assembly; <http://www.abia.pl>), Общество мусульманских студентов Польши (англ. Muslim Students Society in Poland; <http://www.islam.org.pl>), Мусульманская ассоциация культурного образования (англ. Muslim Association for Cultural Formation; <http://www.msck-islam.8m.com>), Союз татар Республики Польша (англ. Tatar Union of the Republic of Poland). Эти организации различным образом вовлечены в работу по религиозному образованию, публичным лекциям и публикации переводов мусульманских духовных писателей.

9.14. Португалия

Исламское население Португалии растет с периода деколонизации, то есть с 1974 г. По подсчетам исламских сообществ, в Португалии проживает около 65 тыс. мусульман, что составляет примерно 0,6% населения. Большинство представлено суннитами из Южной Азии, Мозабмика и Гвинеи-Бисау; также имеются 8 тыс. исмаилитов. Небольшие группы представлены выходцами из Пакистана (3,5 тыс.), Бангладеша (4 тыс.), Марокко и Алжира (1–1,3 тыс.), Сенегала (1–1,5 тыс.) и Индии (1,5 тыс.). Большинство мусульман живут в пригороде Лиссабона, но некоторые группы сосредоточены и в других регионах (например, марокканцы живут в Порту и его пригородах).

Роль небольших групп студентов из Мозамбика, который был португальской колонией до 1975 г., проявилась в создании первых мусульманских организаций Португалии. Многие африканские мусульмане собрались вокруг суфийских лидеров, вместе с мусульманами из Бангладеша они основали мечеть (Mesquita Martim Moniz).

Исламское сообщество Лиссабона (CIL, Comunidade Islamica de Lisboa, англ. Islamic Community of Lisbon). Основано в 1968 г. Исполняет роль официального и неофициального объединения мусульман-суннитов. Около 30 тыс. суннитов связаны с данной организацией и принимают участие в ее жизни.

Центральная мечеть Лиссабона (Mesquita Central de Lisboa). Является, по сути, точкой дислокации CIL. Возглавляется имамом Давидом Муниром (David Munir). Помимо религиозных функций, выполняет также функцию книгохранилища, книжного магазина и дислокации некоторых других организаций. Сайт: <http://www.comunidadeislamica.pt>.

Другие организации: Молодежная ассоциация исламского сообщества (Youth Association of the Islamic Community),

Исламское сообщество Палмелы (Comunidade Islamica de Palmela),
Исмаилитский культурный центр (Centro Cultural Ismaili),
Сообщество шиитов Португалии (Comunidade Shi'ta de Portugal).

9.15. Словакия

Словакия — молодое государство в Центральной Европе. Она входила в состав Чехословакии и обрела независимость в 1993 г. Словакия является членом различных международных организаций, таких как Европейский Союз, ООН, ВТО, НАТО и др. Большинство граждан Словакии — христиане. Сложно назвать точное число мусульман в Словакии из-за отсутствия надежных статистических данных. Установленное количество мусульман составляет приблизительно 5000 чел. Мусульмане в Словакии отличаются этнически от относительного большинства арабов. Кроме арабов, к другим крупным этническим группам принадлежат албанцы, боснийцы, кавказцы и выходцы из стран бывшего СССР, а также обращенные словаки. Большинство мусульман — молодого возраста, мужчин больше, чем женщин. Обращенные словаки — либо студенты, либо служащие. Они обычно молодого возраста и среди них больше женщин, чем мужчин. Их насчитывается около 500 чел. в настоящее время. Мусульмане живут во всех частях Словакии, но в основном они сконцентрированы в столице Братиславе.

Ислам до сих пор официально не признан государством как религия, что вызывает ряд проблем. В настоящее время мусульманам не разрешено религиозное обучение в общественных школах, открытие своих собственных школ, предоставление религиозных услуг в тюрьмах, осуществление официальных церемоний свадеб и похорон в соответствии с исламским законом и др. Закон о регистрации религиозных сообществ является одним из самых строгих в Европе. Закон был ужесточен после обновления

в 2007 г. Согласно закону, регистрация новой религиозной общности требует подписей 20 000 взрослых мусульман, которые постоянно проживают в Словакии и имеют словацкое гражданство. Мусульмане не в состоянии выполнить эти требования.

В Словакии имеется несколько исламских организаций. Две наиболее значимые — Общий союз мусульманских студентов и Исламский фонд Словакии.

Общий союз мусульманских студентов в Словакии действует с 1993 г. Его основная деятельность была направлена на организацию религиозной жизни мусульманских студентов: чтение лекций по исламу, организация собраний, презентаций, конгрессов и выпуск различных публикаций. Союз тесно сотрудничал с аналогичной организацией в Чешской Республике. В последние годы Союз вел работу на своей собственной интернет-странице, где публиковались различные статьи на религиозную тему. Их основная деятельность была направлена на мусульманское сообщество, особенно на студентов, которые собирались остаться в Чешской Республике только на время.

Исламский фонд Словакии может считаться на данный момент главной исламской организацией Словакии. Это прямой последователь Союза. Поэтому Исламский фонд нуждается в удовлетворении различных нужд мусульманского сообщества наряду с деятельностью в немусульманском сообществе. Деятельность Исламского фонда можно разделить на ту, что проводится внутри мусульманского сообщества и вне его. Внутри сообщества: ведение религиозной деятельности, благотворительность, спорт. Вне общества: Интернет: ведение Интернет-страницы на сайте www.islamweb.sk, 3 страницы на фейсбуке, аккаунт в твиттере, мониторинг содержания интернета, канал ютуб, информационные письма. Телевидение и радио: мониторинг телевизионных и радиостанций в Чехии и Словакии. Публикации в СМИ: регулярные интервью в различных СМИ и на радиоканалах, перевод литературы на различные

исламские темы. Общественные мероприятия: лекции в исламском центре Кордоба и университетах, перекрестные дискуссии по актуальным темам ислама и о присутствии мусульман на Западе, приемы для дипломатов, журналистов и востоковедов и глав НКО. Особое место принадлежит долгосрочным проектам исламского фонда. Самый важный из них в настоящее время — перевод Корана на словацкий и чешский языки.

В общем, можно сказать, что мусульманское население в Словакии является хорошо образованным, самодостаточным, с хорошим знанием словацкого языка. В экономической сфере: многие мусульмане ведут успешный бизнес в Словакии, который способствует не только появлению новых рабочих мест, но также стимулирует экономику страны. Мусульмане не изолированы от общественной жизни, они также не живут в отдельных трущобах. Они находятся в контакте с немусульманской общественностью, что помогает налаживать общение друг с другом. Исламский фонд наладил хорошие отношения с такими НКО, как «Люди против расизма», «Международная организация миграции», «Лига по человеческим правам», «Центр этнических и культурных исследований»; с ними ведется сотрудничество по разным направлениям.

Хотя в настоящее время нет ни одной мусульманской политической партии и мусульмане не входят в число членов парламента Словакии, в этой сфере намечаются сдвиги. Исламский фонд опубликовал официальную рекомендацию для мусульман накануне выборов в парламент, в которой говорится о важности участия в выборах. Будущее присутствие мусульман на местном и национальном политическом уровне будет приветствоваться, и уже имеются возможные кандидаты для этого.

Исламский фонд принимает участие в межрелигиозном диалоге с другими религиозными группами и деноминациями Словакии и сотрудничает по различным проектам в сфере

межрелигиозного сосуществования. Союз мусульманских обществ Словакии имеет отличные отношения с различными локальными и международными исламскими организациями. К наиболее известным из них принадлежат Мировая Ассамблея мусульманской молодежи, Мировая мусульманская лига, местные организации в Чешской Республике, Австрии, Польше и других странах. Фонд также сотрудничает с государственными религиозными институтами в мусульманских странах.

9.16. Словения

Согласно последним подсчетам, в Словении проживают 49 тыс. мусульман, что составляет 2,4% населения. Представляется, что данные несколько занижены. Этот подсчет не учитывает то, что среди 23% населения, не указавших религиозную принадлежность, также могут быть мусульмане. В нем также не учитываются иммигранты. Само исламское сообщество не ведет никаких подсчетов, поэтому точно не известно ни количество мусульман в целом, ни количество активно практикующих верующих. Примерно 74% людей, отнесших себя к мусульманам, являются этническими боснийцами. Далее идут албанцы (11%), словенцы (6%), люди с неустановленной национальностью (4%) и др.

В Словении имеются следующие исламские организации:

Исламское сообщество Республики Словения (ИС, *Islamska skupnost v Republiki Sloveniji*, англ. Islamic Community in the Republic of Slovenia; www.islamska-skupnost.si). Было организовано в 2007 г. Возглавляется муфтием доктором Неджадом Грабусом (Dr. Nedžad Grabus). Является главной религиозной организацией, представляющей ислам в Словении. Она дает работу имамам и организует религиозную жизнь почти всех словенских мусульман. Выступают ветвью Исламского сообщества Боснии

и Герцеговины (англ. Islamic Community of Bosnia-Herzegovina). Придерживается суннитского направления. По идее, полиэтнично, но фактически подавляющее большинство составляют боснийцы. Из недавних приоритетов IC можно отметить Женскую группу Земзема (англ. Zemzem women's group) и Институт Аверроэса (англ. Averroes Institute; www.averroes.si).

Мусульманское сообщество Словении (MCS, Slovenska muslimanska skupnost, англ. Muslim Community of Slovenia). Было зарегистрировано в 2006 г. Османом Догичем (Osman Dogic), бывшим муфтием IC, который ушел из IC после внутреннего конфликта в 2009 г. Доктринально и этнически мало чем отличается от IC. Сайт: www.smskupnost.si.

9.17. Финляндия

Присоединение Финляндии к России в 1808 г. привело к постепенному росту численности мусульман — в основном из среды казахских и татарских солдат. Но особенно быстро исламское население стало расти в 1990-е гг., с этого периода Финляндия начала принимать беженцев. Самые большие группы представлены сомалийцами, арабами (преимущественно иракцами), курдами, албанцами, боснийцами и турками. Большинство мусульман — сунниты, только десятая часть является шиитами. Согласно подсчетам, проведенным в 2007 г., в Финляндии живут примерно 42 тыс. мусульман, что составляет 0,8% от всего населения страны (5,3 млн человек). Мусульманское население является очень молодым — около половины людей в возрасте до 20 лет. Мусульманское сообщество состоит из мигрантов первого поколения (30 тыс.), детей мигрантов и детей от смешанных браков (10 тыс.), обращенных в ислам (1 тыс.). Примерно треть являются активными мусульманами и приписаны к определенной мечети.

Всего существует около 40 ассоциаций, связанных с мечетями, и 20–30 остальных мусульманских ассоциаций. До недавнего времени основная мусульманская активность была ориентирована на локальные вопросы и на внешние связи с родными странами. Деление мечетей в Финляндии проводится между суннитами и шиитами, а среди суннитов — между татарами и приезжими.

Исламский совет Финляндии (SINE, Suomen Islamilainen Neuvosto, англ. Islamic Council of Finland; *www.sine.fi*). Был создан в 2006 г. в качестве объединения большинства исламских организаций. На 2008 г. включал в себя 19 мелких организаций. Частично финансируется финским государством. Широкий спектр активности: кладбища, мечети, исламский закон, СМИ, религиозное образование, молодежь. Совет представляет главные мечети Финляндии (исключая два татарских объединения).

Финская исламская партия (Suomen Islamilainen Puolue, англ. Finnish Islamic Party; *www.suomenislamalainenpuolue.fi*) была создана в 2009 г., но не набрала достаточное количество голосов, чтобы получить официальную регистрацию. Представляет салафитскую ветвь ислама.

9.18. Хорватия

Последняя перепись населения в Хорватии показала, что 56,7 тыс. человек относят себя к мусульманам, что составляет 1,3% общего населения страны (4,4 млн человек). Если сравнивать с показателями 1991 г. (54,8 тыс.), то прирост очень незначительный. Из городов больше всего мусульман представлено в Загребе (2% от населения). В целом мусульмане сосредоточены в урбанизированных регионах. Наибольшая этническая группа

среди мусульман — это боснийцы (20,7 тыс.). Эта группа представлена иммигрантами из Боснии, Сербии и Черногории (и их потомками), прибывшими во второй половине XX в. Другая хорошо представленная этническая группа — это албанцы (15 тыс.). Мусульмане в Хорватии являются преимущественно суннитами, придерживающимися ханафитского мазхаба.

Исламское сообщество Хорватии (ИСС, *Islamska zajednica u Hrvatskoj*, англ. *Islamic Community in Croatia*; <http://www.islamska-zajednica.hr>) является единственным официально зарегистрированным исламским религиозным сообществом в стране. ИСС установило кооперацию с правительством, городскими и муниципальными властями и отношения с другими религиозными сообществами. Оно состоит из Собора, исполнительного органа под названием Мешихат, локальных мусульманских объединений и Загребской исламской высшей школы (*Islamska gimnazija*). В настоящее время муфтием является Севко Омербашич (*Sevko Omerbasic*). На практике ИСС является независимым религиозным институтом, несмотря на его символическую связь с Исламским сообществом Боснии и Герцеговины.

9.19. Чехия

Чешская Республика — молодое государство в Центральной Европе. Она была частью Чехословакии и обрела независимость в 1993 г. Чехия является членом различных международных организаций, таких как Европейский Союз, ООН, ВТО, НАТО и др. В соответствии со статистическими данными Чешского статистического бюро, большинство населения являются атеистами, неверующими или неорганизованными верующими (59%). Большая часть верующих представлена римскими католиками, которые составляют 27,4% населения. Сложно назвать точное число мусульман

в Чешской Республике из-за отсутствия серьезных статистических данных. Согласно приблизительным оценкам, число мусульман составляет ок. 4 тыс. чел. (меньше 0,1% населения). Мусульмане в Чешской Республике отличаются этнически от относительного большинства арабов. Кроме арабов, к другим крупным этническим группам принадлежат албанцы, боснийцы, кавказцы и выходцы из других стран бывшего СССР, а также новообращенные из Чехии. Большинство мусульман молодого возраста, мужчин больше, чем женщин. Что касается арабов, то они представлены студентами, выпускниками университетов (80% из них — выпускники медицинских университетов, 20% — инженеры), бизнесменами, и другими специалистами. Албанцы в основном заняты в сфере гастрономии и кондитерском производстве. Боснийцы работают торговцами или бизнесменами, кавказцы также являются торговцами и бизнесменами. Чешские новообращенные — либо студенты, либо сотрудники. Они также молодого возраста. Их насчитывается около 1000 чел. в настоящее время.

Мусульмане в Чешской Республике смогли пройти первый уровень регистрации своего религиозного сообщества. Для регистрации религиозного сообщества в Чешской Республике по закону необходимо пройти два первых уровня. В настоящее время мусульманам не разрешено религиозное обучение в общественных школах, открытие своих собственных школ, предоставление религиозных услуг в тюрьмах, осуществление официальных церемоний свадеб и похорон в соответствии с исламским законом и т. д. Для того чтобы мусульмане могли осуществлять эти виды деятельности, им необходимо достичь 2 уровня регистрации.

Общий союз мусульманских студентов в Чешской Республике работает с 1993 г. Его основная деятельность была направлена на организацию религиозной жизни мусульманских студентов: чтение лекций по исламу, собрания, презентации, конгрессы

и выпуск различных публикаций. Союз тесно сотрудничал с аналогичной организацией в Словакии.

Союз мусульманских сообществ Чешской Республики может считаться одной из главных мусульманских организаций в Чешской Республике. В него входят Исламский фонд в Праге, Брно и Общий союз мусульманских студентов в Чешской Республике. Эти фонды должны охватывать многие потребности мусульманского сообщества наряду с деятельностью немусульманского общества.

В общем, можно сказать, что мусульманское население в Чехии является хорошо образованным, самодостаточным, с хорошим знанием чешского языка. В экономической сфере: многие мусульмане имеют успешный бизнес, который способствует не только появлению новых рабочих мест, но также стимулирует экономику страны. Мусульмане не изолированы от общественной жизни, они также не живут в отдельных трущобах. Они находятся в контакте с немусульманской общественностью, что помогает налаживать общение друг с другом.

Хотя в настоящее время нет ни одной мусульманской политической партии, также мусульмане не входят в число членов парламента Чешской республики, будущее присутствие мусульман на местном и национальном политическом уровне будет приветствоваться, и уже есть возможные кандидаты для этого. Некоторые виды благотворительной деятельности мусульман направлены не только на мусульманские сообщества, но и на общественную жизнь в целом.

Девиз Союза мусульманских сообществ гласит, что мусульманские меньшинства в Чешской Республике должны сосуществовать с основной частью общества. Однако они не должны терять свою мусульманскую идентичность. То, к чему призывают мусульманские сообщества, это нечто среднее между ассимиляцией и изоляцией. Они создали такую простую формулу $i+i=i$ (идентичность+интеграция=идеал) и следуют ей.

9.20. Швейцария

До 1960-х гг. ислам в Швейцарии был представлен крайне слабо. Ситуация изменилась в связи с тремя волнами иммиграции. Первая волна относится к 1960-м гг., она была обусловлена экономическими факторами, большинство иммигрантов приехали из Турции, Югославии и Албании. Вторая волна началась в конце 1970-х гг. Последний тип иммиграции был связан с политическими причинами: беженцы из неблагоприятных стран и режимов искали убежища в Швейцарии. Фактически, это не столько волна, сколько постоянный процесс, продолжающийся до сегодняшнего дня. Речь идет о беженцах из Ближнего Востока, Югославии, Северной Африки и других африканских стран. Согласно современным оценкам, число мусульман в Швейцарии приближается к 435 тыс., что составляет примерно 5,7% от общего населения. Мусульманское сообщество является молодым, поскольку почти половину составляют люди до 25 лет. Подавляющее большинство живут в округах Базеля, Берна, Цюриха, Женевы и др. крупных городах. Референдум 2004 г. облегчил принятие гражданства потомками иммигрантов. Самая крупная этническая группа мусульман в Швейцарии — это выходцы из бывшей Югославии (58%), за ними идут турки (21%), швейцарцы (11%), североафриканцы (4%) и др. Этот вопрос детально рассмотрен на сайте <http://www.gris.info>. Около 75% мусульман являются суннитами, 7% — шиитами, 10–15% — алевитами.

В настоящее время в Швейцарии имеется более 80 мусульманских объединений и их число постоянно растет. Спектр деятельности различается; некоторые фокусируются на религиозной деятельности, другие в большей степени ориентированы на культуру. Объединения организованы на локальном уровне, но также создаются сообщества на более высоком городском уровне, что дает им вес при обсуждении таких тем, как кладбища,

мечети и т. д. На национальном уровне можно выделить три главных органа: *Мусульманские мужчины и женщины Швейцарии* (Musulmans et Musulmanes de Suisse, англ. Muslim Men and Women of Switzerland; www.islam.ch), *Лига швейцарских мусульман* (LMS, Ligue des Musulmans de Suisse, англ. League of Swiss Muslims; www.rabita.ch) и *Федерация швейцарских исламских организаций* (FOIS, Federation des Organisations Islamiques de Suisse, англ. Federation of Swiss Islamic Organisations), но официальное представительство отсутствует.

9.21. Швеция

Мусульмане в большом количестве начали пребывать в Швецию в 1960–1970-х гг. Сегодня их насчитывается ок. 450 тыс., что составляет примерно 5% населения. Исламское сообщество в Швеции гетерогенно и состоит из разобщенных этнических, религиозных и политических групп, а также из носителей различных языков. Поскольку мусульмане пребывали в Швецию как рабочие мигранты и беженцы, то уровень их образованности различен. Хотя до середины 1980-х гг. доминировала турецкая диаспора, сейчас нельзя сказать, что в Швеции доминирует какая-то одна из мусульманских групп. Современное исламское сообщество состоит из турок, арабов (из Ирака, Ливана, Палестины и т. д.), выходцев из Сомали, Ирана, Боснии; в него также входят обращенные шведы (по разным оценкам, от 1 до 3 тыс.). Большинство мусульман проживают в Стокгольме, Гетеборге и Мальме; 50% всех мусульман живут в Стокгольме. На основе существующих данных сложно сказать, сколько мусульман являются гражданами Швеции. Национальность ребенка определяется по национальности матери, но если его отец был шведом, то ребенок может затем принять шведское гражданство.

Несмотря на политическую, экономическую и религиозную общность, с начала 1970-х гг. существовали многочисленные попытки создать единую репрезентативную мусульманскую организацию. С тех пор было создано 5 объединений, которые в сумме объединяют 75% мусульман Швеции.

Союз исламских конгрегаций Швеции (FIFS, Forenade Islamiska Forsamlingar i Sverige, англ. Union of Islamic Congregations in Sweden) был основан в 1974 г. Сайт: <http://www.fifs.se>. В 1982 г. в связи с разногласиями от этого союза отделилась группа людей, создавших Союз шведских мусульман (SMF, Sveriges Muslimska Forbund, англ. Sweden Muslim Union). Несмотря на конфликты и борьбу за влияние, обе организации смогли в дальнейшем объединиться под именем Совета шведских мусульман (SMR, Sveriges Muslimska Rad, англ. Swedish Muslim Council; www.sveriges-muslimskarad.se). Сложно связать все три организации с какой-то единой исламской идеологией, но можно отметить, что на SMR большое влияние имеют Братья-мусульмане.

Появление мусульманских организаций в Швеции также связано с международными тенденциями. Например, в начале 1980-х гг. был образован Союз исламских культурных центров (IKUS, Islamiska Kulturcenterunionen, англ. Union of Islamic Cultural Centres), который находился под сильным влиянием движения Сулейманджи. В 2002 г. была создана организация Шведские исламские собрания (SIF, Svenska Islamiska Forsamlingar, англ. Swedish Islamic Assemblies). Первой соборной организацией шиитов является Исламские шиитские объединения Швеции (ISS, Islamisk Shiasamfund, англ. Islamic Shi'a Communities in Sweden; www.shiasamfund.se/sida1.html).

В качестве дополнения можно упомянуть большое количество этнических и религиозных организаций (как локальных, так и национальных). Например, боснийская организация (Bosniakiska Islamiska Samfundet; <http://www.izb.se>), ахмадитская (Nasir Moske

Tolvskillingsgatan; <http://www.ahmadiyya.se>). Из молодежных объединений самым крупным является *Молодые мусульмане Швеции* (SUM, Sveriges Unga Muslimer, англ. Young Muslims of Sweden). Можно также упомянуть *Эритрейские молодые мусульмане Швеции* (SEUM, Sveriges Eritreanska Unga Muslimer, англ. Eritrean Young Muslims of Sweden; <http://www.seum.nu>) и *Молодежная организация мусульман Боснии и Герцеговины* (BEMUF, Bosnien-Hercegovinas Muslimska Ungdomsforbund, англ. Muslim Youth Organization of Bosnia-Hercegovina; <http://www.bemuf.org>). Образовательные функции выполняет также организация *Ибн Рушд* (<http://www.ibnrushd.se>).

9.22. Эстония

Общее число номинально проживающих мусульман в Эстонии к 2009 г. могло превысить 2500 чел., однако мусульман, регулярно практикующих ислам, едва ли насчитывается несколько сотен. Большинство эстонских мусульман проживает в Таллине или вблизи. Согласно последней официальной переписи населения, 1387 эстонских жителей являются мусульманами, из них 754 назвали татарами (общее количество татар в Эстонии согласно переписи 2000 г. составляло 2528, из них только 760 — граждане Эстонии, в то время как 681 чел. являются гражданами России), 83 — эстонцами и 79 — русскими, в то время как 455 мусульман попали в категорию «другие этнические группы». Количество относящих себя к азербайджанцам — 88 чел., но число азербайджанцев-мусульман не представлено. Большинство эстонских мусульман — переселенцы и потомки переселенцев советского времени, когда сотни людей из советских республик Центральной Азии мигрировали в Прибалтику. С другой стороны, в досоветской независимой Эстонии зарождалось мусульманское сообщество, которое состояло преимущественно из татарских эмигрантов из России.

Эстония является светским государством без государственной религии или доминирующей веры. Традиционно эстонцы были лютеранами, но сейчас только малый процент эстонского населения причисляют себя к лютеранам. Мусульмане, как и другие религиозные общности, не имеют представительства в государственных учреждениях, и не получают государственного финансирования. Государство может финансировать только культурную деятельность этнического меньшинства, таких как татары и азербайджанцы.

Эстонская исламская конгрегация, состоящая преимущественно из татар, азербайджанцев, казахов и узбеков была официально зарегистрирована в 1994 г. Весной 2009 г., она переехала в свою постоянную штаб-квартиру на ул. Киивизе, 9 на окраине Таллина, где в бывшем офисном здании в 1000 кв. м., приобретенном на спонсорские средства из Саудовской Аравии размещается Исламский культурный центр «Турат» (в нем имеются комнаты для лекций, библиотека и читальный зал), офис имама Эстонской исламской конгрегации и молитвенный зал, открытый ежедневно с 9.00 до 22.00. Центр возглавляется имамом Ильдаром Мухамедшиным (www.islam.pri.ee). В 1995 г. была основана небольшая дочерняя организация — Эстонская исламская суннитская конгрегация. Также есть татарская конгрегация в г. Маарду, недалеко от Таллина.

Между двумя мировыми войнами функции мечети выполнял молельный дом в Нарве, в то время как в Таллине конгрегация арендовала помещение для молитв. С лета 2009 г. мусульмане Таллина получили молитвенный зал в помещении исламского культурного центра «Турат», который служит главной мечетью в Таллине.

Глава 10

Перспективы европейского мусульманства

Материалы отчетов Фонда Сороса, а также другие современные исследования, позволяют составить общее представление о текущем положении мусульман в странах «первого эшелона исламизации» ЕС. Вопреки распространенному мнению, мусульмане не живут в Европе «параллельной жизнью» и не формируют «параллельное общество». В некоторых сферах они действительно менее активно включены в общественную жизнь, но налицо положительные тенденции, свидетельствующие о перспективах роста вовлеченности мусульман. Важным барьером для этого выступает дискриминация по религиозному и этническому признаку. Однако уровень дискриминации не является катастрофически высоким, и прилагаются серьезные усилия для того, чтобы минимизировать данный фактор. На муниципальном, федеральном и наднациональном уровнях ведется активная работа в этом направлении. Стоит отметить, что по целому ряду опросов мусульмане показывают приблизительно те же результаты, что и немусульмане. Например, это касается таких важных опросов, как «Удовлетворены ли вы муниципальным жильем?», «Доверяете ли вы полиции?», «Удовлетворены ли вы действиями полиции?», «Какие ценности наиболее важны для жизни в этой стране?», «Доверяете ли вы правительству?», «Доверяете ли вы парламенту?», «Уважаются ли в школах разные религиозные традиции?» и др. Все это позволяет говорить о том, что социальный и гражданский статус мусульман в этих сферах близок к статусу

среднего коренного жителя. В тех же областях, где он еще далек от среднего, налицо явная тенденция к приближению.

При оценке перспектив ислама в Европе необходимо учитывать следующие факторы:

1) положение мусульман в сфере образования, на рынке труда, их жилищные условия, модель расселения, социальную защищенность, ощущение принадлежности, идентификацию, политическую активность, представленность в масс-медиа и др.; эти проблемы довольно подробно освещены в главах 4–9, и основной вывод состоит в том, европейские страны постепенно преодолевают этап сегрегации этнорелигиозных меньшинств и вступают в эпоху, когда меньшинства будут активно интегрироваться в социальную действительность;

2) демография европейского ислама; этот вопрос вкратце рассмотрен в главе 2, основной вывод заключается в том, что численность мусульманского населения будет расти (за счет иммиграции и высокого коэффициента фертильности), но здесь не предвидится резких скачков, так что исламизация Европы идет умеренными темпами;

3) стратегия европейской политики по поводу интеграции; эта проблема рассмотрена в главе 3, интеграция понимается как динамический процесс взаимного приспособления, в который вовлечены как иммигранты, так и принимающее общество; так понятая интеграция подразумевает модификацию принимающего общества и отсутствие полной ассимиляции иммигрантов, и именно с этим долгосрочным проектом связаны все инициативы, предпринимаемые на уровне Евросоюза;

4) политический контекст; этот вопрос частично затронут в главе 3, но мы не стали останавливаться на политических партиях и проблемах представительства; можно предположить, что даже резкая реорганизация политического поля в отдельных государствах (скажем, возрождение светского национализма) не

сможет повлиять на базовую интеграционную стратегию, действующую на уровне Евросоюза.

Итак, с учетом данных обстоятельств попытаемся обрисовать перспективы европейского мусульманства. Разумеется, при прогнозировании невозможно учесть все факторы, особенно глобального типа, поэтому наша проекция должна рассматриваться как наиболее вероятный сценарий эволюционного развития событий.

Рассмотренные материалы позволяют сразу отбросить несколько абсолютно неправдоподобных проекций. Например, невероятным сценарием является «модель Еврабии», предложенная Жизель Литман [Littman 2005]. Согласно этой модели, Европа в ближайшее время будет поглощена мусульманами, что является частью намеренной европейской политики, ориентированной на союзнические отношения с арабскими странами в противоборстве США и Израилю. Ввиду своей конспирологичности, данная теория пользуется дурной славой в академических кругах, и как мы видим из авторитетных демографических проекций, представленных центром «Пью», на то есть все основания¹⁹. Среди других невероятных концепций можно упомянуть модель правового плюрализма и модель автономий. Согласно первой модели, будет введена дифференциация правовых норм для разных групп; мусульмане тогда могли бы получить особые права, которые ограничивали бы их в сравнении с основной частью населения. Ясно, что «богатый» в данном отношении исторический опыт Европы делает невозможным что-либо подобное. Согласно второй модели, мусульманам будет предоставлена региональная автономия. Разумеется, для всех стран «первого эшелона исламизации» это также абсолютно неправдоподобный сценарий. Можно привести еще множество экстравагантных теорий, но сейчас нет

¹⁹ Впрочем, в политической делегитимизации Израиля, поддерживаемой европейскими странами, нет ничего невероятного; это могло бы стать следствием усиления мусульманского электората в обозримом будущем.

необходимости на них останавливаться. Попробуем рассмотреть реальные сценарии развития событий.

Первый сценарий мы бы обозначили как *подъем национализма*. Речь идет преимущественно о светском национализме, но в каких-то случаях он может приобретать и религиозные коннотации (например, немецкий протестантизм vs. ислам или христианская нация vs. ислам). Ультраправая националистическая политика будет проявляться в жестких иммиграционных ограничениях и в мерах, стимулирующих активную интеграцию или, точнее, ассимиляцию этнорелигиозных меньшинств (разумеется, это потребует официального закрепления дискриминирующих факторов); в конечном счете, такая политика может привести к стабилизации доли мусульман на уровне 6–8% или даже к сокращению их числа. Пока что данный сценарий расходится с глобальной стратегией европейских политиков, но для него имеются некоторые косвенные предпосылки.

Социальные опросы свидетельствуют о высоком уровне недовольства и страхе перед складывающейся ситуацией. Современный европеец еще недостаточно «обработан» идеологически, чтобы добровольно приветствовать мультикультурализм и радоваться тому, что его родная культура подвергается фатальным трансформациям. Европейским идеологам потребуется еще немало времени, чтобы воспитать нового «мультикультурного» европейца, и этот процесс будет проходить крайне болезненно. Один из симптомов — это поддержка правых и ультраправых партий, которые с 1980-х гг. утроили свое представительство в парламентах европейских государств. Другим обстоятельством, которое делает возможным подъем национализма, является экономический кризис. Европа вступила в длительный период стагнации, который будет сопровождаться ростом безработицы и падением уровня жизни. Это может способствовать росту общего недовольства и социальным потрясениям.

Подъем национализма в глобальном масштабе является реалистичным сценарием, но, по нашему мнению, его вероятность не слишком высока²⁰. Несмотря на явный рост правых и ультраправых в Европе, их представительство все еще остается ограниченным, и они далеки от того, чтобы формировать мейнстрим современной политики. Учитывая исторический опыт Европы, сложно представить ситуацию, при которой ультраправые вообще стали бы мейнстримом. Что касается экономического фактора, то в долгосрочной перспективе резкое ограничение иммиграции не является желательным сценарием для Европы, поскольку европейское население сильно стареет, и европейская экономика нуждается в иммигрантах. Разумеется, правая и ультраправая политика потребовала бы отказа от либеральных интеграционных и иммиграционных стратегий, что также вряд ли возможно, учитывая общеевропейский идеологический климат.

Вторая перспектива европейского ислама может быть обозначена как *консервация нынешнего состояния*. В рамках этой модели интеграция перейдет в длительный вялотекущий процесс, который очень слабо будет затрагивать (если вообще будет) быт и социальное положение мусульман; иначе говоря, этнорелигиозные меньшинства как бы «повиснут» между сегрегацией и полноценным включением в гражданское общество: они по-прежнему будут составлять второсортное общество, останутся объектом многочисленных форм дискриминации, будут представляться в негативном ключе в СМИ, и т. д. Этот вариант может рассматриваться как результат компромисса между современной политической конъюнктурой и получающими популярность правыми партиями. Прежняя «интеграционная» риторика, конечно, сохранится, но конкретные действия будут предприниматься менее активно. Экономическая стагнация

²⁰ Однако непредвиденные ситуации, вроде наблюдаемого сейчас резкого притока беженцев, могут существенно изменить положение.

может также поспособствовать «замораживанию» проекта интеграции. Этот сценарий реален, но он не кажется нам слишком правдоподобным. Главный аргумент здесь — демографический. Мусульманское население растет в процентном отношении (ср. также возрастную структуру), и его сложно сдерживать в границах гетто, не считаясь с его мнением.

Между этими двумя сценариями возможны пограничные варианты, которые сочетали бы в себе элементы первого и второго сценариев. Безусловно, при наличии политической воли и социального запроса замедлить и даже остановить исламизацию Европы возможно. Но нам представляется, что такое развитие событий маловероятно — прежде всего, по идеологическим соображениям. Мы бы оценили шансы этих моделей на 15%: итого — 30% на две модели. Остальные 70% приходятся на третью модель, которую мы обозначаем как «десеграция и умеренная интеграция». Эта модель представляется наиболее реалистичной.

Модель *десеграции и умеренной интеграции* предполагает, что современные тенденции сохранятся, и они приведут, с одной стороны, к изменениям внутри европейского ислама, а с другой стороны — к модификации европейского общества (что и предполагает логика «интеграционного процесса», согласно идеологам ЕС). Социальная интеграция будет активно продвигаться, по меньшей мере, еще несколько десятилетий. Мы сейчас находимся на ранней стадии данного процесса. Для мусульман это будет означать не ассимиляцию, но, скорее, приспособление к реалиям европейской жизни. Вероятно, на выходе мы получим умеренный и более либеральный вариант ислама, который слабее связан с этнокультурными корнями. Та форма «евроислама», которую проповедует Тарик Рамадан, вполне соответствует такому «исламу будущего»: она предполагает сочетание европейской идентичности, западного образа жизни, активной гражданской позиции с исламским универсализмом. Можно с уверенностью

сказать, что полная ассимиляция мусульман невозможна, так что следует ожидать интеграцию с сохранением религиозной идентичности. Сейчас наиболее прогрессивно этот подход реализуется в Великобритании, о чем свидетельствуют результаты некоторых исследований. Религиозная идентичность, безусловно, останется доминирующей (как у большинства религиозных людей), но чувство патриотизма и принадлежности к европейской культуре будет расти.

Из модели «умеренной интеграции» следует, что европейское общество также будут ожидать важные перемены. Вот уже несколько десятилетий мы находимся в точке «абсолютного максимума» либерализма — доведенной до абсурда политкорректности и «свободы-от» (которая легитимизирует освобождение человека даже от пола). Можно предположить, что рост числа мусульман и рост их влияния будет сопровождаться возрождением консерватизма и морали. Вряд ли через 20–30 лет мы сможем наблюдать гей-парады в центре Лондона, и едва ли мэр Берлина сможет открыто заявлять о своей гомосексуальной ориентации во время предвыборной кампании. Вероятно, де юре подобные негласные правила никак не будут закреплены, но де факто они будут существовать в сознании электората (ср. с ситуацией в России). Это будет сопровождаться демографически обусловленным ростом религиозности и усилением политических позиций мусульманского электората, что хорошо описано в работе Эрика Кауфмана. Таким образом, через несколько десятилетий мы должны увидеть консервативную Европу, отошедшую от гипертрофированного либерализма и поставленную в рамки традиционных ценностей. В этом случае мы будем свидетелями рождения новой европейской идентичности, запрос на которую имеется уже сейчас.

Данный прогноз относится, прежде всего, к странам мусульманской иммиграции. Предполагается, что эти страны будут

подтягивать менее исламизированные государства Европы по следующей логике развития:

гастарбайтеры => сегрегация => десегрегация и умеренная интеграция => активная роль в формировании повестки дня и новой идентичности

Ситуация со странами, которые являются носителями традиционного мусульманства, не вполне ясна. В некоторых из них (например, Польша, Литва, Латвия) традиционное мусульманство, представленное преимущественно татарами, вымывается иммигрантами. В других странах (например, Албания, Босния и Герцеговина, Россия) позиции традиционного мусульманства сильны, и там вряд ли предвидятся серьезные изменения.

Итак, модель «десегрегации и умеренной интеграции» должна привести к росту консерватизма и формированию новой европейской идентичности, характер которой еще не вполне ясен. Может возникнуть вопрос: если эта модель отвечает нынешней интеграционной стратегии, то почему она приведет к результатам, которые не соответствуют ожиданиям европейских политиков? На самом деле, в этом нет ничего удивительного. У европейских политиков отсутствует реалистичное представление о том, чем является «мультикультурное общество с равным уважением прав всех граждан»; например, никто не сможет объяснить, как в таком обществе будут сосуществовать разнообразные «правовые» формы содомии, чья легитимизация является «заслугой» европейской культуры, с не менее «правовыми» формами исламской практики, которая ничего подобного не приемлет и всячески этому противится. Модель совместного «мирного» жития в рамках мультикультурного общества является утопией, поскольку она пытается универсализировать некоего «чистого субъекта», «универсального гражданина», согласного признавать право другого

на пропаганду гомосексуализма, смену пола, поедание свинины (или говядины), займы под процент или рисование карикатур на Мухаммада и Христа. Но реально такой «чистый гражданин» нигде не встречается, ибо даже западный человек «нечист», и за западным гражданином стоит определенная идентичность — в чем-то христианская, в чем-то историческая — иначе чем объяснить тюремные сроки за мнение, пусть и ошибочное, о том, что Холокоста не было? Универсальный гражданин мультикультурной утопии — это не тот, кто признает права человека (ведь реально никто знает каковы пределы этих «прав»), а тот, кому в наибольшей мере все равно и кто готов закрывать глаза на все, что напрямую не касается его личных интересов. Вероятно, иллюзия «мультикультурного общества», в котором граждане априори индифферентны друг к другу, а, по сути, отчуждены друг от друга, является главным воздушным замком современной европейской идеологии — той идеей, которая ведет теперь уже старую Европу к самоуничтожению.

Раздел 2

**Обзор ситуации
в отдельных
странах**

Глава 11

Ислам в Великобритании

11.1. Население

До середины XX в. ислам практически не имел распространения в Великобритании. Единственными представителями мусульманской религии были трудовые мигранты из колоний Британии, которые образовали диаспоры еще в XIX в. По их требованиям в 1889 г. была построена первая британская мечеть. Начиная с середины XX в, то есть с периода интенсивной деколонизации, процент мусульманского населения Британии неизменно растет. После отделения Индии большое число мусульман прибыли из стран Южной Азии (особенно из Пакистана), что было связано с необходимостью восстановления экономики после Второй мировой войны. Эта волна иммиграции относится к 1960–1970-м гг. Как отмечает Ихлак Дин, распространенное мнение о том, что большинство приезжих из этого региона были мигрантами по принуждению, является ошибочным; в действительности, для этих людей Британия была «островом мечты», отчасти это связано с тем, что многие приезжие пакистанцы являлись представителями низших каст, и они не могли надеяться на достойное существование в самом Пакистане. К 1960–1970-м гг. относится также миграция из восточноафриканских стран (Кения, Танзания, Уганда и др.). А 1980-е гг. характеризуются высоким уровнем иммиграции из Бангладеша.

Результатом интенсивной трудовой миграции стало то, что ислам является сейчас второй крупнейшей религией Великобритании.

Уровень прироста мусульманского населения не может не удивлять. В 1961 г. насчитывалось 50 тыс. мусульман, что составляло 0,11% от общего населения; в 1971 г. — 226 тыс. (0,46%); в 1981 г. — 553 тыс. (1,11%); в 1991 г. — 950 тыс. (1,86%); в 2001 г. — 1,6 млн (3,07%). Наконец, согласно последней переписи за 2011 г., в Британии проживают 2 869 млн мусульман, что составляет 4,8% от общего населения. Таким образом, только за последние 20 лет число мусульман выросло более чем в 3 раза! Стоит отметить, что мусульманское население является молодым и быстро растущим: около 60% — это люди, моложе 30 лет. Подавляющее большинство мусульман живут в Англии и Уэльсе. Они сосредоточены в городских зонах; около 40% находятся в Лондоне, что составляет 8,5% от общего городского населения. Другие города с большим числом мусульман — Бирмингем, Блэкберн, Брэдфорд.

Большинство англоязычных мусульман — это рожденные в Британии потомки иммигрантов из Пакистана, Бангладеша и Индии. Согласно переписи 2001 г., 43% являются выходцами из Пакистана, большинство из них прибыли из спорной территории Кашмира. Мелкие этнические группы связаны с Западной и Восточной Африкой, Кипром и странами Ближнего Востока. Многие исламские сообщества, особенно выходцы из Бангладеша и Кашмира, страдают от низкого дохода, бедности и плохих условий жилья; они также страдают от низкого уровня образованности и относительно высокого уровня безработицы среди мужчин и женщин. С другой стороны, выходцы из Восточной Африки и Азии являются более состоятельными; Лондон принимает многих состоятельных арабов из Ближнего Востока. В последнее время увеличилось также число беженцев, особенно из Сомали и Ирака. Большинство выходцев из стран Британского Содружества (в него входят бывшие британские доминионы и колонии), а также их потомки, являются гражданами Великобритании; они обладают теми же правами, что и коренные британцы. Гражданами, как

правило, не являются беженцы, прибывшие из стран, не входящих в Британское Содружество; таких мусульман сравнительно немного. В целом можно сказать, что ислам в Британии (как и в Европе) является этнически и идеологически разрозненным.

По информации за 2010 г., подавляющее большинство мусульман являются суннитами; шииты составляют около 4%. К сторонникам радикальных направлений относятся примерно 3% мусульман. Стоит отметить, что около 100 тыс. мусульман — это обращенные в ислам британцы (с 2001 г. эта цифра увеличилась в 2,5 раза), при этом 66% из них составляют женщины. Можно сделать вывод, что проповедь ислама в британской среде пользуется успехом. По некоторым оценкам, в среднем в год случаются примерно 5 тыс. обращений в ислам.

11.2. Условия жизни и социальное положение

Мусульмане и этнические меньшинства живут в целом в значительно худших условиях, чем коренные британцы. Согласно переписи 2001 г., мусульмане имеют наиболее высокий процент людей, живущих под одной крышей, а также наиболее высокий уровень перенаселенности, который превышает общенациональные цифры в 5 раз. Условия жизни также являются худшими: например, дома мусульман часто не имеют центрального отопления. Дебора Филипс отмечает, что причина тесной совместной жизни и изоляции заключается не только в стремлении мусульман к самоограничению; скорее, это в большей мере отражает стремление коренных британцев оградиться от этнических меньшинств, что проявляется, в том числе, в институциональных решениях. Со стороны британцев отмечается также неприязнь к чуждой культуре, вызывающему поведению и страх перед ростом преступности. Этнические меньшинства заботят, прежде всего, преступления на расовой почве. Можно сказать,

что большинство мусульман и этнических меньшинств Британии замкнуты в порочный круг: с одной стороны, они вынуждены обитать на социально-экономической периферии общества, что предполагает худшие условия жизни; с другой стороны, такие условия являются причиной повышенной преступности и отрицательного имиджа в обществе; при этом многочисленные виды внешней дискриминации не позволяют вырваться из этого круга.

Дискриминация на уровне жилищных условий дополняется слабыми позициями мусульман на рынке труда. Уровень безработицы среди мусульман непропорционально велик. Согласно данным Министерства национальной статистики (ONS, англ. Office for National Statistics) за 2004 г., 13% мусульман являются безработными, что, например, превышает в три раза показатели среди христиан. Мусульмане в возрасте от 16 до 24 лет характеризуются самым высоким уровнем безработицы — 28% (среди христиан этого возраста безработица значительно меньше — 11%). Обзор ONS также показывает, что мусульмане являются наименее активной частью населения с экономической точки зрения, то есть они не только не могут найти работу, но очень часто и не ищут ее. Стоит отметить, что в этом плане существует значительное разнообразие внутри самого мусульманского сообщества. Например, уровень безработицы среди молодых британских мусульман пакистанского и бангладешского происхождения значительно выше, чем среди выходцев из Индии или арабских стран. В целом можно сказать, что в Британии на рынке труда существует устойчивая дискриминация по религиозному признаку. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные исследования Фонда Сороса. От существующей дискриминации больше всего страдают именно мусульмане. Известно, например, что вне зависимости от квалификации кандидата, люди с английскими именами имеют почти в 3 раза больше шансов получить работу, чем люди с именами, говорящими об их принадлежности к исламу.

Мусульмане Британии сталкиваются также с проблемами образования. Отчеты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) показывают, что этнические меньшинства Британии характеризуются гораздо меньшим уровнем образованности, чем коренные британцы. В материалах ОЭСР, правда, не учитывается религиозный признак, но о религиозной принадлежности можно заключить из графы «страна происхождения». Как следует из отчета Мусульманского совета Британии, мусульмане считают проблему уровня образованности наиболее важной для них; опрос показывает, что эта проблема является для них даже более важной, чем проблема жилищных условий. Это понятно, поскольку система образования является для молодых мусульман значимой точкой контакта с обществом в целом, инструментом социализации. При этом мусульманскими организациями высказывается сомнение в том, что образование мусульман в немусульманских государственных школах способно сохранить религиозные ценности и что оно в полной мере отражает нужды молодых мусульман. По этому поводу сейчас ведется обширная дискуссия в британском обществе, и мусульманами всячески отстаивается гражданское право на элементы исламского образования. Одна из проблем, которой озабочены мусульманские организации, касается языка. Основным языком школьного образования в Британии является английский (в Уэльсе используется также валлийский язык). Интенсивное использование английского языка ведет к тому, что употребление родного языка этнического сообщества становится узко ограниченным. Для поддержки родного языка и культурных традиций создаются специальные воскресные школы, но в целом это не снимает саму проблему. Ее решение осложняется еще и тем, что у мусульманского сообщества Британии — ввиду его гетерогенности — нет и не может быть единого языка. Представляется, что в данном случае мы имеем дело с двусмысленностью позиции мусульманского сообщества: с одной

стороны, имеется стремление к социализации и получению светского образования; с другой стороны, высказывается озабоченность тем, что социализация и светское образование могут привести к потере этнической и религиозной идентичности, и потому делаются попытки внедрения элементов своей культуры в западное образование; вероятно, влияние мусульман в данной области, отражающее их легитимную и последовательную гражданскую позицию, будет возрастать в процессе увеличения мусульманского населения.

11.3. Политическая сфера

В Великобритании не существует общей легальной или конституционной системы, которая бы затрагивала статус религии; каждая отдельная страна разрабатывает данный вопрос, исходя из своих соображений. При этом существуют другие общие акты, которые косвенно затрагивают проблему религиозной идентичности. Сюда относится, например, принятый в 1998 г. «Акт о правах человека», который гарантирует свободу вероисповедания и религиозной практики в границах публичной сферы. Свобода вероисповедания и светский характер государства сочетаются в некоторых странах с исторически более предпочтительным положением одной из религий. В Шотландии подобным статусом обладает пресвитерианская Церковь Шотландии, но официально ее положение никак не закреплено. В Англии привилегированным статусом обладает Церковь Англии, главой которой официально является королева Великобритании. До 2008 г. в Британии действовал «Закон о богохульстве», который защищал принципы и верования англиканской церкви. Он критиковался как со стороны мусульман, которые считали, что он должен быть расширен до всех религиозных сообществ Британии, так и со стороны атеистов, считавших, что

его необходимо отменить. В 2008 г. закон был отменен парламентским актом. Вероятно, привилегированное положение англиканской церкви в Англии, объяснимое историческими и культурными причинами, выгодно мусульманским общинам, поскольку оно позволяет более аргументированно отстаивать собственные права; соответствующие законы и акты, касающиеся англиканской церкви, могут рассматриваться как прецеденты решений по религиозным вопросам.

Мусульмане обладают довольно узким представительством на политической арене, но отмечается тенденция роста мусульманского влияния в политике. В парламентских выборах 2005 г. участвовало 48 мусульманских кандидатов от трех главных политических партий (консерваторы, лейбористы и либерал-демократы), но лишь четверо стали членами парламента (все — из партии лейбористов). В выборах 2010 г. в парламент прошли уже 8 мусульманских кандидатов. Среди них 6 лейбористов и 2 консерватора. Наиболее влиятельным мусульманским политиком Великобритании является Саида Варси. В 2007 г. она получила пожизненное пэрство; с 2010 по 2012 гг. она была со-председателем Консервативной партии и министром в кабинете Дэвида Кэмерона. Сейчас Варси работает в Министерстве иностранных дел. Варси родилась в семье пакистанских иммигрантов в 1971 г., получила хорошее юридическое образование и в результате построила карьеру в Консервативной партии. Она критически настроена по отношению к секуляризации общества; Варси считает, что сейчас осознанно культивируется нетерпимость к верующим людям. По ее мнению, Европа нуждается в духовном возрождении. Несмотря на свою принадлежность к исламу, Варси считает, что возрождение веры и духовности в Европе должно происходить, в первую очередь, на основе христианской традиции.

Таким образом, в данный момент мусульмане не имеют большого влияния на политическом уровне. Представляется, что

в перспективе политическая сфера будет постепенно пополняться мусульманскими представителями, что будет происходить параллельно с успешным отстаиванием собственных гражданских прав. Результаты этих процессов предсказать сложно, и пока речь идет лишь об отдаленном будущем.

11.4. Общественные организации

В Великобритании существует довольно много мусульманских общественных объединений. Мы рассмотрим вкратце лишь наиболее крупные.

Мусульманский совет Британии (МСВ, англ. Muslim Council of Britain) был создан в 1997 г. на основе Комитета Соединенного Королевства по исламским делам (UKACIA, англ. UK Action Committee on Islamic Affairs). Быстро стал точкой взаимодействия между государством и мусульманскими общинами. Частично в результате лоббирования со стороны МСВ, государство согласилось включить религию как категорию идентичности в перепись 2001 г. В связи с террористическими актами 2005 г. отношения между государством и МСВ испортились (поскольку часть активистов этой организации имела исламистское прошлое). В 2009 г. правительство прекратило отношения с МСВ после того, как один из лидеров организации публично одобрил атаки на любую иностранную армию (в том числе британскую), мешающую поставкам оружия в сектор Газа. МСВ был также задействован в такой сомнительной акции как бойкот Дня памяти жертв Холокоста. Известно, что МСВ занят больше проблемами израильско-палестинских отношений, чем вопросами, непосредственно затрагивающими британское мусульманское сообщество. Несмотря на двоякую репутацию, МСВ со своими более чем 500 филиалами продолжает играть одну из ведущих ролей в интеграции британских мусульман, он также

побуждает мусульманское население принимать активное участие в политическом процессе. Сайт: <http://www.mcb.org.uk>.

Мусульманская ассоциация Британии (МАВ, англ. Muslim Association of Britain). Была основана в 1997 г., преимущественно мусульманами с арабским прошлым. Это направление тесно связано с движением Братьев мусульман. Одна из главных целей организации — проводить кампанию по переориентации британской политики в сторону мусульманского мира, с акцентом на проблеме сектора Газа. В 2002 г. МАВ стала важным членом Коалиции по прекращению войны (Stop the War Coalition), созданной для противодействия участию Британии в войне в Ираке. Она также играла центральную роль в коалиции RESPECT, являющейся левым исламским союзом. Сайт: www.mabonline.net.

Британский мусульманский форум (ВМФ, англ. British Muslim Forum). Крупнейшая суннитская ассоциация, включающая 600 мечетей и имеющая опорные пункты в Северной и Центральной Англии. Основана в 2005 г. в качестве оппозирующей группы некоторым направлениям МСВ. Частично получает гранты и денежные средства от государства. ВМФ ставит следующие цели: предоставить молчаливому большинству британских мусульман голос в СМИ и правительстве; работать с другими мусульманскими организациями и поддерживать кооперацию; работать над улучшением отношений между мусульманами и немусульманами; предоставлять необходимые знания для работы с мусульманской молодежью; работать над улучшением в понимании ислама и мусульманского образа жизни на западе; способствовать единству и социальной гармонии в Великобритании, а также развеивать негативный образ мусульман в СМИ. Сайт: www.britishmuslimforum.org.uk.

Суфийский мусульманский совет (SMC, англ. Sufi Muslim Council) основан в 2006 г., тесно связан с ВМФ. Претендует на то, чтобы являться представительством безмолвного большинства

современных мусульман, которые следуют классическому исламу, а не его политизированным направлениям. SMC поддерживает взгляды правительства на то, что другие мусульманские организации не делают достаточно для того, чтобы противостоять радикализму внутри них самих. SMC считает, что это является следствием отсутствия правильного теологического руководства и образования. Веб-сайт организации полон материалов, предупреждающих против ваххабизма и вариантов радикального ислама. SMC стал новым фаворитом государства в отношениях между правительством и общинами страны после разрыва отношений с МСВ. Один из основателей организации, бизнесмен Харас Рафик, считает, что МСВ слишком много внимания уделяет политическим проблемам. SMC долгое время поддерживался государственными субсидиями и грантами, но с конца 2009 г. государство заявило, что в дальнейшем не будет поддерживать данную организацию финансово. Сайт: <http://sufimuslim.homestead.com>.

Фонд Квиллиама (QF, англ. Quilliam Foundation). Основан в 2008 г. Возник как оплот критики исламизма во всех его проявлениях. Создан бывшими членами организации Хизб ут-Тахрир, которая провозглашает себя главным в мире контр-экстремистским интеллектуальным направлением. В качестве символа Фонда был взят Уильям Абдулла Квиллиам (род. 1932) — английский исламский проповедник. Известно, что организация субсидируется государством. Включает в себя 18 штатных сотрудников. За последнее время в Фонде было подготовлено множество высокопрофессиональных докладов, построенных на критике британских мусульманских организаций, институтов и направлений. Сайт: www.quilliamfoundation.org.

Фонд аль-Хоеи (англ. Al-Khoei Foundation). Глобальная сетевая организация, представляющая шиитское направление. Тесно связана с Ираком. Данная организация управляет двумя образовательными учреждениями в Британии. Сайт: <http://al-khoei.org>.

Существуют также мусульманские представительства в отдельных странах Великобритании. *Мусульманский совет Шотландии* (MSC, англ. Muslim Council of Scotland) был основан в 2007 г., включает в себя многие шотландские мечети и организации. Сайт: www.mcscotland.org; *Мусульманский совет Уэльса* (Muslim Council of Wales; сайт: <http://www.muslimcouncilwales.org>) и *Исламский центр Белфаста* (Belfast Islamic Centre; сайт: www.belfastislamiccentre.org.uk).

11.5. Формы дискриминации

Помимо упомянутых выше форм дискриминации по расовому признаку и на рынке труда, мусульмане также подвергаются другим видам дискриминации. Этой проблеме посвящены многочисленные доклады и исследования, подготовленные как некоммерческими организациями (Фонд Сороса, Европейский центр мониторинга по расизму и ксенофобии, Международная амнистия и др.), так и академическими учеными (Э. Пул, Дж. Ричардсон, Т. Рамадан, И. Ригони и др.).

Прежде всего, стоит отметить, что мусульманская тематика представлена в СМИ с явным креном в сторону расизма и исламофобии. В своей монографии 2004 г. Джон Ричардсон убедительно показал на примере освещения иракской войны, терактов и других событий, что британские СМИ создают искаженный образ ислама; отчасти это связано с сознательным стремлением, а отчасти — с отсутствием общей квалификации по исламской проблематике. Элизабет Пул считает, что «кризис национальной идентичности и ответное конструирование общей национальной культуры для предоставления стабильности и определенности ведет к исключению мусульман из британского поля... Освещение британского ислама в прессе является выражением проекта, направленного

на „герметизацию культуры“, и подобные модели репрезентации делают легитимными нынешние социальные отношения превосходства, силовые структуры и, следовательно, действующие модели дискриминации». Многие исследователи отмечают, что в Великобритании принадлежность к британской культуре часто неявно ассоциируется с принадлежностью к «белой культуре», что ведет к сложности в самоидентификации британских мусульман и этнических меньшинств. Э. Пул считает, что существует тенденция к представлению мусульман Британии как гомогенного сообщества, а это не соответствует действительности; по ее мнению, «официальная пресса проявляет высокую степень гомогенности в связи с мусульманскими проблемами, отсутствует разнообразие в медийном представлении ислама».

Мусульмане также сталкиваются со сложностями в образовательной сфере. Согласно некоторым исследованиям, шансы на поступление абитуриента, являющегося коренным британцем, примерно в три раза выше, чем шансы пакистанца (при равном уровне подготовке). По результатам опроса Исламской комиссии по правам человека за 2004 г., 80% мусульман испытывали дискриминацию из-за своей веры; эта цифра возросла в два раза в сравнении с результатами за 1999 г. Увеличение уровня дискриминации произошло также после взрывов в лондонском метро в 2005 г. и введения Закона против терроризма (Terrorism Act) в 2006 г.

Несмотря на сложное социально-экономическое положение мусульман и имеющиеся формы дискриминации, Великобритания является в целом относительно благоприятным местом для практики ислама (особенно если сравнивать с другими европейскими странами). На данный момент существует около 2 тыс. мечетей и исламских центров, но примерно треть из них не зарегистрированы официально. В большинстве британских городов имеются кладбища со специальными территориями, предназначенными для мусульманских захоронений. Не существует общего закона,

который ограничивал бы женщин в плане дресс-кода; каждая организация решает этот вопрос самостоятельно, сообразуясь с уставом. Исламская тематика представлена в СМИ несколькими газетами и журналами: *The Muslim News*, *Q-News*, *EMEL Magazine*; с 2004 г. функционирует телевизионный канал *The Islam Channel*. Созданы довольно благоприятные условия для получения исламского образования детьми и студентами. Несколько негосударственных исламских центров специализируются на подготовке имамов. При этом Английский финансовый совет по высшему образованию (англ. *Higher Education Funding Council for England*) определил с 2007 г. исследования ислама в качестве одного из стратегически важных направлений.

11.6. Перспективы

Все эксперты сходятся в том, что при общем спаде рождаемости среди белого населения, а также при сохранении нынешнего уровня миграции, процент мусульманского населения Великобритании будет только расти. По подсчетам специалистов из исследовательского центра «Пью», к 2030 г. количество мусульман в Британии превысит отметку в 5,5 млн, что составит примерно 8,2% от общего населения. Это значит, что британскому обществу и британскому правительству придется отвечать на те вызовы, которые исходят от мусульманского населения и этнических меньшинств. Представляется, что политика дискриминации, сегрегации и изоляции не будет являться эффективной (она не является таковой уже сейчас). В связи с ростом мусульманского представительства на уровне социальных и политических движений влияние ислама будет возрастать; будут расти попытки отстаивания мусульманами своих гражданских прав, и со временем все большая часть из них будут становиться успешными. Рост исламского влияния, по-видимому, будет происходить

одновременно с возрождением религиозности в целом, предсказанным Э. Кауффманом и некоторыми другими исследователями. Вероятно, это вызовет более обстоятельную дискуссию, касающуюся будущего Великобритании и принципов, на которых должно строиться европейское общество. Модель воинствующей секуляризации, а также попытки ассимиляции мусульманского населения, логически вытекающие из этой модели, будут отброшены. Британии — и Европе в целом — потребуется выработка новой идентичности, в которой религиозность не будет загнана на периферию общественной жизни. Сейчас сложно предсказать, что это будет за форма идентичности, но показательно, что эти вопросы уже ставятся на самом высоком уровне: достаточно вспомнить отчет Парэха за 2000 г., согласно которому «национальная история и национальная идентичность нуждаются в переосмыслении».

Если охарактеризовать в целом будущее мусульман Британии, то можно сказать, что они начнут более успешно интегрироваться в общество, сохраняя при этом собственную религиозность. Данная тенденция заметна уже сейчас: по опросам за 2012 г., 86,4% мусульман ощущают себя британцами, 83% гордятся тем, что они британцы, 82% хотят жить в поликонфессиональном обществе; но при этом лишь 7% называют в качестве своей главной идентичности британскую, 81% же думают о себе, в первую очередь, как о мусульманах. Таким образом, сценарий ассимиляции представляется невероятным, а сценарий сегрегации был бы большой ошибкой британских властей (и с ежегодным ростом мусульманского влияния на всех уровнях он также становится все менее вероятным). Наиболее вероятный сценарий — это интеграция с сохранением религиозной идентичности. Результатом этой интеграции, а также некоторых других параллельных процессов, должна стать выработка новой британской идеологической модели.

Глава 12

Ислам в Германии

12.1. Население

В более или менее явном виде ислам получил представительство на территории современной Германии в 1683 г., когда взятые после осады Вены в плен турки прибыли на немецкие земли. В течение XVIII в. небольшая группа турок проживала на территории современной Германии, с 1763 г. существовало также представительство Османской империи в Пруссии. Смерть третьего дипломатического представителя, Али Азиза Эфенди, в 1798 г. привела к созданию первого мусульманского кладбища на территории Берлина. В течение Первой мировой войны были построены первые деревянные мечети недалеко от Берлина. Рост исламского населения привел к созданию в 1922 г. Исламской общины Берлина (*Islamische Gemeinde Berlin*), в тот же год была построена мечеть в Берлине и основана газета. Тем не менее, до 1960-х гг. число мусульман в Германии было незначительным. С началом трудовой иммиграции в 1960-е гг. количество мусульман (особенно турецкого происхождения) неизменно растет. Первая волна иммиграции представлена трудовыми мигрантами из Турции, Северной Африки и Югославии; она относится к 1960–1970-м гг. Вторая волна иммиграции в 1980-е гг. характеризуется большим числом беженцев из Турции и бывшей Югославии. В наше время Германия остается привлекательной для мигрантов страной, и последние отчеты некоторых исследовательских центров (например, Немецкого института экономических исследований) показывают, что германская

экономика по-прежнему нуждается в большом потоке иммигрантов. Стоит отметить, что интенсивные миграционные процессы 1960–1990-х гг. связаны преимущественно с западной частью Германии, именно на территории бывшей ФРГ сосредоточено почти все мусульманское население.

На данный момент не существует официальной статистики, в которой учитывалась бы религиозная принадлежность, поэтому главным источником данных по числу мусульман являются социологические опросы и социологические исследования отдельных организаций. Наиболее авторитетные цифры относятся к 2009 г., когда было проведено исследование Федеральным ведомством по миграции (Bundesamt für Migration und Flüchtlinge). Это исследование показало, что в Германии проживают от 3,8 до 4,3 млн мусульман, что составляет около 5% от общего населения; при этом только 2 млн мусульман являются гражданами Германии. Большинство немецких мусульман имеют турецкое происхождение — около 2,5 млн; вторая по размеру этническая группа — это выходцы из бывшей Югославии, особенно с территории Боснии и Герцеговины (ок. 500 тыс.); более 300 тыс. человек — выходцы с Ближнего Востока (преимущественно из Ирака и Ливана), ок. 300 тыс. — из Северной Африки, 60 тыс. — из других частей Африки, примерно 180 тыс. — из Южной и Юго-Восточной Азии, 70 тыс. — из Ирана, 65 тыс. — из Афганистана. В Германии располагаются самые крупные турецкие, афганские и курдские диаспоры Европы. Количество новообращенных немцев точно неизвестно, фигурируют цифры от 10 до 100 тыс.; при этом можно отметить, что общая тенденция заключается в росте числа неофитов. Большинство мусульман являются суннитами (65%), встречаются также алевиты (12%), езиды (7%) и турецкие шииты (2%).

Всего лишь около 10% мусульман активно практикуют ислам и явно относят себя к религиозному сообществу, при этом 30%

мусульман соблюдают пост и принимают участие в религиозных праздниках. В Германии около 2600 мечетей и молельных домов, не считая алевитских мест богослужения (их число неизвестно). Из них 180 построены по традиционной модели и 150 еще находятся в процессе строительства. Строительство мечетей является одним из гражданских прав, и оно гарантировано 4 статьей Конституции Германии («свобода вероисповедания, свобода совести и свобода религиозных и мировоззренческих убеждений неприкосновенны; гарантируется беспрепятственное исповедание религии»). Несмотря на это, процессу строительства мечетей всячески противится немецкое население и власти на местах. Невозможно, однако, представить ситуацию, чтобы такое сопротивление получило юридический статус — как это произошло, например, в соседней Швейцарии, где с 2009 г. наложен запрет на строительство минаретов. В Германии конституционные права меньшинств не могут притесняться на основе решения демократического большинства. Поэтому протест носит косвенный и имплицитный характер. Стоит отметить, что события в Швейцарии вызвали бурную полемику в немецком обществе и, согласно социологическим опросам, инициативу запрета строительства минаретов готовы поддержать 38% немецких граждан (48% высказались против такого запрета).

12.2. Условия жизни и социальное положение

Информация о жилищных условиях, уровне образованности и положении на рынке труда этнических меньшинств представлена неравномерно. Наибольшее внимание уделяется турецким иммигрантам, и на основе этого может быть представлена ужасающая картина. В то же время не нужно забывать, что ислам не является гомогенным явлением в Германии, и он распространен

среди разных этнических меньшинств. Известно, например, что иранские мусульмане являются наиболее интегрированной частью общества, поэтому многие описанные далее тенденции к ним неприменимы.

Официальная информация о жилищных условиях предоставляется в ежегодном отчете Федеральной комиссии по интеграции и миграции. Общая тенденция заключается в том, что мигранты живут в плохих жилищных условиях и при этом платят более высокую ренту, чем немцы (в среднем 422 евро). Мигранты также имеют меньшую защищенность от мошеннических действий, касающихся жилья. Но ключевой проблемой для немецкого общества остается сегрегация. Мусульмане Германии, особенно турки, живут преимущественно в специальных городских районах, где они образуют так называемую «районную культуру» (Kreuzkultur). Очень часто молодые мусульмане, которые не смогли интегрироваться в немецкое общество, ассоциируют себя с соответствующей районной культурой. Сегрегация — это комплексная проблема, которая включает в себя социальные, экономические, этнические и религиозные аспекты; показательно, что бедняки, оттесненные на периферию общества, живут в тех же районах, что и мигранты. Судя по отчетам, степень сегрегации в последние годы только растет. На официальном уровне и на уровне медийных дебатов принято обвинять иммигрантов в стремлении к отделению от общества, но при этом часто упускается из виду, что сегрегация также связана с объективными условиями на жилищном рынке. Из положительных тенденций можно отметить то, что, начиная с 1960-х гг., жилищные условия мигрантов постоянно улучшаются. Другим положительным сигналом является заинтересованность правительства в решении проблемы сегрегации. В частности, в 2006 г. был принят Общий закон о равном отношении, в котором частично затрагивалась проблема дискриминации на жилищном рынке. При этом не выработан единый метод решения

проблемы сегрегации, и на данный момент этот вопрос является предметом многочисленных дискуссий (вся палитра решений разводится между стимулированием самих мигрантов к интеграции и стимулированием немцев к заполнению и облагораживанию бедных районов).

Не менее сложной является ситуация в образовательной сфере. На данный момент в Германии насчитывается около 700 тыс. учеников и студентов, имеющих мусульманское происхождение. Последние исследования Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) показывают, что иммигранты и дети иммигрантов имеют более низкий уровень образования, чем немцы; среди них гораздо больше людей, учащихся в школах нижнего уровня, а также тех, кто покидает школу, не доучившись до конца. Интересно, что в Германии, в отличие от других европейских государств, дети иммигрантов, родившиеся в стране, демонстрируют более низкие результаты, чем дети, начавшие образование в другой стране, но затем переехавшие в Германию. Другое исследование было проведено Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), и оно показало, что мусульман, имеющих высшее образование, в 4 раза меньше, чем немцев; при этом мусульман, имеющих только образование нижнего уровня, в 3 раза больше, чем немцев. Из последних исследований можно отметить небольшой отчет Фонда Сороса за 2012 г., подготовленный для Комитета по правам человека (HRC). В этом отчете подчеркиваются неудачи Германии в том, что касается предоставления образовательных прав для всех детей мигрантов. Отмечается дискриминация на многих уровнях, особенно в сфере языковой компетенции. Фонд Сороса дает следующие рекомендации: внести поправки в Федеральный закон по предотвращению дискриминации; ввести статистические подсчеты этнического состава школьных классов; ввести для учителей принудительные курсы по толерантности и межкультурному образованию;

создать независимый и негосударственный орган, в который могли бы обращаться родители детей, подвергающихся дискриминации; произвести подробное исследование по проблеме мигрантских детей в немецких школах. Таким образом, образование мусульманских детей и студентов остается сложной проблемой.

Несмотря на то, что религиозная принадлежность работника не регистрируется в немецкой статистике, составить общее представление о положении мусульман на рынке труда все же возможно. В этом помогает статистический учет этнической принадлежности. Уровень безработицы среди представителей не-немецких этносов (подавляющее большинство из которых — мусульмане) в два раза выше, чем среди немцев. Хуже всего обстоит ситуация с турками; например, согласно недавнему отчету Фонда Сороса, безработица в таких районах Берлина, как Фридрихсхайн и Кройцберг, достигает 41%. В некоторых землях Германии общий уровень безработицы среди молодых мусульман достигает до 30%. Молодые иммигранты в основном задействованы в областях, требующих низкоквалифицированного труда, при этом они почти не представлены в сфере общественных услуг. Мусульмане сталкиваются с неформальными и формальными видами дискриминации. Те из них, кто не имеют немецкого гражданства, являются наименее защищенными с юридической точки зрения. Помимо дискриминации на этническом и гражданском уровне, существует также специфическая форма дискриминации на религиозном уровне. Мусульмане регулярно сталкиваются с нетолерантностью работодателей по поводу религиозных обязанностей, например пятничной молитвы и ежедневного намаза; столовые не предоставляют халяльную пищу, поскольку не существует постановлений, учитывающих необходимость этого. Многие мусульманские женщины, которые и без того имеют небольшие шансы на получение работы, страдают от официальных дресс-кодов организаций, не допускающих ношение платков.

Таким образом, в целом ситуация в жилищной сфере, в образовании и на рынке труда является неблагоприятной для мусульман. По общему мнению, из крупных европейских стран, в которых ислам не выступает традиционной религией, ситуация в Германии является наиболее сложной и неоднозначной.

12.3. Политическая сфера

Секуляризм — это главный принцип, регулирующий отношения между государством и религией в Германии; он подразумевает индивидуальную и коллективную свободу вероисповедания, нейтралитет государства в религиозных делах и отделение религии от государства. Формально все религиозные сообщества получают достаточные права, в том числе на активность в публичной сфере и на совместную деятельность с государственными структурами. Эти принципы распространяются на всю территорию Германии, но поскольку Германия является федеративным государством, состоящим из 16 регионов (земель, Länder), то статус религии в отдельных землях несколько различается. В ряде законов проводится различие между зарегистрированными и незарегистрированными религиозными сообществами, поэтому многие мусульманские организации (особенно владеющие мечетями и культурными центрами) имеют регистрацию. Статья 140 Конституции допускает особый статус для религиозной организации, а именно статус публично-правовой корпорации (Körperschaft des öffentlichen Rechts). Для получения этой привилегии требуется присутствие религиозной организации в Германии на протяжении как минимум 30 лет, а также представительство более 0,1% населения страны. Важными преимуществами данного статуса является то, что организация освобождается от налогов и имеет долю в общем «церковном налоге», собираемом государством. На данный момент

ни одна исламская организация еще не получили статуса публично-правовой корпорации.

На выборах 2009 г. в бундестаг мандаты получили 20 депутатов, имеющих мигрантское происхождение. Из них лишь трое официально заявили о своей религиозной принадлежности. Несмотря на наличие небольшой группы политиков, связанных с исламом, лишь незначительная часть считают себя мусульманами и пытаются защищать интересы ислама. К этому можно добавить, что, как показывают опросы, подавляющее большинство мусульман (ок. 96%) не являются членами какой-либо партии. Столь низкая политическая активность объясняется низким уровнем интеграции. Тяжелые социальные условия, плохое образование и отсутствие устойчивой гражданской позиции являются благодатной почвой для популяризации экстремизма. Не случайно наибольшую популярность среди мусульман заслужил Пьер Фогель — общественный и политический деятель, проповедник радикальных взглядов.

Интересно отметить, что на последних выборах в регионе Северный Рейн-Вестфалия независимая мусульманская партия Альянс за мир и справедливость (Bündnis für Frieden und Fairness), созданная Советом мусульман города Бонн, получила два мандата в муниципальном собрании. Это первый случай, когда мусульманская партия добилась положительных результатов на выборах.

12.4. Общественные организации

Из-за этнического многообразия и отсутствия целостной иерархической структуры, мусульманские организации Германии не образуют единый репрезентативный орган. Можно выделить следующие наиболее крупные общественные объединения.

Турецкий исламский союз по религиозным делам (Diyanet İleri Türk-Islam Birli'i или Türkisch-Islamische Union der Anstalt für Religion, DİTİB) создан в 1984 г., штаб-квартира располагается в Кельне. DİTİB является крупнейшей организацией, представляющей интересы турецких мусульман Германии. Под ее контролем находятся около 900 мечетей по всей стране. На государственном уровне DİTİB рассматривается как основной посреднический орган между мусульманами и правительством. DİTİB занимается разнообразными вопросами, касающимися религиозной практики ислама: привлечением имамов из Турции, строительством мечетей, санкционированием религиозного обучения в школах и т. д. Сайт: www.ditib.de.

Центральный совет мусульман Германии (Zentralrat der Muslime in Deutschland, ZMD) был основан в 1994 г. и с тех пор является основным конкурентом DİTİB на репрезентативном уровне. Данная организация контролирует 400 исламских учреждений (мечети, религиозные центры и т. д.). Это составная организация, в которую входят 19 других организаций, большинство из которых состоят из относительно небольшого числа членов. В частности в ZMD входит Исламское сообщество Германии (IGD), которое тесно связано с Братьями-мусульманами. В 2002 г. представители ZMD опубликовали официальный документ, в котором четко сформулировали свою позицию в отношении немецкого общества и государства (см. английскую версию <http://zentralrat.de/3037.php>). Он состоит из 21 пункта, среди которых особенно важны следующие: «ислам является религией мира» (п.1), «исламский закон имеет важность для западных мусульман» (п.10), «мусульмане принимают базовые легальные принципы, которые гарантируется Конституцией» (п.11), «мусульмане не пытаются установить духовную теократию» (п.12), «между исламской доктриной и западными представлениями о правах человека нет противоречий» (п.13), «необходимо сформировать европейскую

мусульманскую идентичность» (п.15), «необходимо интегрироваться, сохраняя исламскую идентичность» (п.19), «политическая нейтральность» (п.21). Таким образом, официально ZMD пытается создать платформу для выработки новой идентичности европейских мусульман, в которой приверженность исламу сочеталась бы с признанием базовых ценностей немецкого общества. Стоит отметить, что ZMD критиковался за возможную финансовую связь с Всемирной исламской лигой и идеологическую связь с Братьями-мусульманами, но эти обвинения не были доказаны. Сайт: www.islam.de.

Союз исламских культурных центров (Verband der Islamischen Kulturzentren, VIKZ) был создан в 1973 г. и сегодня является третьей по численности мусульманской организацией Германии. VIKZ контролирует 300 мечетей и включает около 100 тыс. членов. Идеологически VIKZ связан с движением Братства Сулейманчи, которое играло большую роль в период первой волны иммиграции. В наши дни данная организация пользуется популярностью в основном среди молодых турок, являющихся потомками иммигрантов. В организации обучаются будущие имамы, а также проводятся курсы по Корану и шариату. Сайт: www.vikz.de.

Исламское сообщество Милли Герюс (Islamische Gemeinschaft Milli Görüs, IGMG) было основано в 1969 г. и идеологически связано с несколькими исламистскими партиями Турции. IGMG контролирует от 400 до 600 молитвенных домов. По утверждению представителей организации, она включает около 300 тыс. членов по всей Европе. IGMG критикует монополию DİTİB на связь с турецким государством и претендует на альтернативную форму репрезентации турецкой диаспоры. На идеологическом уровне в организации имеется раскол между консервативным крылом, критически настроенным по отношению к западным ценностям и техногенной цивилизации, и более либеральным направлением. В немецком обществе в целом имеет место подозрительное

отношение к IGMG. Организация часто обвинялась в том, что она работает на создание параллельного замкнутого общества, и СМИ часто характеризует их как радикальных исламистов. Немецкое правительство озабочено тем, что IGMG старается поддерживать сегрегацию мусульманского населения Германии. Имеется точка зрения, что IGMG занимается антиконституционной и угрожающей безопасности деятельностью, контактируя с зарубежными партиями, а также алжирскими и боснийскими экстремистами. Часто организация характеризуется также анти-западнической и антисемитской позицией. Поскольку IGMG является общеевропейской и даже мировой организацией (например, она ведет активную деятельность в Австралии и Канаде), тесно связанной с турецким правительством, то дать ей какую-то однозначную характеристику не представляется возможным. Отмечается, что IGMG хорошо приспосабливается к условиям той страны, в которой оно работает; взаимодействие с принимающей стороной накладывает отпечаток на идеологических принципах этого движения. Сайт: www.igmg.org.

Алевитское сообщество Германии (Alevitische Gemeinde Deutschlands, AABF) является составной организацией, в которую входят местные и региональные алевитские сообщества. AABF является единственной организацией, которая широко признается государством как соответствующая легальным требованиям религиозного сообщества. Сайт: www.alevi.com.

Исламское сообщество германских шиитов (Islamische Gemeinschaft der shiitischen Gemeinschaften Deutschlands) было создано в 2009 г. в качестве репрезентативного органа немецких шиитов. Объединяет несколько более мелких шиитских организаций. Сайт: www.igs-de.de.

Союз мусульманской молодежи Германии (Muslimische Jugend in Deutschland, MJD) основан в 1994 г. В данную организацию входят несколько тысяч членов в возрасте от 13 до

30 лет. Организация эксплицитно обращается ко всем молодым мусульманам, вне зависимости от национальности и происхождения. MJD находится под надзором Федеральной службы защиты конституции, которая подозревает его в связи с Братьями-мусульманами. Сайт: www.muslimische-jugend.de.

Существует также крупное объединение *Координационного совета мусульман* (Koordinationsrat der Muslime, KRM), в который входят DITIB, VIKZ, ZMD и IGMG. Дискуссионным является вопрос о том, в какой степени все эти организации могут рассматриваться как представляющие мусульманское население Германии. По оценке правительства, они представляют 15–20%, но сами организации утверждают о представительстве подавляющего большинства мусульман.

Отдельное место в социально-политической жизни мусульманских организаций играет *Германская исламская конференция* (Deutsche Islamkonferenz, DIK). Она была создана в 2006 г. Министром внутренних дел Вольфгангом Шобле для установления более упорядоченного диалога между мусульманскими организациями и государством. В качестве конечной цели ставилось «достижение высокого уровня религиозно-политической и социально-политической интеграции мусульманского населения и взаимное сотрудничество всех граждан Германии вне зависимости от вероисповедания». Главное место в DIK занимает Совет, состоящий из 15 представителей государства (федеральный, региональный и общинный уровни) и 15 мусульманских представителей. Примечательно, что мусульманские представители назначаются правительством, 5 из них представляют крупные организации, а остальные являются видными общественными деятелями. Состав Совета и принципы его организации многократно критиковались, а среди ряда организаций (как правило, не представленных на Конференции) легитимность DIK ставится под сомнение. Практической реализацией идей DIK заняты

три рабочие группы: «Германский социальный порядок и единство ценностей», «Религиозные дела под надзором германского конституционного закона», «Экономика и СМИ как средство». Каждая рабочая группа состоит из 25 членов, все назначаются правительством; также приглашаются неофициальные докладчики из мусульманских организаций. Деятельность групп уже привела к некоторым результатам, касающимся исламского просвещения, строительства мечетей и благоустройства других культовых мест. Сайт: www.deutsche-islam-konferenz.de.

12.5. Публичные дебаты и перспективы ислама

Официальная политическая позиция по исламскому вопросу звучит следующим образом: ислам стал частью немецкого общества и немецкой культуры. Эта формулировка согласуется с Основным законом ФРГ и актами Европейского союза, посвященными проблеме прав человека, иммиграции и интеграции. Об этом вполне эксплицитно говорили Кристиан Вульф и Ангела Меркель; данное положение также отстаивается нынешним Федеральным комиссаром по миграции и интеграции Марией Бемер. Ясно, что такая точка зрения с трудом принимается этническими немцами, тесно ассоциирующими себя с европейской культурой. Несмотря на наличие официальной позиции, единая гражданская позиция по вопросам исламизации, иммиграции и интеграции еще находится в стадии формирования, и сейчас эти вопросы пользуются большой популярностью в публичных и политических диспутах. Можно сказать, что немецкое общество оказалось расколотым на многочисленные группы; при этом встречаются самые разные мнения: от националистических до предельно либеральных.

Рецепция ислама немецким обществом находится на низком уровне. Процент людей, оценивающих ислам отрицательно,

является в Германии самым высоким в сравнении с другими европейскими странами. Согласно опросам за 2003 г., 46% респондентов считают ислам «отсталой религией», 34% не доверяют мусульманам, а 27% считают, что иммиграция в Германию должна быть запрещена для мусульман. Опрос в 2004 г. показал, что 93% немцев связывают ислам с «угнетением женщин», 83% — с терроризмом. В 2006 г. лишь 30% немцев высказались положительно об исламе. Столь удручающие цифры связаны со многими факторами, но одно из ключевых мест здесь занимают особенности освещения событий в СМИ и общий уровень исламского просвещения. Проблема ислама является сейчас одной из наиболее рейтинговых тем в СМИ, но она освещается крайне непрофессионально и однобоко. Многими исследователями отмечается, что очень часто в СМИ не проводится необходимое различие между терроризмом, исламизмом и иммигрантской преступностью. Ислам представляется как угроза для немецкой культуры, а мусульмане ассоциируются с преступностью, терроризмом, нетолерантностью, притеснением женщин и др.; такие термины как «исламский терроризм», «мусульманский экстремизм» или «болезнь ислама» регулярно появляются в немецких газетах. Отмечается также рост антиисламской риторики среди представителей консервативных (Христианско-демократический союз, Христианско-социальный союз) и националистических (Национал-демократическая партия Германии) партий. Пользуются популярностью националистические и шовинистические идеи о «ведущей культуре» (Leitkultur), «христианской Европе» и т. д.

Судить о перспективах ислама в Германии довольно сложно ввиду неоднозначности внутренней ситуации. Вероятно, сейчас Германия вступила в длительную фазу постепенной рецепции ислама на гражданском и культурном уровне. Как предполагается, эта рецепция будет сопровождаться внутренними конфликтами

и столкновением интересов. Она также будет сопровождаться противоборством политических позиций и постоянным лавированием ведущих политиков между декларируемыми принципами интеграции и настроениями немецкого большинства. Политики должны сделать все, чтобы смягчить неизбежный и болезненный процесс признания ислама как культурного факта. Постепенная модификация немецкого общества и немецкой ментальности является закономерным следствием заявленных в ЕС принципов интеграции, согласно которым, интеграция должна быть двусторонним процессом. Можно с уверенностью утверждать, что эти принципы — которые рассматриваются европейцами как одно из ведущих достижений либерализма — останутся неизменными еще длительное время. В сочетании с демографическими и иммиграционными тенденциями они должны привести в ближайшие десятилетия к значительному изменению социокультурного облика Германии.

Глава 13

Литва

13.1. История

Возникновение ислама в Литве датируется XIV в., когда первые мигранты, политические беженцы из Золотой Орды (а позднее — из Крымского Ханства), начали прибывать в Великое княжество Литовское (ВКЛ). Вскоре к ним присоединились и другие переселенцы, в основном состоявшие из наемников, используемых великими князьями литовскими, а также других беженцев и военнопленных, не пожелавших покинуть страну после получения свободы. Иммигранты, основную часть которых представляли не так давно исламизированные тюркские народы (татары), в конце концов осели в западных районах княжества к югу и востоку от столицы Вильнюса.

Несмотря на то что мусульмане составляли совсем незначительную часть населения ВКЛ (а может и благодаря этому), они обладали практически теми же правами и свободами, что и их христианские сограждане. По мере расселения элиты этих народов, повсеместно именуемых литовскими татарами, они получали дворянские титулы и земельные угодья, используемые как феодалные владения, которые позднее перешли в их собственность. Более того, мусульмане в ВКЛ (а также после 1569 г. во времена Речи Посполитой) никогда не подвергались давлению с целью принуждения к смене религии ни путем насильственной христианизации, ни посредством таких препятствий как отлучение от веры, сегрегационные постановления, запреты и т. п. Мусульманам

в ВКЛ и в Речи Посполитой всегда было позволено отправлять их культы и выполнять требования ислама.

После окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 г. большая часть литовских татар оказалась подданными Российской Империи. Литовские мусульмане активно отстаивали сохранение своей религиозной независимости. Например, еще в 1803 г. сообщалось, что литовские мусульмане обращались к российским властям с тем, чтобы не переходить под управление российских муфтиев. В другом случае в письме 1812 г. они отстаивали сохранение за собой права выбора муллы из своего числа. Наконец, в 1851 г. российское правительство откликнулось на просьбы литовских татар и официально разрешило им выбирать муллу среди своих людей, хотя для этого по-прежнему требовалось одобрение Таврического духовного правления, к чьей компетенции относились литовские мусульмане²¹.

После Первой мировой войны регион Вильнюса оказался под контролем Польши, и большинство мусульман ВКЛ (примерно 6–7 тыс.) стали гражданами Польши. Тем временем, в соответствии с переписью населения 1923 г., в период между двумя мировыми войнами 1107 жителей Литовской Республики идентифицировали себя с исламом, не считая тех, кто жил в недавно инкорпорированном Клайпедском крае и в юго-восточной части Вильнюса, контролируемой поляками. Среди тех мусульман 1098 были гражданами Литвы, 2 — поляками и 7 — советскими гражданами; 961 из мусульман назвали себя этническими татарами; среди остальных было 146 нетатар: 117 литовцев, 12 поляков, а остальные — русские. Кроме того, среди них был даже один турок, а пятеро не смогли назвать своей этнической принадлежности.

Хотя в Каунасе никогда не было значительного числа мусульман, после того, как город стал столицей Литвы переходного

²¹ См. Высочайше Утвержденное 8 Января 1851 г. Мнение Государственного Совета об избрании муллы в магометанских обществах Западной Губернии.

времени, осенью 1923 г. местные мусульмане зарегистрировали там религиозное общество, а к лету 1925 г. выступили с планом организовать Центральный магометанский совет, который бы контролировал и координировал религиозную деятельность всех мусульманских сообществ Литвы. Однако идея центрального духовного правящего органа так и не материализовалась, большей частью ввиду недостаточной заинтересованности и повсеместного недоверия к намерениям Каунасского общества со стороны мусульман в провинциях, которые тогда составляли большинство литовских мусульман.

13.2. Новая эра

Хотя, как сказано выше, мусульмане были неотъемлемой частью литовского общества по меньшей мере с XV в., в посткоммунистической Литве, получившей независимость совсем недавно, наблюдается возрождение ислама на родной земле, где проснувшееся коренное мусульманское татарское общество постепенно замещается иммигрантами-мусульманами и, в еще большей степени, постепенно увеличивающейся группой литовцев, принимающих ислам, и их потомками. Тем не менее, мусульмане в Литве — это незначительное меньшинство, не превышающее нескольких тысяч человек в стране, население которой составляет более трех миллионов человек. Определяя число жителей-мусульман, Национальная перепись населения 2001 г. называет цифру 2860, из которых 1679 относят себя к татарам, а 185 — к литовцам.

В настоящее время можно сказать, что мусульманская община Литвы состоит из четырех «культурных» групп, самая большая из которых — литовские татары (всего татар насчитывается 3235 чел. в соответствии с переписью 2001 г.) — описана выше.

Вторая группа — это «колонисты», потомки мусульман, иммигрировавших из центральноазиатских республик и Кавказа и обосновавшихся в Литве в период советской власти. Они составляли вторую и последнюю группу мусульман Литвы советской эры вплоть до обретения страной независимости (их насчитывалось примерно 1400 чел. в 2001 г.). Они — наиболее секуляризованная часть мусульман, не участвующая в исламской жизни Литвы. Например, из всех 788 азербайджанцев (самая большая этническая группа среди колонистов) менее половины, 362 чел., идентифицировали себя как мусульмане.

Третья группа — это иммигранты (примерно 1000 чел., большая часть из которых — чеченцы) и временные жители (примерно 500 студентов, большинство из которых — арабы, а также несколько сотен бизнесменов, в основном — турок). Первые мусульмане-иностранцы прибыли в Литву вскоре после обретения страной независимости. В основном это были студенты с Ближнего Востока (первоначально преимущественно ливанцы), которые стремились получить недорогое и качественное высшее образование в таких областях как медицина и инженерия. В начале 1990-х гг. Литва стала транзитной страной для большого числа незаконных иммигрантов, многие из которых прибывали с мусульманских территорий (Пакистан, Бангладеш, Афганистан). Однако большей части из них было отказано в предоставлении убежища, и, поскольку Литва не была для них окончательным пунктом назначения, они либо покинули страну сами, либо были депортированы.

К концу 1990-х гг. чеченские граждане России все чаще стали выбирать Литву в качестве страны для получения убежища. Большой части из них было предоставлено временное убежище по гуманитарным причинам. Из-за интеграции Литвы в европейские структуры и ввиду ее присоединения к ЕС бизнесмены-мусульмане (многие из которых были турками по происхождению)

как из Европы, так и с Ближнего Востока и других мусульманских стран стали инвестировать средства в литовскую экономику. Многие из них, даже если они обладают статусом беженцев, не расположены к тому, чтобы оставаться в стране, а ожидают возможности продвинуться дальше на Запад, тогда как другие пребывают в стране на временной основе, на период обучения или для ведения бизнеса

Наконец, четвертая группа — это граждане Литвы, 500 чел. или чуть больше, принявшие ислам в течение двух последних десятилетий. Именно они, новообращенные литовцы, наряду с иммигрантами составляют «новый» ислам в Литве. Как и иммиграция, принятие ислама литовцами (будь то этнические литовцы или другие группы — русские или поляки) — это недавний феномен: еще два десятилетия назад практически не было литовцев, обращенных в ислам.

13.3. Организация

Формально главной религиозной организацией литовских мусульман (в соответствии с ее Уставом — «главный руководящий орган литовских мусульман-суннитов») — это Духовный центр литовских мусульман-суннитов, Муфтият, базирующийся в Вильнюсе. Он был восстановлен в 1998 г., и с тех пор в нем преобладают литовские татары. Со времени своего основания Муфтият базируется на территории, принадлежащей государству, в здании в деловой части города, арендуемом Вильнюсской региональной татарской общиной. По соседству с офисом муфтия располагаются несколько учебных комнат и моленная комната, используемая также в качестве помещения для пятничной молитвы. Хутба при этом совершается на турецком языке имамом из Турции.

На сегодняшний день сменилось два муфтия, оба литовские татары, Ромуальдас Криницкис, который занимал пост муфтия с 1998 по 2008 гг., и нынешний муфтий Ромас Якубаускас. Предыдущий муфтий, Ромуальдас Криницкис, был выходцем из Вильнюса и в момент избрания на пост муфтия, ему было 25 лет. Наряду с исполнением обязанностей муфтия, он был имамом приходов Вильнюса и деревни Кырык Татар, где находится одна из четырех исторических мечетей. После передачи обязанностей муфтия Якубаускасу, Криницкис сохранил за собой позицию имама мечети Кырык Татар. Теперешний муфтий, Ромас Якубаускас, уроженец Каунаса, получил религиозное образование в Ливане, где он учился в религиозном колледже с 1992 по 1999 гг. После возвращения в Литву, он занял пост имама мечети Каунаса, который сохраняет и поныне. Якубаускас был избран муфтием в результате выборов 2008 г. В течение первых двух лет он продолжал жить в Каунасе, но, поняв, что это парализует деятельность Муфтията, в 2011 г. в конце концов принял решение переехать вместе с семьей в Вильнюс.

Якубаускас нанял секретаря, который отвечает на телефонные звонки и письма и регистрирует обращения. Муфтий с энтузиазмом относится к возрождению издательской деятельности. Ранее он занимался этим через Каунасское литовское сообщество мусульманской молодежи, которое затем было расформировано. Кроме того, муфтий проводит еженедельные занятия (на которых в большинстве случаев присутствуют молодые литовки, принявшие ислам) и разрешает обращенным использовать помещение для самообучения по выходным. В начале 2011 г. муфтий с эффективностью организовал пан-балтийский недельный лагерь для мусульман, где, опять же, в основном присутствовала балтийская молодежь из числа новообращенных мусульман.

Хотя отцы-основатели Муфтията должно быть видели в своих действиях восстановление того Муфтията, который

функционировал в Вильнюсе в межвоенный период, в настоящее время муфтий Якубаускас, у которого нет ни особой привязанности к Вильнюсу, ни ностальгии по «польскому прошлому», видит Муфтият как абсолютно новую организацию; он сознательно подчеркивает различие между «польским» муфтиятом и организацией, которую он возглавляет.

13.4. Сообщество

Вскоре после того как Литва вновь обрела независимость, ислам был признан государством в качестве одной из девяти «традиционных религий», находящихся под защитой государства. Литовское государство по инерции поддерживает только литовскую версию ислама (т.е. ту, что практикуется татарскими мусульманами Литвы), официально именуемую суннитским исламом. Таким образом, литовские мусульмане, регистрируя свой муфтият в Министерстве юстиции в 1998 г., по их словам, были вынуждены вставить слово «суннитский» в наименование. Как объяснил тогдашний глава вильнюсского прихода Асанавичюс, мусульмане могли рассчитывать на получение финансовой помощи государства только в том случае, если бы вставили слово «суннитский» в название организации. В ином случае их сообщество не было бы признано в качестве организации, относящейся к одной из девяти «традиционных религий». Более того, литовское государство изначально полагало, что мусульманские религиозные организации Литвы — это сообщества литовских татар, исторически относящиеся к суннитам ханафитского мазхаба.

К началу XX в. на территории сегодняшней Республики Литвы насчитывалось только полдюжины мечетей. В советский период все они, за исключением одной в селе Райз, были закрыты, но затем восстановлены и вновь открыты в 90-х. Однако, по

причине недостатка прихожан, три из татарских исторических мечетей, расположенных в деревнях, где когда-то превалировало татарское население, открываются теперь только во время праздников, таких как Рамадан-байрам и Курбан-байрам. Каунасская мечеть с ее динамичным мультикультурным приходом, в основном состоящим из иностранных студентов, преуспела больше, особенно после 2000 г., когда молодой и энергичный этнический татарин с надлежащим исламским образованием Ромас Якубаускас (нынешний муфтий) занял пост имама.

Помимо традиционной пятничной молитвы и хутбы на нескольких языках, в мечети была организована воскресная школа, а также основана религиозная организация — Литовское мусульманское молодежное общество, которое некоторое время очень активно занималось переводом на литовский и издательством мусульманской религиозной литературы. Было отмечено, что примерно дюжина или около того женщин, принявших ислам, постоянно приходит в мечеть Каунаса на пятничную молитву, но при этом они сторонятся пятничной молитвы в молельной комнате в Вильнюсе, объясняя это тем, что действия турецкого имама не соответствуют их ожиданиям, а молитвенное пространство плохо организовано, особенно для верующих женщин. Вместо этого женщины из Вильнюса, принявшие ислам, предпочитают собираться отдельно для совершения коллективной молитвы и самообучения где-нибудь в частном помещении.

И хотя через летние лагеря, организованные Якубаускасом, и другую деятельность, направленную на привлечение татарской молодежи, некоторые из молодых татар открыли для себя свои мусульманские корни и стали больше соблюдать традиции, по большому счету татарское сообщество, очевидно, сокращается вследствие эмиграции, ассимиляции, смешанных браков и, более всего, секуляризации. Из 3235 татар, учтенных в переписи населения 2001 г., только 1679 идентифицируют себя с исламом. Почти

нет надежды на то, что татарское сообщество способно к глубокому изменению религиозной компоненты, что могло бы повлиять на будущий состав мусульманского общества Литвы, не говоря уже о религиозных лидерах. На сегодняшний день литовские татары, большинство из которых относятся к секуляризованному обществу и нерелигиозны до такой степени, что половина из них даже не идентифицирует себя с исламом, похоже являются твердыми приверженцами светского типа государства, что подразумевает отделение религии от государства, но одновременную защиту свободы вероисповедания — такой тип устройства государства более всего подходит подавляющему большинству татар. Их практическое отсутствие на коллективной пятничной молитве в Вильнюсе и Каунасе в очередной раз указывает на потерю литовскими татарами интереса к религии, на что привычным образом жалуются те, кто все еще обращает внимание на соблюдение религиозных предписаний.

Тем временем, помимо соблюдающих предписания ислама иммигрантов и небольшого числа коренных мусульман (татар и «колонистов»), сознательным ядром мусульманского общества Литвы в основном являются те, кто недавно принял ислам. Эта категория почти полностью представлена молодыми мусульманками в возрасте 20–30 лет.

13.5. Новообращенные

Можно говорить о трех типах (или группах) литовских новообращенных, чьим изучением занимались несколько исследователей в Литве [см. Lofland, Skonovd 1981]. Эти исследователи выделили следующие мотивационные категории: интеллектуальный выбор, эмпирический опыт, привязанность, ревайвализм или принуждение (*intellectual, mystical, experimental, affectional,*

revivalist, and coercive, [Lofland and Skonovd 1981: 373–385]), к которым данные авторы добавляют еще несколько «мотивационных предпосылок», среди которых негативизм [Lakhdar et al. 2007: 1–15]. В случае литовских неофитов определенно доминируют привязанность и эмпирический опыт²².

Самая большая группа (до 300 человек) новообращенных — это женщины, гражданки Литвы, которые либо вышли замуж за мусульман, либо поддерживают тесные личные отношения с мусульманами из стран мусульманского большинства. Большинство из этих новообращенных можно отнести к группе, мотивацией которой при принятии ислама являлась привязанность. Или, используя терминологию Стефано Алиеви, этот тип обращения может быть назван «реляционным» (relational, родственный), а само обращение в этих обстоятельствах преследует иную цель (например, замужество), т.е. ислам не является самоцелью [Allievi 2002: 1]. Несмотря на это, многие женщины, вышедшие замуж за мусульман, сами становятся преданными мусульманками, хотя они и не имеют надлежащего религиозного образования. Формально они его вообще не получают.

Вторую группу обращенных (100–150 чел.) можно с осторожностью назвать «искателями приключений» или «любителями», что в свою очередь частично относится к мотивации эмпирического опыта либо к негативистской мотивации. Чаще всего это молодые незамужние и неженатые девушки и юноши. Некоторые из них просто наткнулись на информацию об исламе на просторах Интернета или познакомились с мусульманами в путешествиях и приняли религию, будучи очарованы ею. Такое обращение относится к типу «открытия ислама» по типологии Алиеви [Allievi 2002: 1]. Непосредственно после обращения эти люди с жаром неофитов стремятся максимально приблизиться

²² Сходное распределение можно встретить в исследовании о британцах, принявших ислам, в котором участвовали 70 неофитов [см. Kose and Loewenthal 2000: 101–110].

к религии, они постоянно повторяют дуа и поминания Аллаха или подобные выражения на арабском, используют исламскую символику и одежду.

Третью самую маленькую группу (около 50 чел.), относимую к мотивации интеллектуального выбора, можно назвать «духовными искателями», чье обращение, используя терминологию Алиеви [Ibid.: 1], относится к типу «рационального принятия». Обычно, это люди, пришедшие к исламу через другие религиозные искания, через другие традиции, движения, культы. Другими словами, они прошли своеобразную «карьеру обращений»²³. Как правило, это — женатые мужчины средних лет, чьи семьи и работа связаны с Литвой. Иногда им удается убедить принять ислам и членов своих семей. Эти новообращенные погружаются в религиозное самообразование: они анализируют Коран и хадисы и поглощают религиозную литературу в поисках того, что, по их мнению, является сутью ислама. Некоторые из них очарованы тем, что исследователи называют «этическим» исламом, где преобладает мистическое направление религии или суфизм [Jensen 2006: 646].

Литовские новообращенные мусульмане жаждут религиозных знаний и руководства, что, в общем, справедливо для всех неофитов. Но отсутствие религиозной аффилиации и принадлежности к определенному мазхабу (поскольку большинство обращенных не принимают никаких классических обрядов) имеет свои достоинства: отсутствует догматизм или давление с целью навязать «единственно верную» исламскую догму, благодаря чему обращенные в ислам свободны в поисках и принятии «лучших практик» из любых источников. Однако решительность новообращенных быть лучшими среди своих братьев и сестер по вере в соблюдении религиозных предписаний иногда ведет к крайностям.

²³ Подробнее о термине «карьеря обращения в религию» (conversion career) см. [Richardson 1978].

Например, в дискуссиях и обсуждениях на форуме *islam.lt* обращенные в ислам постоянно подчеркивают ощущаемое ими различие между теми, кто является мусульманами по праву рождения («культурными мусульманами») и «истинными» мусульманами, которыми они стремятся быть. Такая позиция зачастую затрудняет общение с мусульманами по рождению, поскольку, как справедливо отмечает Джансен, новообращенные зачастую оказываются в конфликтной ситуации, относящейся к так называемым «культурным различиям». Он излагает это как «неспособность мусульман по праву рождения отличить ислам от культуры и традиций» [Jensen 2006: 647]. Например, один из принявших ислам риторически вопрошает: «Нормально ли то, что некоторые братья и сестры, веря в единого Бога, предпочитают культурные традиции религиозным?». В конце концов, зачастую это приводит к комичной ситуации, когда обращенные отрекаются от людей, рожденных мусульманами, поскольку последние не делают надлежащие вещи «правильно» или за то, что мусульмане не живут согласно принципам, «являющимися ключевыми» для мусульманина [Jensen 2006: 646]. Другими словами, позицию литовских обращенных можно описать как враждебную по отношению к литовской (в географическом смысле) культуре в целом и к субкультуре литовских татар (в этническом смысле) в частности, поскольку в их глазах она не является исламской.

13.6. Заключение

Литовские татары, номинально сохранившие свою мусульманскую идентичность, оказываются гораздо менее осознанными в религиозном смысле, чем можно было бы ожидать от мусульман в целом. Следовательно, у них не возникает практической надобности в религиозном органе власти или религиозном

руководстве. Они противостояли появлению такого руководства, пока это было возможно, особенно когда его им пытались навязать извне. Советский период способствовал ускоренной секуляризации татар, большинство из которых, по-прежнему не соблюдают религиозных предписаний, и даже в целом являются агностиками, даже после того, как Литва обрела независимость и религиозным сообществам вновь стало позволено свободно и открыто исповедовать свою религию. Большинство литовских татар сегодня видит в религии просто культурную особенность, относящуюся к их этничности.

В отличие от татар, большинство литовцев, обращенных в ислам, которых с осторожностью можно назвать ядром практикующего мусульманского общества Литвы, исключительно религиозны и набожны. Для многих из них быть мусульманином обозначает определенное состояние сознания, поэтому они, как правило, принимают религию в полном ее объеме, целостно, со всеми вытекающими из этого последствиями для их повседневности. И хотя сегмент обращенных мусульман — это пока что меньшинство среди номинального сообщества мусульман Литвы, он привлекает все больше сторонников (при этом татарское сообщество, особенно религиозная его часть, быстро уменьшается). Принимая во внимание также иммигрантов, можно сказать, что литовские обращенные рано или поздно неизбежно станут силой, а может быть и доминирующей силой, как внутри мусульманского сообщества страны, так и в отношениях этого сообщества с государством и немусульманским большинством.

Глава 14

Босния и Герцеговина

14.1. Мусульманское население

Согласно последней официальной переписи в Боснии и Герцеговине (далее БГ или Босния), проведенной в 1991 г., 1 902 956 (или 43,5%) из 4 377 033 жителей страны объявили себя «мусульманами» по национальному признаку. Поскольку этническая и религиозная идентичность в значительной степени пересекаются в случае всех трех составляющих этнических общин в Боснии, этот показатель обычно принимается за показатель количества приверженцев ислама. В этом смысле, большинство хорватов, как правило, считаются римскими католиками, то время как большинство сербов считаются православными христианами. Мусульмане были признаны одной из национальностей Югославии в конце 1960-х гг. Название «мусульмане» было заменено на «боснийцы» как национальное определение боснийских мусульман в 1993 г. До войны 1992–95 гг. значительное число мусульман называли себя «югославами». Из-за связанных с войной смертей, гонений, внутренней и внешней миграции, численность и демографическое распределение этнических групп в Боснии и Герцеговине существенно изменились.

По оценкам Агентства по статистике Боснии и Герцеговины, в стране проживает 3 842 265 человек, в то время как CIA World Factbook определяет общую численность населения Боснии в 2008 г. в количестве 4 613 414 граждан, из которых 48% относятся к боснийцам, 37,1% — к сербам, 14,3% — к хорватам и 0,6% других национальностей, более 1,3 миллиона из них живут за границей.

Принято считать, что ислам появился в Боснии с войсками Османской империи в XV в. Боснийские мусульмане в основном являются потомками христиан (католики, православные, или приверженцы вымершей средневековой боснийской церкви), которые приняли ислам за четыре века османского владычества с середины XV в. до 1878 г., когда Босния стала частью Австро-Венгерской империи до 1918 г.. С 1918 до 1992 г. территория нынешнего боснийского государства являлась составной частью трех стран, в том числе Королевства Югославии (1918–1941), Независимого государства Хорватии (1941–1945), и коммунистической Югославии (1945–1992).

В феврале 1992 г. в Боснии состоялся Референдум о независимости от Югославии, уже объявленной Словенией и Хорватией, который был бойкотирован большинством боснийских сербов. В марте 1994 г. боснийцы и хорваты подписали соглашение о создании совместной боснийско-хорватской федерации Боснии и Герцеговины. После войны зверства завершились геноцидом в Сребренице в июле 1995 г., в декабре того же года было подписано мирное соглашение в Дейтоне (США), завершив таким образом кровопролитие, длившееся на протяжении трех лет и разделив Боснию и Герцеговину на Федерацию Боснии и Герцеговины (боснийские и хорватские общности занимают преобладающее положение на 51% территории), и Республику Сербскую (сербские общности преобладают на 49% территории страны), со стратегическим центром в городе Брчко на севере в качестве отдельного района.

14.2. Ислам и государство

Босния и Герцеговина является светским государством без официальной религии. Государство определило свои отношения с церквями и религиозными организациями в Законе о свободе

религии и правовом статусе церквей и религиозных организаций в Боснии и Герцеговине, который был принят в 2004 г. Закон предусматривает свободу вероисповедания и отсутствие религиозной дискриминации, утверждает правовой статус церквей и религиозных общин, и устанавливает отношения между государством и религиозными общинами. В 2006 г. Католическая церковь, а в 2008 г. и Сербская Православная Церковь подписали базовые соглашения с государством, в то время как Исламские сообщества в Боснии и Герцеговине (далее ИСБГ), после некоторых колебаний, только готовятся подписать аналогичное соглашение.

Индивидуальные религиозные общины, в том числе ИСБГ, получили специальное финансирование своих проектов, особенно для реконструкции мест отправления религиозных обрядов. Большинство из десятка религиозных школ, в том числе исламских, также регулярно поддерживается за счет государственных средств. Однако Закон о свободе вероисповедания также предусматривает возможность государственного финансирования для других нужд. Помимо согласованных усилий всех религиозных общин для решения вопроса об их собственности, национализированной в период коммунистического правления, ИСБГ вместе с католической и православной церквями в настоящее время обратились в соответствующие государственные инстанции с просьбой взять на себя оплату пенсий и медицинского страхования для своих имамов, священников и пасторов.

14.3. Основные мусульманские организации

Основной мусульманской организацией в стране является Исламское сообщество Боснии и Герцеговины (Islamska zajednica u Bosni i Hercegovini, www.rijaset.ba). ИСБГ согласно своей Конституции, является «единственной и единой общиной

мусульман в Боснии и Герцеговине, боснийцев за пределами своей родины, и других мусульман, которые принимают ее как свою собственную. Автономия ИСБГ основана на религиозных и правовых учреждениях боснийских мусульман с момента установления османского правления в Боснии».

ИСБГ признано государством как учреждение, которое традиционно представляет ислам в Боснии и Герцеговине. Оно является независимым в регулировании своей деятельности (ритуалы, исламское образование, распределение исламских пожертвований, издательская деятельность, благотворительность и т. д.), может управлять своим имуществом, и финансируется в основном через вакуфы, членские взносы, закят, садакат аль-фитр, курбан и на поступления от приносящих доход учреждений, подарки и наследство.

ИСБГ включает 9 муфтиятов в Боснии, включая военный муфтият как сверхтерриториальное образование, и 5 месхихатов в Словении, Хорватии, Санджаке в Сербии, Германии и Австралии, наряду со многими другими зонтичными организациями, объединяющими боснийских мусульман в США, Австрии и других европейских странах на основе их этнорелигиозной самобытности. Риязат является основным исполнительным органом ИСБГ, возглавляемый Раис аль-улема (президент Риязата и главный муфтий, или верховная власть ИСБГ), должность, которую принял Мустафа Церич с 1993 г.

Помимо Управления по делам боснийской диаспоры, Управления хадж и Управления по связям с исламским миром, основные институты ИСБГ включают в себя дирекцию вакуфа, издательский центр Эль-Калем, центр исламской архитектуры, мусульманское информационное агентство (МИНА), Агентство по сертификации качества халала, библиотеку Гази Хузрев-Бей, Ассоциацию исламских ученых (Ilmijd), тариках центр и недавно созданную радиостанцию VIR. Образовательные учреждения, управляемые ИСБГ включают шесть исламских вузов и медресе,

светскую школу (Bosnjacka gimnazija) и три факультета (см. ниже). Все контактные данные представлены на главной веб-странице ИСБГ www.rijaset.ba.

В Боснии и Герцеговине насчитывается около 1700 мечетей и масджидов, все находятся под управлением ИСБГ. Большинство мусульманских деревень и городов, где есть влиятельная община мусульман, имеет мечеть или масджид, которая датируется со времен Османской империи, или построена местными жителями. В больших городах, таких как Сараево, Зеница или Бугойно, были построены ряд мечетей после войны в качестве подарка от дружественных стран, таких как Саудовская Аравия, Египет, Индонезия, Малайзия, Иордания и Кувейт. Многие мечети все еще на реконструкции после того, как они были уничтожены или повреждены во время войны, в то время как другие представляют собой новые здания. ИСБГ сообщает, что 613 мечетей, 218 масджидов, 69 мактабов, 4 завиаса, 37 тюрбе и 405 других различных видов собственности вакуфа были полностью разрушены в ходе войны 1992–95 гг.

14.4. Образование

Хотя статус религиозного образования (CRE) в боснийских государственных школах, в том числе исламского религиозного образования, менялся с течением времени от округа к округу, от одной общности к другой, сегодня в целом это факультативный курс, с обучением один час в неделю в первых двух классах средней школы, и один или два часа в неделю в других классах начальной школы. Исламские преподаватели обучаются и одобряются ИСБГ, но принимаются на работу и оплачиваются только государственными школами.

Несмотря на то, что статус CRE в боснийских государственных школах уже не подвергается сомнению, остается вопрос

о том, как и в какой форме представить курс светских религиозных наук, известных как «Культура религий» или «История религий», в школах. В течение многих лет некоторые местные и международные организации во главе с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) пытаются ввести такой годичный обязательный курс, но с ограниченным успехом. Был достигнут некоторый успех, но курс все еще находится на экспериментальной стадии. В 2008 г. религиозное образование также было введено в качестве факультатива в государственных дошкольных детских садах в Сараево.

ИСБГ руководит шестью исламскими вузами и медресе: медресе Гази Хузрев-Бей (одно из старейших, основанное в 1537 г.) в Сараево, Бехрам-бек медресе (основано в 1626 г., восстановлено в 1993 г.) в Тузле, МКЦООС Ибрагим-паша медресе (основано в 1706 г., восстановлено в 1993 г.) в Травнике, медресе Осман-эфенди Реджович (основано в 1992 г.) в Високо; Джемалудин-эфенди Каузович медресе (основано в 1993 г.) в Казина, и Карадож-Бей медресе (основано в 1557 г., восстановлено в 1995 г.) в Мостаре. Программа медресе значительно изменилась за последние десять лет, происходит их трансформация из учреждений для подготовки имамов и преподавателей исламского религиозного образования в обычные средние школы с дополнительной религиозной учебной программой. Около 400 студентов (примерно равное число мальчиков и девочек в последние годы) выпускаются ежегодно из этих шести школ, и большинство из них продолжают обучение в государственных университетах. Только 10–15% выбирают исламские науки.

В исламской общине существуют три основных высших учебных заведения. Факультет исламских исследований в Сараево, основанный в 1977 г., в настоящее время предлагает три различных учебных программы, включая исламскую теологию, религиозную педагогику, и подготовку имамов. Около 300 студентов-очников

и столько же заочников составляют число студентов и аспирантов, обучение ведется на боснийском языке. До настоящего времени факультет окончили 580 студентов и студенток вдобавок к 25 магистрам и 15 кандидатам наук. Факультет также предлагает получение диплома в области исламских исследований, 3-месячную программу на боснийском и английском языках для мирян и женщин без получения ученой степени.

Исламские педагогические факультеты в Зенице и Бихаче были созданы в 1993 и 1996 гг., наряду с Исламской академией педагогики с двухлетней программой подготовки учителей для обучения исламу в государственных школах. Оба получили статус университетских факультетов в 2006 г. Факультет в Зенице в настоящее время предлагает 3-годичную программу на трех различных факультетах, что ведет к получению степени бакалавра исламской педагогики, социальной педагогики и дошкольного образования. Факультет в Бихаче является самым малым из трех, и в настоящее время предлагает только степень бакалавра исламской педагогики. Таким образом, приблизительно 600 студентов окончили факультет в Зенице, а факультет в Бихаче выпустил 291 студента. С недавнего времени факультеты в Сараево, Зенице и Бихаче являются дочерними институтами университетов Сараево, Зеницы и Бихача соответственно.

14.5. СМИ

Старейшим печатным периодическим изданием является *Glasnik* (Вестник) – официальный журнал ИСБГ, выходящий раз в два месяца (основан в 1933 г., тираж 2200 экз.). Крупнейшей и наиболее влиятельной газетой ИСБГ, выходящей раз в две недели, является *Препород* (Возрождение, основанная в 1970 г., тираж около 25 000 экз., www.preporod.com), которая освещает все виды

деятельности ИСБГ, наряду с мусульманскими событиями в более широком европейском регионе и мировые новости, касающиеся ислама и мусульман. ИСБГ выпускает ежегодный Таквим, исламский календарь с сопроводительными статьями по актуальным вопросам религии, культуры и общества (тираж 50 000 экз.). Ассоциация улема издает образовательный ежеквартальный журнал Нови Муаллим (Нью-муаллим, тираж 2000 экз.). Исламские факультеты и медресе также имеют свои собственные студенческие журналы, старейший из них *Zemzet*, студенческий журнал Гази Хузрев-Бей медресе (впервые опубликован в 1968 г., тираж около 1000 экз.). Два независимых исламских журнала издаются в Зенице: Нови Горизонты («Новые горизонты», основан в 1997 г., тираж около 3000 экз.) и Про-Салафи Сафф (линия, основанная в 1998 г., тираж около 5000 экз.). Факультет исламских наук выпускает *Zbornik FIN* — ежегодный научный сборник научных работ его сотрудников (впервые опубликован в 1989 г., тираж 300 экз.). Библиотека Гази Хузрев-Бей (основана в 1537 г., с коллекцией более 10 000 восточных рукописей) издает летописи (*Anali*, впервые опубликована в 1972 г., тираж около 500 экз.), в которую вошли исследования и тексты в области исламоведения, истории и библиографии. Есть также несколько суфийских изданий: ежеквартальный журнал *Kelamu-L-Sifa* (впервые опубликован в 2004 г., с переменными выпусками) и более зрелые издания, *Sebi Arus* (впервые опубликован в 1982 г.). В ноябре 2006 г. ИСБГ создало радио- и телевизионную станцию БИР, которая до тех пор выпускала только радиопрограммы.

14.6. Межрелигиозные отношения

Боснийская война явилась первым проявлением внешней агрессии, но в ней также имелись элементы гражданской войны. Это сказалось на качестве межрелигиозных отношений в стране. Как

результат, Босния и Герцеговина стала полигоном для различных межрелигиозных мероприятий и проектов, в целом инициированных совместно различными местными и международными субъектами. ИСБГ является соучредителем и членом Межрелигиозного совета Боснии и Герцеговины (IRC, www.mrv.ba), который был создан в 1997 г. совместными усилиями представителей четырех традиционных религиозных общин Боснии и Герцеговины в целях поощрения межрелигиозного диалога и примирения, а также для представления общих интересов и деятельности религиозных общин в Боснии перед государством. В настоящее время представителем ИСБГ в составе совета является муфтий Сараево Хусейн Смаджич. В соответствии с Протоколом о сотрудничестве, подписанным между IRC и Советом министров Боснии и Герцеговины в 2008 г., правительство взяло на себя задачу обеспечить ежегодную финансовую поддержку деятельности IRC.

Представители и члены ИСБГ также активно участвуют в деятельности Межрелигиозного института Боснии и Герцеговины (www.mri.ba), созданном в 2007 г. с основной целью облегчения контактов и сотрудничества между религиозными общинами в стране и в более широких областях гражданского общества. Международный форум Босна (www.ifbosna.org.ba) и другие подобные НКО являются организациями, в рамках которых мусульмане направляют свои усилия на восстановление межрелигиозного доверия и отношений.

Особенно признанным вкладом в налаживание межрелигиозного диалога и взаимопонимания является вклад д-ра Мустафы Церича, действующего Раис аль-улема. Награды, которых он удостоился за свои усилия в этой области, включают премию Феликса Уфуэ Буаньи ЮНЕСКО в 2003 г., премию сэра Стейнберга Межрелигиозного совета христиан и евреев в 2004 г., премию Теодор-Хойса в 2007 г. и премию Юджина-Бисера в 2008 г. Кроме того, он является одним из подписавших Открытое письмо

мусульманских деятелей, которое представляло собой ответ на выступление Папы Бенедикта XVI в Регенсбурге («письмо 139», 13 октября 2006), и входит в число подписавших «Общее слово между нами и вами», — обращение ко всем христианским церквям наладить диалог на основе любви к Богу и любви к ближнему («Письмо 138», 13 октября 2007). Доктор Церич возглавлял международную делегацию мусульман на католическо-мусульманском форуме в ноябре 2008 г. в Ватикане.

В эти дни, боснийские мусульмане сталкиваются со многими трудностями и проблемами. Они все еще являются жертвами войны, в результате которой их изгнали из своих домов и рассеяли по всему миру. Проблему обеспечения устойчивого возвращения следует подчеркнуть здесь и сейчас. Первым и основным вопросом жизни мусульман сегодня является слабая экономика и повышение уровня жизни с тем, чтобы люди могли жить своим трудом.

Вторая проблема является чисто политической, но в то же время гораздо более сложной. Босния и Герцеговина имеет весьма запутанный государственно- административный аппарат: государство, состоящее из двух образований, Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской, один округ (Брчко) и десять кантонов Федерации. Таким образом, существование такого числа администраций и еще большего количества министров и государственных чиновников означает, что страна тратит гораздо больше средств на администрацию, чем на развитие своей промышленности и экономики.

Глава 15

Страны Центральной и Восточной Европы

Данная глава посвящена исламу на территории Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Эта территория практически не представлена или слабо представлена в европейском дискурсе об исламе и мусульманах. Глава начинается с общего обзора ситуации. Затем анализируется роль приезжих мусульман. Наконец, затрагиваются вопросы взаимоотношения приезжих мусульман и коренных мусульман. В заключительной части представлены выводы. Понятие Центральной и Восточной Европы используется как в узком, так и в широком смысле. В первом случае оно относится, прежде всего, к странам Вышеградской группы (то есть Чехия, Венгрия, Польша и Словакия). В широком смысле это понятие также охватывает крупную часть Центральной и Восточной Европы, которая включает в себя славянские и финно-угорские страны бывшего советского блока.

15.1. Общий обзор ситуации

Более пристальный взгляд на распределение мусульман в Европе обнаруживает белое пятно, которое простирается от Финляндии, на севере, через страны Прибалтики и Вышеграда к Молдове и Румынии, на юго-востоке. Ни в одной из этих стран число мусульман не превышает 100 тысяч человек или в среднем 1% от общего населения. В то же время, большинство из этих стран

имеют очень долгую историю взаимодействия с исламом и мусульманами, делящуюся с X в., то есть лишь на 300 моложе, чем первое появление ислама на европейском континенте в Аль-Андалусе и Сицилии. Так, в Венгрии встречались бесермены, которые, вероятно, прибыли из Средней Азии в X в. и оставались мусульманами до тех пор, пока большинство из них не были насильственно крещены, в результате чего сообщество исчезло в XIII в.

Начиная с XIV в., татары-липки, прибывшие с монголами, заселяли части Литвы, Польши, Беларуси, Украины и Румынии. В XIX в. небольшие общины татар мигрировали также в Латвию и Эстонию, но на этот раз из Европы. Татары были очень разнообразной группой, и вскоре они адаптировались к местному образу жизни. За исключением Крымского ханства (1441–1783), которое было самым долговременным татарским государством в Европе, а также за исключением нескольких случаев восстаний (например, восстание польско-литовских татар в Польше в 1672 г.), они всегда оставались верны своим европейским принимающим странам, которые вскоре стали их родиной. В европейской истории они, в основном, всегда упоминались в качестве воинов, которые боролись за независимость Польши и поддерживали Наполеона в войне против России.

В Чешской Республике, Словакии и Молдове присутствие мусульман является новым феноменом, и, как новички, они должны были трудиться, чтобы получить признание и институализацию их религии. Словакия, по-видимому, является единственной европейской страной, в которой нет мечетей. В Молдове мусульманская община только что была официально признана государством, это шаг, который, несмотря на несколько спорных моментов, свидетельствует об улучшении политического климата для развивающихся мусульманских общин.

Юго-восточная часть Европы намного разнообразнее, когда речь идет о численности мусульман в составе населения.

В Хорватии, Словении и Сербии доля мусульман не превышает 3%, в то время как в Албании и Косово практически каждый придерживается ислама. Сюда относится как исламизированное автохтонное население, например помаки в Болгарии, албанцы или боснийцы, так и турецкое население, которое обосновалось на Балканах после отступления армии Османской империи в XIX в. Мусульманское население на Балканах очень разнообразно, и оно часто внутренне разделено по этническому или языковому признаку. Религия не всегда играет роль решающего фактора идентичности. Часто эта роль отводится языку, как и в случае с косовскими албанцами или мусульманами Санджака в Черногории. Кроме языка важна и этническая принадлежность, как в случае с македонским мусульманским населением, в котором численно преобладают албанцы, но также турки, торбеши (славянский язык) и цыгане-мусульмане.

Даже беглый взгляд на мусульманские общины в Центральной и Восточной Европе показывает их большое разнообразие, при этом ислам и автохтонный характер являются их единственным общим знаменателем. Более того, здесь вряд ли найдется хоть какое-то сходство с мусульманскими общинами старого Европейского Союза, которые также крайне разнородны. Попытки объединить Центральную и Восточную Европу и западноевропейских мусульман достаточно рискованны или очень сложно реализуемы. Перспективы мусульманского иммигранта или гражданина западноевропейского государства трудно связать с перспективами мусульманского коренного жителя, чья семья проживает на протяжении веков в своей деревне или городе Центральной или Восточной Европы. Расхождение отражается, например, в социальной дистанции между татарами и мусульманскими иммигрантами в Польше, которые имеют собственную организацию, разные цели и конкурируют друг с другом за то, чтобы представлять ислам. Татары имеют историческое превосходство как появившиеся

первыми в Польше, и их религиозное объединение является официальным представителем ислама в Польше; иммигранты, с другой стороны, численно превосходят татар, по крайней мере, в три раза, а некоторые из них (особенно арабы) имеют лучший доступ к религиозным источникам.

Аналогичная напряженность наблюдается и в Литве — здесь преобладает «этнический литовский ислам», который признан государством. Приезжие из мусульманских стран воспринимаются как конкуренты в гонке за государственным финансированием, но, прежде всего, они бросают вызов местной религиозной практике, которая рассматривается арабами как «неисламская». Стоит отметить, что мусульманская иммиграция не всегда приводила к столкновениям с местным населением. Болгария может служить примером этого. Иммигранты составляют там меньшинство внутри мусульманской общины, и ее этническое (турки, помаки, цыгане, татары и др.) и конфессиональное (суннитское большинство, шииты, алевиты, суфии и др.) разнообразие способствует поглощению иммигрантов. Руководитель совета муфтиев является представителем всех мусульман Болгарии, независимо от их этнической принадлежности.

Расхождение между «своими» мусульманами и мусульманами-иммигрантами в Центральной и Восточной Европе также отражается и на позиции широкой общественности. По данным опроса, проведенного в Литве, 39% респондентов не хотели бы иметь мусульман по соседству, но только 17% будут возражать против татарского соседа. Около 11% болгар вступили бы в брак с арабом, но 22% не возражали бы против брака с болгарским мусульманином; также вопросы о социальной близости болгарских мусульман набрали почти вдвое больше положительных ответов, чем вопросы о социальной близости арабов. В Польше подобных исследований не проводилось, но раскол между «нашими старыми мусульманами» и «теми» иммигрантами заметен в дискурсе

СМИ. Интересно, что «настоящие» мусульмане обычно вызывают более негативное отношение, чем надежно идентифицируемые автохтонные мусульмане (например, татары, болгарские мусульмане). Это означает, что стереотип «своих» мусульман построен иначе, чем стереотип «иммигранта», особенно в отношении роли религии. Так, в соответствии с приведенным выше исследованием, когда дело доходит до стереотипов «арабского» и «болгарского» мусульманина, то первый обычно воспринимается, как религиозный, фанатичный и богатый, а второй — трудолюбивый, энергичный и любезный. В глазах общественности религиозность вообще не является отличительной чертой болгарских мусульман.

15.2. Приезжие мусульмане

В отличие от Западной Европы, Центральная и Восточная Европа никогда не была популярным местом для иммиграции. В самом деле, большинство стран данного региона являются международными поставщиками рабочей силы. У стран Центральной и Восточной Европы никогда не было колоний, поэтому там отсутствует историческая связь с каким-либо неевропейским регионом. После Второй мировой войны эта территория стала более изолированной от внешнего (то есть западного) мира. После развала советского блока в 1989 г. Центральная и Восточная Европа открыла свои границы, но тогда наблюдался только незначительный поток иммиграции. Государства были слишком слабыми и уязвимыми, чтобы привлечь иностранцев, в то время как социалистическое прошлое не было таким уж отягощающим фактором.

Присоединение к Европейскому Союзу некоторых стран ЦВЕ в 2004 и 2007 гг. способствовало умеренному росту

иммиграции. По сравнению со старым Европейским союзом, новые члены ЕС имеют более низкий ВВП на душу населения и могут обеспечить лишь слабую социальную поддержку для иностранцев. Славянские и финно-угорские языки вряд ли известны за пределами Центральной и Восточной Европы и России, в то время как знание английского или французского языков в странах ЦВЕ ниже, чем в западной части континента. Это ограничивает профессиональные возможности иностранца только физической работой (где меньше необходимость общаться) или международными компаниями (где каждый общается на иностранном языке).

Страны Центральной и Восточной Европы находятся на более ранней стадии столкновения с «другими» (при условии, что это линейный процесс) в сравнении с их западными коллегами. Большинство «других» являются гражданами соседних стран и часто пользуются статусом национального меньшинства. Существуют коренные этнические группы, которые жили на одном месте в течение веков и стали хорошо знакомы представителям основного общества, или даже влились и стали частью местной культуры. «Далекие другие», то есть приезжие из стран со значительным культурным своеобразием, начали пребывать лишь недавно, и их число по-прежнему невелико. За исключением стран Вышеграда (Польша, Словакия, Венгрия, Чехия), другие страны Центральной и Восточной Европы легко можно квалифицировать, как мультикультурные, однако это, своего рода, пограничная мультикультурность, которая не обязательно приводит к большей терпимости по отношению к «дальним другим».

Прямой контакт с «далекими другими», то есть с неевропейскими народами, ограничен. В то же время, косвенный контакт — особенно через средства массовой информации — сопоставим с зафиксированным на остальной территории Европы. Дискурс СМИ об исламе сфокусирован на международной

политике и общей ситуации в Западной Европе. Очень редко можно встретить информацию о местных мусульманских общинах. Мнение зрителей Центральной и Восточной Европы (за исключением Балкан) об исламе, таким образом, формируется из внешних источников. Обычно, хорошо интегрированные и спокойные местные мусульмане становятся жертвами этого «сдвинутого» дискурса.

Можно утверждать, что среднестатистический житель Центральной и Восточной Европы никогда не встречал приезжих мусульман (в связи с их малым количеством), и не слышал о каких-либо проблемах, вызванных местным мусульманским населением. Тем не менее, если задать вопрос о национальной симпатии или антипатии, то респондент определенно укажет на мусульман как на неприятную группу. В Литве мусульман ставят на 4-е место, как наименее желательных этнических или религиозных соседей, они оказались лучше только чеченцев (которые также являются мусульманами), Свидетелей Иеговы и цыган. В Румынии люди указывают на огромную социальную дистанцию между румынами и арабами или цыганами, и единственным значительным отличием является то, что они более негативно настроены к арабам, посещающим Румынию, и цыганам, проживающим в Румынии. Кроме того, арабы являются наименее приятной группой иммигрантов (данные свидетельствуют о том, что они в два раза менее привлекательны, чем азиаты и жители Южной Америки). В Латвии около 38% людей считают, что мусульманам должно быть отказано во въезде в страну, а 44% желают видеть мусульман в стране только в качестве туристов. В Польше, по данным ежегодных опросов, арабы уже много лет — наравне с румынами — занимают последнее место в списке предпочтительных национальностей. Это можно было бы назвать «платонической исламофобией» — негативное отношение к несуществующим мусульманам.

15.3. Мусульмане ЦВЕ и европейское мусульманство

История контактов между Европой и исламским миром восходит к зарождению ислама в VII в. За 14 веков модели взаимоотношений и позиции менялись. На данный момент можно говорить о складывании «европейского мусульманства», но эта фаза развития характерна, прежде всего, для стран первого эшелона исламизации. Тем не менее было бы ошибкой утверждать, что мусульманское присутствие в Центральной и Восточной Европе, особенно на Балканах, не является вариантом европейского мусульманства. По-видимому, отсутствие мусульман ЦВЕ в европейских исследованиях по исламу вызвано ограниченным доступом к исследованию мусульман в странах Центральной и Восточной Европы.

Причиной отсутствия темы центральноевропейского и восточноевропейского ислама в мейнстриме исследований является отсутствие доступа к соответствующей литературе и полевой работе. Полевые исследования требуют свободного владения славянскими и финно-угорскими языками, а знание английского языка значительно ниже в Южной и Восточной Европе в сравнении с Западной²⁴. Местный проводник был бы также весьма желателен, поскольку доступ к мусульманским общинам в некоторых странах ЦВЕ может быть ограничен, в связи с их малым числом или из-за их жизни в закрытых сельских общинах, в которых с подозрением относятся к посторонним. В странах Центральной и Восточной Европы, где имеет место маргинализация исламского населения, достаточно проблемно вообще найти мусульман. Нельзя встретить мусульманина просто на улице, хотя статистически один человек из тысячи придерживается ислама. Мусульмане также могут

²⁴ Если не считать Хорватию и Словению, то знание английского языка в странах ЕС из Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы колеблется между 11% (Латвия) и 23% (Эстония, Румыния). В Хорватии 41% респондентов заявили, что они могут поддержать разговор на английском языке, а в Словении — 34%. В ЕС среднее число людей, владеющих английским, составляет 30% [Eurobarometer 2006: 144].

посчитать новые исследования скучными, не захотеть заполнять опросники или давать интервью. Это также связано с новой тенденцией в написании диссертаций об исламе по общественным и гуманитарным наукам. Существует множество интернет-запросов от студентов, которые стремятся найти мусульманских респондентов для своих работ. В Польше имеются несколько «дежурных мусульман» — татар, обращенных и иммигрантов — на которых обычно ссылаются, если эссе должно быть закончено к сроку, или статья должна быть срочно написана. Иногда случается, что мусульмане искажают информацию, или их слова потом искажаются в средствах массовой информации; многие из них стесняются говорить с исследователями или журналистами. Хороший способ получить информацию — это найти инсайдера. Тем не менее, это требует установления многочисленных контактов. Среди групп, доступ к которым сравнительно прост, можно отметить чеченских беженцев, поскольку они остаются в центрах для беженцев и относительно многочисленны (примерно 5000 человек в Польше).

В результате, ислам ЦВЕ продвигается по всему миру и на Западе, лишь парой исследователей, которые интересуются этой частью мира, или людьми с Востока, которые живут на Западе. Сейчас Центральная и Восточная Европа включена в более широкие рамки исследований автохтонных мусульманских общин — татар (Балтийские страны, Польша, Беларусь) и тюркских народов (Балканы, Венгрия). Прорыв был сделан ежегодным журналом *«Мусульмане в Европе»* (Brill, вып. 1, 2, 2010–2011). В первом томе представлены профили всех европейских стран, при этом две из шести статей во втором томе относятся к проблемам Центральной и Восточной Европы (исламское образование в Болгарии и на Балканах).

Просмотрев литературу по Центральной и Восточной Европе и по западным мусульманам, можно сделать вывод о том, что имеющиеся подходы существенно различаются. Западный

подход фокусируется на миграционных исследованиях, в то время как Восточный — на этнографии и истории. На формирование такого акцента влияет сам предмет исследования. В случае с мусульманскими иммигрантами и их детьми, решающее значение имеет изучение процессов интеграции и аккультурации, а также институционализации ислама и возникновения мусульманской идентичности. Вопрос заключается в том, как традиционные культуры адаптируются к светским и либеральным реалиям запада. Проблемы, которые ставятся при исследовании автохтонных мусульман Центральной и Восточной Европы, совсем иные: на каком языке они привыкли говорить, как менялось их чувство этнической и национальной принадлежности на протяжении веков, каково их отношение к недавно начавшейся миграции из мусульманских стран. Ядро составляет не столько вопрос об аккультурации, сколько вопрос о сохранении традиций. Западный постмодернизм это не проблема, не точка отсчета, поскольку он еще не проник во многие области ЦВЕ; он, конечно, является угрозой для мусульман, но не более чем для любой другой религиозной группы.

К тому же, модели религиозности в Центральной и Восточной Европе и у мусульман-иммигрантов являются разными. Это наиболее ярко отражено в напряженности отношений между татарами и мусульманскими общинами иммигрантов в Польше и Литве. Сосуществование было мирным и взаимовыгодным до конца 1990-х гг., когда автохтонные мусульмане помогали товарищам по вере найти свое место в Центральной и Восточной Европе с ее многообразием сообществ, в то время как иммигранты (в основном из арабских стран) помогали автохтонным мусульманам с религиозным образованием. Арабский язык никогда не был родным ни для одной из местных мусульманских общин ЦВЕ, а так как они жили вдалеке от исламского мира и на протяжении многих лет имели ограниченную связь

с международной уммой, то даже элементарные знания арабского являлись редкими, не говоря уже о понимании оригинального текста Корана. Это часто относилось и к местным религиозным ученым, которые были далеки от того, чтобы свободно говорить на арабском языке. Таким образом, новоприбывшие мусульмане открыли доступ к религиозным источникам, которые были неизвестны мусульманам Центральной и Восточной Европы. Однако этот первоначальный симбиоз скоро превратился во взаимное поучительство. Европейский ислам Центральной и Восточной Европы является этническим, и он далек от того, чтобы быть универсалистским; на Западе же ислам ориентирован на универсализм, и, следовательно, он отделен от этнических и национальных элементов.

Возникает вопрос: сопоставимы ли эти две группы вообще? Исследователи из Центральной и Восточной Европы отчасти находятся в лучшем положении, потому что они еще могут применять западную методологию для изучения случаев недавней мусульманской иммиграции или современных автохтонных мусульман. Это, однако, очень трудно делать, так как не существует достаточной научно-исследовательской базы. Исследователям Центральной и Восточной Европы легче идти по хорошо проторенному пути и обращать внимание на то, что всегда являлось приоритетным — например, изучение этнологии и истории местных мусульман.

15.4. Выводы

Хотя Центральная и Восточная Европа разработала свою уникальную модель европейского мусульманства, в которой автохтонные исламские общины вносят свой вклад в местную и национальную культуру, такая структура вряд ли может быть перенесена на

западноевропейские реалии. Противоположный сценарий кажется гораздо более вероятным, а именно: что странам ЦВЕ придется частично использовать опыт Западной Европы для того, чтобы управлять своими мусульманскими общинами иммигрантов и решать проблемы, которые наиболее часто встречаются в Европе, такие как дискриминация в отношении мусульман, негативное освещение в СМИ, институционализация ислама.

В то же время, опыт взаимодействия ЦВЕ со своим мусульманским населением определенно может обогатить западный дискурс об исламе. Он не только показывает то, чем европейский ислам являлся на протяжении веков, но и бросает вызов подходу детерминизма, согласно которому именно ислам препятствует интеграции мусульман в жизнь западного общества. Гораздо более вероятно, что социально-экономические условия мусульманских иммигрантов накладываются на очень слабый культурный уровень, и все это тянет их вниз по социальной лестнице.

Заключение

Ислам в Европе имеет длительную историю. Известны как позитивные, так и негативные периоды взаимоотношений между мусульманами и другими европейцами. Каким будет будущее ислама в этом регионе? Об этом трудно судить сейчас с однозначностью. Активная иммиграция мусульман в Европу началась в середине XX в. и до недавнего времени она была довольно умеренной (во всяком случае, здесь имела определенную стабильность). Сформулированные демографические проекции, опирающиеся на устойчивые иммиграционные показатели, позволяют утверждать, что имеется несколько правдоподобных сценариев.

Первый сценарий, который мы обозначили как *подъем национализма*, предполагает приход к власти ультраправых политиков. Эти политики будут стремиться к жестким иммиграционным ограничениям и к мерам, стимулирующим ассимиляцию этно-религиозных меньшинств; в конечном счете, такая политика может привести к стабилизации доли мусульман на уровне 6–8% или даже к сокращению их числа. Тем не менее на данный момент, несмотря на явный рост правых и ультраправых в Европе, их представительство все еще остается ограниченным, и они далеки от того, чтобы формировать мейнстрим современной политики.

Вторая перспектива европейского мусульманства может быть обозначена как *консервация нынешнего состояния*. В рамках этой модели интеграция перейдет в длительный вялотекущий процесс, который очень слабо будет затрагивать (если вообще будет) быт и социальное положение мусульман; иначе говоря, этно-религиозные меньшинства как бы «повиснут» между сегрегацией и полноценным включением в гражданское общество: они по-прежнему будут составлять второсортное общество, останутся

объектом многочисленных форм дискриминации, будут представляться в негативном ключе в СМИ, и т. д. Этот вариант может рассматриваться как результат компромисса между современной политической конъюнктурой и получающими популярность правыми партиями.

Третий сценарий можно назвать сценарием *десегрегации и умеренной интеграции*. Он предполагает, что устойчивые тенденции сохранятся, и они приведут, с одной стороны, к изменениям внутри европейского ислама, а с другой стороны — к модификации европейского общества (что и предполагает логика «интеграционного процесса», согласно идеологам ЕС). Социальная интеграция будет активно продвигаться, по меньшей мере, еще несколько десятилетий. Мы сейчас находимся на ранней стадии данного процесса. Для мусульман это будет означать не ассимиляцию, но, скорее, приспособление к реалиям европейской жизни. Вероятно, на выходе мы получим умеренный и более либеральный вариант ислама, который слабее связан с этнокультурными корнями.

На наш взгляд, наиболее реалистичным является третий сценарий. Но его выполнение будет обеспечено лишь в том случае, если в иммиграционных процессах сохранится стабильность, которую мы наблюдали на протяжении десятилетий. Очевидно, однако, что последние несколько лет эта стабильность оказалась под угрозой, особенно это справедливо для последнего года, когда мы стали свидетелями иммиграционной волны, захлестнувшей Европу. Эта волна вызвана конфликтами на Ближнем Востоке и на севере Африки, так что ее напор будет сильно зависеть от политической ситуации в данных регионах. Официальная позиция крупных европейских политиков такова, что они не собираются отказываться от своего курса на прием беженцев и их интеграцию. Однако ультраправые партии набирают силу, и в ближайшее время европейский политический дискурс может сильно

измениться. Таким образом, будущее ислама в Европе во многом остается под вопросом: оно может оказаться как позитивным, так и резко негативным. Под таким же вопросом остается будущее европейской идентичности и социокультурный облик самого этого региона.

Список литературы

На русском языке:

1. *Али-Заде, Р. Н.* Турецкая диаспора в странах Западной Европы в 60–90-е гг. XX века: проблема интеграции. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук М., 2007.
2. *Аюпова, А. С.* Формирование и развитие мусульманских общин Великобритании. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук М., 2011.
3. *Бибикова, О. П.* Иммигранты из мусульманских стран в Европе. Этноконфессиональный и социокультурный аспекты. М., 2015.
4. *Деминцева, Е. Б.* Ислам в Европе и в России. М., 2009.
5. *Кардини, Ф.* Европа и ислам: история непонимания. СПб., 2007.
6. *Мухетдинов, Д. В.* Ислам в Европе: текущее состояние и перспективы, М., 2015.
7. *Мухетдинов, Д. В.* (ред.). Ислам в современном мире. № 1–2 (29–30), 2013.
8. *Мухетдинов, Д. В.* (ред.). Ислам в современном мире. № 3–4 (31–32), 2013.
9. *Мухетдинов, Д. В.* Российское мусульманство: призыв к осмыслению и контекстуализации. М., 2015.
10. *Понкин, И. В.* Ислам во Франции. М., 2005.
11. *Понамарева, А. М.* Социокультурная адаптация мусульманских общин в западноевропейских обществах. Диссертация на соискание ученой степени канд. соц. наук. М., 2010.

12. Сюкияйнен, Л. Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М., 2014.
13. Сюкияйнен, Л. Р. Ислам и мусульманские меньшинства в Европе: противостояние правовых культур // Ишрак. Ежегодник исламской философии. Вып. 3. М., 2012.
14. Уотт, М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

На иностранных языках:

1. ABHP 2004 — Office for Standards in Education. Achievement of Bangladeshi heritage pupils. HMI 513, London, HMSO, 2004.
2. Agenda 2008 — Renewed Social Agenda: Opportunities, access and solidarity in 21st century Europe. Brussels, 2008 // (<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0412: FIN: EN: PDF>).
3. Allievi 2002 — S. Allievi. Converts and the Making of European Islam // ISIM Newsletter, 11, 1, 4.
4. Amsterdam 2010 — Muslims in Amsterdam. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2010 // (http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-amsterdam-report-en-20101123_0.pdf).
5. Antwerp 2011 — Muslims in Antwerp. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2011 // (http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-antwerp-en-20110913_0.pdf).
6. Oxford Handbook 2014 — J. Cesari (ed.). The Oxford Handbook of European Islam. Oxford University Press, 2014.
7. Copenhagen 2011 — Muslims in Copenhagen. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2011 // (<http://www>).

- opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-copenhagen-en-20110428_0.pdf).
8. Berlin 2010 — Muslims in Berlin. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2010 // (http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-berlin-corrected-en-20100527_1.pdf).
 9. Berthoud, Blekesaune 2007 — R. Berthoud, M. Blekesaune. Persistent employment disadvantage, DWP Research Report No. 416, Norwich, Department for Work and Pensions, 2007.
 10. Bolt et al. 2008 — G. Bolt, R. van Kempen, M. van Ham. Minority Ethnic Groups in the Dutch Housing Market: Spatial Segregation, Relocation Dynamics and Housing Policy // *Urban Studies* 45 (7).
 11. Clarke, Drinkwater 2007 — K. Clarke. S. Drinkwater. Ethnic minorities in the Labour Market: Dynamics and Diversity. Joseph Rowntree Foundation. York, 2007.
 12. Conclusions 2007 — Conclusions of the Council and the Representatives of the Governments of the Member States on the strengthening of integration policies in the European Union by promoting unity in diversity. 2807th Justice and Home Affairs Council meeting, Luxembourg, 12 and 13 June 2007 // (http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/jha/94643.pdf).
 13. Decision 2005 — Council Decision of 12 July 2005 on Guidelines for the employment policies of the Member States // *Official Journal of the European Union*, L 205/25, 6 August 2005.
 14. Decision 2008 — Decision No. 1983/2006/EC of the European Parliament and of the Council of 18 December 2006 concerning the European Year of Intercultural

- Dialogue, 2008 // (<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:412:0044:0050:EN:PDF>).
15. EPIA 2008 — Council of the European Union. European Pact on Immigration and Asylum, 24 September 2008 // (<http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/08/st13/st13440.en08.pdf>).
 16. ET 2009 — Council conclusions of 12 May 2009 on a strategic framework for European cooperation in education and training ('ET 2020') // (http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/educ/107622.pdf).
 17. Ethnic Profiling 2009 — Ethnic Profiling in the European Union: Pervasive, Ineffective, and Discriminatory. Open Society Institute, New York, 2009 // (http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/profiling_20090526.pdf).
 18. Eurobarometer 2006 — Eurobarometer (2006, February). 'Europeans and their Languages', 243 // (http://ec.europa.eu/education/languages/pdf/doc631_en.pdf).
 19. Eurobarometer 2012 — Discrimination in the EU in 2012. Special Eurobarometer 393 // (http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_393_en.pdf).
 20. Givens 2005 — *Givens T. Voting Radical Right in Western Europe*. Cambridge University Press, 2005.
 21. Górak-Sosnowska 2011 — K. Górak-Sosnowska (ed.). *Muslims in Poland and Eastern Europe: Widening the European Discourse on Islam*. Warszawa, 2011.
 22. Hamburg 2010 — *Muslims in Hamburg. At Home in Europe Project*, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2010 // (<http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-hamburg-en-20100629.pdf>).
 23. Handbook on Integration 2010 — *Handbook on Integration for policy-makers and practitioners*. Third edition, April

- 2010 // (http://ec.europa.eu/ewsi/UDRW/images/items/docl_12892_168517401.pdf).
24. Heath et al. 2008 — *A. Heath, C. Rothon, E. Kilpi*. The second generation in Western Europe: Education, Unemployment, and Occupational Attainment // *Annual Review of Sociology* 34, pp. 211–235.
25. Heckmann 2008 — *F. Heckmann*. Education and the Integration of Migrants Challenges for European Education Systems Arising from Immigration and Strategies for the Successful Integration of Migrant Children in European Schools and Societies. NESSE Analytical Report 1 for Directorate General Education and Culture, 2008.
26. Jensen 2006 — *T. G. Jensen*. Religious Authority and Autonomy Intertwined: The Case of Converts to Islam in Denmark // *Muslim World*, 96 (4), 643–660.
27. JHA 2004 — Council of the European Union. Press Release. 2618th Council Meeting. Justice and Home Affairs. Brussels, 19 November 2004 // (http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/jha/82745.pdf).
28. Kaariainen 2007 — *J. T. Kaariainen*. Trust in the Police in 16 European Countries: A Multilevel Analysis // *European Journal of Criminology* 4, pp. 409–435.
29. Kenway, Palmer 2007 — *P. Kenway, G. Palmer*. Poverty among ethnic groups how and why does it differ? York: Joseph Rowntree Foundation / New Policy Institute, 2007.
30. Kitchen et al. 2005 — *S. Kitchen, J. Michaelson, N. Wood*. Citizenship Survey: Community Cohesion Topic Report, Department of Communities and Local Government, London, 2006.
31. Kose and Loewenthal 2000 — *A. Kose, A. M. Loewenthal*. Conversion Motifs Among British Converts to Islam // *International Journal for the Psychology of Religion*, 10 (2), 101–110.

32. Lakhdar et al. 2007 — *M. Lakhdar, G. Vinsonneau, M. J. Apter, E. Mullet.* (2007). Conversion to Islam Among French Adolescents and Adults: A Systematic Inventory of Motives // *International Journal for the Psychology of Religion*, 17 (1), 1–15.
33. Larsson 2007 — *G. Larsson.* Muslims in EU Cities: Preliminary Research Report and Literature Review — Sweden. Open Society Institute, Budapest, 2007.
34. Leicester 2010 — Muslims in Leicester. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2010 // (http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-leicester-20110106_0.pdf).
35. Littman 2005 — *Bat Ye'or.* Eurabia: The Euro-Arab Axis. Fairleigh Dickinson University Press, 2005.
36. Lofland, Skonovd 1981 — *J. Lofland, N. Skonovd.* Conversion motifs' // *Journal for the Scientific Study of Religion*, 20 (4), 373–385.
37. London 2012 — Muslims in London. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2012 // (<http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/muslims-in-london-20120715.pdf>).
38. Marseille 2011 — Muslims in Marseille. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2011 // (<http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-marseille-en-20110920.pdf>).
39. MIE 2010 — Muslims in Europe: A Report in 11 EU Cities. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2010 // (http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-europe-20110214_0.pdf).
40. Modood 2006 — *T. Modood.* Ethnicity, Muslims and higher education entry in Britain // *Teaching in Higher Education* 11 (2), 2006.

41. Moore et al. 2008 — *K. Moore, P. Mason, J. Lewis*. Images of Islam in the UK: The Representation of British Muslims in the National Print News Media 2000–2008. Cardiff School of Journalism, Media and Cultural Studies, Cardiff, 2008.
42. Mukhetdinov D. Islam in Europe: the current state and prospects, Moscow, 2015.
43. Navarro 2009 — *L. Navarro*. Contra el Islam. La visión deformada del mundo árabe en Occidente. Cordoba: Almuzara, 2008
44. Paris 2012 — Muslims in Paris. At Home in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2012 // (<http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/muslims-in-paris-20120720.pdf>).
45. Pew 2011 — The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010–2030. Pew Research Center, Forum on Religion and Public Life, 2011 // (http://www.pewforum.org/uploadedFiles/Topics/Religious_Affiliation/Muslim/FutureGlobalMuslimPopulation-WebPDF-Feb10.pdf).
46. Poole 2009 — *E. Poole*. Reporting Islam: Media Representations of British Muslims. London, 2009.
47. Profiling Minorities 2009 — Profiling Minorities. A Study of Stop-and-Search Practices in Paris. Open Society Institute, New York, 2009 // (http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/search_20090630.Web.pdf).
48. Richardson 1978 — *J. T. Richardson*. Conversion Careers: in and out of the New Religions. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1978.
49. Richardson 2004 — *J. Richardson*. (Mis) representing Islam: The racism and rhetoric of British broadsheet newspapers. John Benjamins Publishing Company, 2004.
50. Rotterdam 2010 — Muslims in Rotterdam. At Home

- in Europe Project, Open Society Institute, New York — London — Budapest, 2010 // (<http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/a-muslims-rotterdam-report-en-20101119.pdf>).
51. Said 1997 — *E. Said*. *Covering Islam. How the Media and the Experts Determine How We See the Rest of the World*. London: Vintage, 1997.
 52. Schonwalder, Sohn 2009 — *K. Schonwalder, J. Sohn*. Immigrant Settlement Structures in Germany: General Pattern and Urban Levels of Concentration of Major Groups // *Urban Studies* 46 (7), pp. 1439–1460.
 53. Smets, den Uyl 2008 — *P. Smets, M. den Uyl*. The Complex Role of Ethnicity in Urban Mixing: A Study of Two Deprived Neighbourhoods in Amsterdam // *Urban Studies* 45 (7), pp. 1439–1460.
 54. Sylva et al. 2004 — *K. Sylva, E. Melhuish, F. Sammons, I. Siraj-Blatchford, B. Taggart*. *Effective provision of preschool education (EPPE) project: Final Report*, DfES, London, 2004.
 55. Yearbook 2009 — *Nielsen J.* (ed.). *Yearbook of Muslims in Europe. Volume 1*. Brill, Leiden — Boston, 2009.
 56. Yearbook 2010 — *Nielsen J.* (ed.). *Yearbook of Muslims in Europe. Volume 2*. Brill, Leiden — Boston, 2010.
 57. Zegers de Beijl 2000 — *R. Zegers de Beijl* (ed.). *Documenting discrimination against migrant workers in the labour market. A comparative study of four European countries*, ILO, Geneva 2000.
 58. Zimmerman et al. 2008 — *K. F. Zimmerman et al.* *Study on the Social and Labour Market Integration of Ethnic Minorities*, IZA Research Report № 16, 2008 // (http://www.iza.org/en/webcontent/publications/reports/report_pdfs/iza_report_16.pdf)

Дамир Мухетдинов
Сергей Бородай

Ислам в Европе

Учебное пособие

Редактор *Г. ЛАКЕЕВА*
Корректор *Р. ГАЛИЕВ*
Дизайн и верстка *А. ПАНЬШИН*

Тираж 1000 экз.

Издательский дом «Медина»
129090, Москва, Выползов пер., д. 7
Тел.\факс (499) 763-15-63
www.idmedina.ru
idmedina@yandex.ru

www.dumrf.ru www.muslim.ru www.miu.su www.islamrf.ru
www.islamrf.org www.islamsng.com www.muslim-forum.info